

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ  
И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ  
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**



УДК 94/99

ББК 63.3(2)6-4 + 63.3(0)62

Составитель - М.Ю. Сорокина

**Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны** / сост. М.Ю. Сорокина. — М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2021. — 228 с.: ил.

**ISSN**

**ISBN**

Основу настоящего сборника составили доклады, прозвучавшие в рамках Международного круглого стола «Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны» 15 мая 2020 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Они посвящены героической деятельности российских соотечественников-антифашистов в Югославии, Нидерландах, Италии, Франции и вводят большой массив совершенно новых архивных документов.

*В оформлении обложки использован фрагмент вышивки матери Марии (Е.Ю. Скобцовой) "Победа над злом", созданный в 1944 г. в концлагере Равенсбрюк.*

© Авторы, 2021

© М.Ю. Сорокина, составление, 2021

© М.Л. Львова, макет, обложка, 2021

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Марина Юрьевна СОРОКИНА</b> (Москва) Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны: от составителя .....	5
<b>Федор Борисович ПОЛЯКОВ</b> (Вена) Юные годы Вики Оболенской: фрагмент из воспоминаний Александра Исаченко .....	10
<b>Милана ЖИВАНОВИЧ</b> (Белград) Влияние политики на судьбу и память о русских участниках движения Сопротивления в Югославии.....	26
<b>Ксения Васильевна САК</b> (Москва) Советские награды – участникам европейского Сопротивления: французы и русские эмигранты (1955–1965 гг.) .....	44
<b>Наталья Валерьевна ТУРЫГИНА</b> (Санкт-Петербург) Участник движения Сопротивления А.М. Агафонов-Глянцев (1920–2009) в национальной памяти России, Франции, Германии .....	61
<b>Сергей Алексеевич КИСЛИЦЫН</b> (Ростов на Дону) Профессор, солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г.Г. Бауман .....	73
<b>Наталья Юрьевна МАСОЛИКОВА</b> (Москва) Неизбежное сопротивление: о судьбе французского микробиолога, участника движения Сопротивления, Ильи Вольмана / Élie Wollman (1917–2008) .....	86
<b>Марина Юрьевна СОРОКИНА</b> (Москва) Антифашистское Сопротивление на Балканах: к биографии поэта Алексея Дуракова (1898–1944) .....	97
<b>Михаил Михайлович ГОРИНОВ</b> (Москва) Судьба участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера .....	126
<b>Алексей Юрьевич ВОВК</b> (Москва) Движение Сопротивления во французской провинции. Случай эмигранта Георгия Шеметилло .....	142
<b>Константин Константинович СЕМЕНОВ</b> (Москва) Александр Угримов и Дурданская группа Сопротивления .....	160
<b>Елена СОЛОМИНСКИ</b> (Дюссельдорф) Немецкие бесчинства в Ницце .....	182
<b>Наталья Владимировна ЛИКВИНЦЕВА</b> (Москва) Благотворительность и Сопротивление: дела милосердия в оккупированном Париже .....	191
<b>Анна РОБЕРТИ</b> (Турин) Туринский Мемориал советских партизан и участников Сопротивления в Пьемонте .....	214



## **Марина СОРОКИНА**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,  
Москва, Россия  
E-mail: msorokina61@gmail.com*

### **РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТ СОСТАВИТЕЛЯ**

15 мая 2020 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) состоялся Международный круглый стол «Русская эмиграция и движение Соппротивления в годы Второй мировой войны» (в онлайн режиме), посвященный 75-летию Великой Победы во Второй мировой войне. В нем приняли участие исследователи из ведущих российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских институтов, зарубежные соотечественники, общественные деятели, гражданские активисты из многих стран Европы.

Круглый стол продолжил традицию обсуждения участия представителей русского зарубежья в европейском Соппротивлении, которая в течение последних десятилетий активно развивается в рамках научно-исследовательских и историко-просветительских программ Дома русского зарубежья. Так, в частности, в 2015 г. ДРЗ выступил с инициативой проведения международной научной конференции «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом», ставшей первым в истории современной России и российской науки форумом, специально посвященным этой проблематике<sup>1</sup>.

Во второй половине XX столетия и сама русская эмиграция, и историки, работавшие в СССР, немало сделали для изучения и сохранения памяти о русских и советских участниках движения

---

<sup>1</sup> Ее материалы опубликованы: Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015.

Сопrotивления. Так, первое литературное свидетельство об участии советских партизан в движении Сопrotивления – небольшая книжечка известного писателя русского зарубежья Гайто Газданова (1903–1971) «Je m'engage à défendre» («Я защищаю»), была издана в Париже уже в 1946 г. Чуть позже, в 1947 г., активные участники французского Сопrotивления Софья Носович (1898–1978) и Игорь Кривошеин (1899–1987) опубликовали в парижском «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции» (№ 1) воспоминания о своей соратнице, гильотинированной в берлинской тюрьме Плетцензее, Вике Оболенской (1911–1944), а в 1951 г. писатель Владимир Варшавский (1906–1978) в своей книге «Незамеченное поколение» посвятил русским резистантам целую главу с символическим названием «Погибшие за идею».

В СССР первая научная статья, представляющая и анализирующая историю русской составляющей европейского Сопrotивления, появилась также сразу после окончания Второй мировой войны – в 1949 г. в академическом журнале «Вопросы истории» (№ 8) и принадлежала перу эмигранта-возвращенца, а впоследствии известного историка, Михаила Штранге (1907–1968). С этого момента многочисленные исследования, посвященные вкладу и русских эмигрантов, и советских граждан, оказавшихся на оккупированных территориях европейских стран, в победу над гитлеровским и другими фашистскими режимами стали публиковаться постоянно. Достаточно напомнить, что список литературы «Участие советских людей в Европейском движении сопrotивления», подготовленный Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в 1975 г., только за 1960–1975 гг. насчитывает 481 позицию.

Советская историческая и художественная литература, подчеркивая многонациональный характер движения Сопrotивления, его большой вклад в победу над нацизмом и жертвенность его участников, создавала в эти годы одновременно и позитивный образ соотечественника-«антифашиста»-героя, и образ интегрированности СССР в европейское пространство. Нередко пишут, что эта литература отражала цели советской пропаганды и ее стремление поддержать левое коммунистическое движение в Европе. Однако это верно только частично. Ни

советская историография, ни советская литература не были тотально подконтрольны партийным и цензурным органам и весьма часто выстраивали свою, параллельную официальной идеологической парадигме, художественную и документальную правду. Так, первая статья, посвященная Борису Вильде (1908–1942), появилась уже в 1959 г., затем, на протяжении 1960-х годов, материалы о нем регулярно публиковались в СССР, в том числе сокращенный перевод знаменитого дневника Вильде за октябрь–ноябрь 1941 г., а в 1968 г. был снят и документальный фильм.

В 1990–2000-е годы антифашистская тематика уступила место более актуальным для того времени историческим сюжетам и ее возрождение связано прежде всего с работой Дома русского зарубежья по увековечению памяти соотечественников – участников Сопrotивления. В эти годы были проведены многочисленные выставки и научно-просветительские конференции, изданы книги, началась работа историка-просветительского семинара ДРЗ «Русские в европейском Сопrotивлении». Эта практика отражала тот огромный общественный интерес к проблемам исторической памяти, который остается актуальным и сегодня.

Именно поэтому программа Международного круглого стола «Русская эмиграция и движение Сопrotивления в годы Второй мировой войны» (организатор и модератор зав. Отделом истории российского зарубежья ДРЗ М.Ю. Сорокина) была построена так, чтобы расширить традиционные представления об истории и географии движения Сопrotивления, которое в большинстве случаев ассоциируется с Францией, и представить новые интерпретации, события и имена антифашистов.

Основу настоящего сборника составили доклады, прозвучавшие в рамках этого круглого стола, бóльшая часть из них также публикуется на страницах «Ежегодника Дома русского зарубежья» 2020 года<sup>2</sup>. Возможности zoom-конференции, которую открыл директор ДРЗ В.А. Москвин, позволили подключиться к круглому столу более 70 участникам из многих стран мира. Никита

---

<sup>2</sup> Полный текст выступлений участников Международного круглого стола можно посмотреть и послушать на официальном сайте Дома русского зарубежья: [https://www.domrz.ru/press/news/20082\\_mezhdunarodnyy\\_kruglyy\\_stol\\_russkaya\\_emigratsiya\\_i\\_dvizhenie\\_soprotivleniya\\_v\\_gody\\_vtoroy\\_mirovoy\\_vo/?phrase\\_id=7292](https://www.domrz.ru/press/news/20082_mezhdunarodnyy_kruglyy_stol_russkaya_emigratsiya_i_dvizhenie_soprotivleniya_v_gody_vtoroy_mirovoy_vo/?phrase_id=7292).

Игоревич и Ксения Игоревна Кривошеины (Париж, Франция) напомнили о том, как поначалу неоднозначно воспринималась гитлеровская агрессия в среде русской эмиграции и как в конечном итоге значительная часть русских эмигрантов «встала на путь Сопrotивления и надежды на победу России».

Об особенностях антифашистской борьбы в Югославии и трагической судьбе многих ее участников в послевоенные годы рассказали ведущий научный сотрудник ДРЗ Марина Сорокина и научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград) Милана Живанович; о русских эмигрантах в польском подполье – докторант Института политических исследований Польской академии наук Хуберт Куберский; о Норвегии, где в годы войны было много лагерей для советских военнопленных, которым местные жители помогали бежать и вливаться в ряды Сопrotивления, – доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия) Марина Паникар; о невероятной судьбе историка Г.Г. Баумана, участника движения Сопrotивления в Нидерландах, поведал профессор С.А. Кислицын. Алексей Сосинский, потомок известной семьи Сосинских-Черновых, напомнил о привлечении советских военнопленных в диверсионную группу русских эмигрантов на острове Олерон во Франции, а эту интересную тему раскрыл в своем докладе Степан Решетников (Москва, РГГУ).

Почетный президент туринского общества «Русский мир» Анна Роберти рассказала, как в Италии сохраняется память о русских военнопленных – участниках партизанского движения в этой стране. Автор книги о советских партизанах в Италии, изданной недавно в России, Массимо Эккли поделился результатами своих изысканий в российских архивах, а Михаил Талалай, живущий в Италии, сфокусировал свое выступление на истории римского антифашистского подполья и эволюции взглядов русских аристократических эмигрантских семейств от антикоммунизма до патриотической позиции «Мы не белые и не красные, мы – русские».

Профессор Венского университета Федор Поляков представил новый источник, раскрывающий совершенно неизвестные страницы эмигрантской биографии знаменитой участницы французского Сопrotивления Вики Оболенской;



доктор филологических наук Анастасия Гачева (ИМЛИ РАН) посвятила свое выступление взглядам евразийца Константина Чхеидзе. Президент Ассоциации соотечественников «Memoire Russe» (Франция) Сергей Дыбов рассказал о российских кавалерах французского Ордена Освобождения; ведущий научный сотрудник ДРЗ Наталья Масоликова – о неординарной судьбе выдающегося русско-французского микробиолога Ильи Вольмана; преподаватель Санкт-Петербургского университета Наталья Турыгина рассмотрела место писателя и участника движения Сопротивления А.М. Агафонов-Глянцев в национальной памяти России, Франции, Германии; ведущий научный сотрудник ДРЗ Михаил Горинов-мл. поведал о непростой судьбе участника антифашистской борьбы во Франции Н.Н. Роллера, кандидат исторических наук Алексей Вовк – о движении Сопротивления во французской провинции и, в частности, о случае эмигранта Георгия Шеметилло; старший научный сотрудник ДРЗ Константин Семенов – об Александре Угримове и его антифашистской группе в Дурдани. Ведущий научный сотрудник ДРЗ Наталья Ликвинцева на архивных материалах исследовала дела милосердия в оккупированном Париже, а другой ведущий научный сотрудник ДРЗ – Ксения Сак специально для этого сборника написала статью о советской политике награждения сопротивленцев в 1950–60-е годы, введя большой массив новых архивных документов.

Участники Международного круглого стола пришли к единодушному мнению, что для дальнейшего развития исследовательской программы по изучению русского участия в европейском Сопротивлении в годы Второй мировой войны необходима интернационализация усилий и создание общеевропейского научно-исследовательского проекта.

**Федор ПОЛЯКОВ**

Венский университет,

Вена, Австрия

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

**РАННИЕ ГОДЫ ВЕРЫ МАКАРОВОЙ  
(КНЯГИНИ ВИКИ ОБОЛЕНСКОЙ)  
В ВОСПОМИНАНИЯХ А.В. ИСАЧЕНКО**

Труды выдающегося лингвиста, специалиста по русскому и словенскому языкам, участника Пражского лингвистического кружка Александра Васильевича Исаченко (21 декабря 1910 / 3 января 1911, С.-Петербург – † 19 марта 1978, Klagenfurt) получили еще прижизненное признание, а его деятельность повлияла на традиции академической славистики в современных Австрии, Чехии, Словакии, Словении [Дюрович 1996; Зимек 1996; Брглез, Селяк 2008; Щипанская 2008; Дерганц 2012; Элиаш 2012; Āurovič 1996; Harbul'ová 2001; Āurovič 2004; Brglez, Seljak 2007; Eliáš, Matejko 2011; Zajc 2015]. Его имя также появляется в контекстах изучения истории и культуры эмиграции, а также на пересечении раннего евразийства с типологическими исследованиями сформулированной князем Н.С. Трубецким идеи языковых союзов [Томан 1994; Poljakov 2005].

Профессиональная карьера Исаченко связана с постоянными перемещениями, сменой стран и университетов [Российское научное зарубежье 2011. С. 311–312]. Однако, несмотря на некоторое внешнее благополучие и даже *fortune*, она протекала в сложных обстоятельствах – ипополитическим, ипоэмоциональным причинам. Ему посчастливилось уйти от преследования гестапо в Вене в 1938 г.; он работал в Люблянском университете на доцентуре, пережил войну в Словакии, занимал руководящие должности в академических учреждениях Чехословакии и ГДР. Неудивительно, что его профессиональное общение не было ограничено поездками в СССР<sup>1</sup>. Уже в первой половине 1960-х

---

<sup>1</sup> Приводимые далее сведения о поездках А.В. Исаченко – это далеко не

годов он многократно бывал в европейских университетах, в том числе в Уппсале, Гётеборге, Осло, Лондоне, Париже, Нанси. В 1965 г. Исаченко переехал из Восточного Берлина в Прагу, а в 1967 г. получил возможность провести год на гостевых профессурах в Лос-Анжелесе (UCLA), Анн Арборе (University of Michigan) и Нью-Хэйвене (Yale University) – т. е. не только получил приглашения из-за океана, но и соответствующее разрешение чехословацких инстанций на такую (сказочную для социалистического лагеря) командировку. В августе 1968 г., во время ввода войск Варшавского договора находясь в отпуске по другую сторону «железного занавеса» от Праги, в Клагенфурте, Исаченко принял решение не возвращаться в Чехословакию, что в очередной раз означало перемену жизненного уклада (и потребовало организовать спасение своей библиотеки, впоследствии ожидавшей его в Вене)<sup>2</sup>. Вскоре он занял профессуру в UCLA, где находился до 1971 г., после чего переехал обратно в Клагенфурт, создав там институт славистики и став впоследствии проректором новооткрытого университета (Alpen-Adria Universität). Разумеется, бегство из социалистического лагеря в Калифорнию послужило причиной запрета ссылок на труды Исаченко и на упоминание его имени<sup>3</sup>.

---

полный их перечень, содержащийся в curriculum vitae 1970-х годов (личный архив В.А. Кюнельт-Леддин, Вена).

<sup>2</sup> По рассказу В.А. Кюнельт-Леддин (устное сообщение), в день начала оккупации Чехословакии, 21 августа 1968 г., она с мужем рано утром выехала из замка Crisberg в Каринтии, где их семья проводила каникулы, в Клагенфурт, чтобы утешить своего отца, попавшего, как им казалось, из-за оккупации Чехословакии в сложные обстоятельства, но к им удивлению он просто сиял от радости, предвкушая начало новой жизни; позднее, в его письмах к дочери из Лос-Анжелеса также не говорилось о сожалениях и утратах.

<sup>3</sup> Ср.: «<...> открывая конференцию, посвященную памяти профессора А.В. Исаченко, мы возвращаем тот долг, который по отношению к Исаченко как ученому и человеку, лежит на чехословацкой русистике и чехословацкой науке вообще с того самого дня, когда его научные труды были запрещены, когда его университетские и гимназические учебники были изъяты из употребления, когда само его имя было предано забвению. Проклятие это не было снято даже после его смерти в Клагенфурте 19 марта 1978 года. <...> труды Исаченко не только длительное время замалчивались, но <...> даже было запрещено их цитировать. Таким образом, по сути, одно или даже два поколения молодых чехословацких русистов практически были лишены возможности узнать, кем же был в действительности Исаченко, что же он такого особенного создал, что заставляет нас вновь и вновь обращаться к его трудам» [Дюрович 1996. С. 10. См. также: Нерознак, Сальников 1998. С.

Именно в Клагенфурте, возвратившись «на круги своя», в места, где отчасти прошли его школьные годы, А.В. Исаченко и обратился к работе над воспоминаниями, которые были озаглавлены «Жизнь прожить». Их замысел имел одну особенность – рассказ о семье и о своих корнях сталкивался с невозможностью полноценной документальной реконструкции в из-за утраты множества материальных знаков памяти. Поэтому, несмотря на то, что в повествовании о своем отце и особенно о деде Исаченко все-таки не удастся ограничиться только собственными воспоминаниями (что побуждало его, в частности, собирать материалы для семейной истории среди своих родственников в СССР), он обосновывает механизм своей повествовательной композиции следующим образом:

В нашей семье никто никогда ничего не записывал, не сохранял писем, не вел дневников. Откладывались исключительно фотографии да отдельные документы. Многочисленные бегства, переезды из страны в страну, революции и войны уничтожили и то немногое, что могло бы послужить материалом для этих записок. Зажигательные бомбы, сброшенные на Берлин, уничтожили все личные сувениры моей матери. Хранившиеся у меня отдельные письма отца остались в оккупированной русскими Праге. В своих репортажах о событиях, отделенных от нас полвеком и больше, я всецело должен был положиться на память – зрительную, вкусовую, музыкальную, память запахов и настроений, память боли и радости.

Я знаю, что сейчас уже невозможно отделить воспоминания о фактически происшедшем от семейной легенды, рассказов взрослых. Да это и неважно: единственно реальным лично для меня является лишь то, что хранится в моем сознании. Источники – второстепенный вопрос. В этом смысле жизнь моя мне не представляется как документальный фильм; это фильм в полном смысле слова «художественный», его единственный режиссер – моя память<sup>4</sup>.

---

969–970].

<sup>4</sup> Цит. по машинописному оригиналу (личный архив В.А. Кюнелът-Леддин, Вена).

Кинематографическая метафора, которой использует Исаченко, подразумевает более сложную структуру текста, чем единичный зрительный образ (ср., например, заглавие воспоминаний Августы Даманской «На экране моей памяти»). Однако выразительные возможности кинематографа, различная техника совмещения повествования относимы как к достоверным, так и к художественно переосмысленным текстам. Так, рассказы участника французского Сопротивления журналиста Владимира Гессена оцениваются в предисловии к его книге Марком Алдановым как материал, который может быть воплощен «в романе с напряженной фабулой», притом что сомнений в достоверности этих рассказов не возникает; одновременно Алданов связывает представление о кинематографе также с фикциональным текстом: «И вполне возможно, что если б Достоевский дожил до кинематографа, то он писал бы и для экрана: слишком соблазнителен этот самый мощный из всех существующих способов морального воздействия на человечество» [Алданов 1951. С. 5]<sup>5</sup>. Таким образом, на основании этой формулировки можно подчеркнуть, что и по отношению к тексту Исаченко использованная им кинематографическая метафора прежде всего характеризует способы презентации различных кодов индивидуальной памяти («память запахов и настроений» и др.), что помогает противостоять утратам материальных свидетельств в исторических катастрофах. Однако в воспоминаниях Исаченко автору, привыкшему к историческому исследованию, порой бывает трудно подчиниться указаниям «режиссера» – своей памяти.

Завершить свои воспоминания А.В. Исаченко не успел, мы располагаем только несколькими фрагментами – тремя главами и началом четвертой главы, написанными по-русски, а также наброском по-немецки. Небольшие отрывки из воспоминаний Исаченко по оригиналу на русском языке были напечатаны в основанном самим Исаченко в 1974 г. журнале «Russian Linguistics» его ближайшим учеником и другом Любомиром Дьюровичем,

---

<sup>5</sup> Автор книги Владимир Иосифович Гессен (1901–1982), журналист, один из первых синхронных переводчиков в ООН, друг Владимира Набокова. См. о нем: [Гессен 2004. С. 335]. Цитированные строки Алданова вызывают интерес для сопоставления с его же очерками на военные темы. См.: [Пеппард 2013].

после 1968 года – профессором в Лунде [Исаченко 1979]. Через два десятилетия дочь А.В. Исаченко, филолог Варвара Александровна Кюнелът-Леддин, выпустила перевод воспоминаний на немецкий, с включением той части биографии отца, которая осталась за рамками описанного им периода [Issatschenko 2003]. В сотрудничестве с В.А. Кюнелът-Леддин, верным хранителем наследия своей семьи и нашим добрым другом, подготовлено издание оригинальной версии воспоминаний А.В. Исаченко. По машинописи этих воспоминаний здесь впервые публикуется рассказ о его встречах с Верой Макаровой – будущей княгиней Верой Аполлоновной Оболенской, получившей известность под своим домашним именем Вики<sup>6</sup>.

\* \* \*

**Александр Васильевич Исаченко**  
**Жизнь прожить**  
**Фрагмент из главы II: «Отец»**

Ехать на «Запад» было не так-то легко. Русским беженцам почему-то не давали индивидуальных виз, надо было ехать группами и нелегко было попасть в список. Используя все еще поддерживаемые связи с Красным Крестом, папа добился того, что нас полулегально посадили в поезд, ехавший по направлению в Белград. Мы заняли купе вместе с двумя голландскими офицерами Международного Красного Креста.

Железные дороги на Балканах были совершенно разбиты, через мосты (шаткие, жуткие) поезд полз шагом, то и дело нас оставляли на запасном пути. Иногда приходилось даже возвращаться к станции, чтобы дать проехать встречному товарному поезду, везущему ободранных военнопленных. Вагоны были допотопны: в каждое купе можно было войти с обеих сторон, а вдоль вагона бежала подножка, по которой кондуктор во время езды переходил из купе в купе. Такие вагоны я впоследствии видел в Германии. Наш поезд назывался «Ориент Экспресс» и как бы в подтверждение этого громкого имени в составе обдрипанного поезда находился гордый вагон-ресторан. Отец решил поужинать

---

<sup>6</sup> Встречающаяся у Исаченко неточность в передаче ее имени – «*Виктория Макарова*» – объясняется ошибочным переосмыслением семейной традиции, попыткой перевода детского имени в статус взрослого.

по-человечески и на одной из остановок мы перебежали из нашего вагона в шикарный коричневый международный вагон с золотыми буквами. Голландцы остались стеречь наши вещи. Нам отвели столик и отец стал изучать меню, а я впитывал в себя новые впечатления: я еще никогда не был в вагоне-ресторане и как многие русские страдал железнодорожным романтизмом. Гораздо позже в одном никогда не опубликованном стихотворении я назвал вокзал – «сарай тоски». За соседним столиком сидели две дамы – явно сестры – а с ними сидело совершенно ангельское существо: девочка лет восьми-девяти, длинные до плеч каштановые волосы (в них небольшой белый бант), невероятно синего цвета глаза, чуть смугловатая кожа. Одета она была в светлое платьице с короткими рукавами. Они между собой говорили по-английски, что меня глубоко разочаровало, т.к. я сам знал только несколько слов по-английски (я кое-что подхватил на «Чинче» и на английском истребителе), но разговаривать на этом языке не мог. Даже если бы с Божьей помощью удалось познакомиться с этой неземной мисс, я все равно не смог бы сказать ей ничего умного.

Весь ужин я просидел как очарованный и, надо думать, англичаночка это заметила. Потом, вернувшись в наше купе, я стоял у открытого окна и далеко впереди, в одном из первых вагонов, видел развивающиеся волосы моей красавицы, видел белый бант и даже локоток, но обладательница всего этого смотрела, естественно, вперед, т.е. не в мою сторону. Когда же она поворачивала голову назад (чтобы отвернуться от густого дыма, которым паровоз обдавал весь состав), она закрывала глаза, опасаясь, как бы частица угля не попала ей в глаз и таким образом меня и не могла (или не хотела?) замечать. Вскоре стемнело, надо было укладываться на ночь. А на утро я напрасно выгибался из окна – никто не показывался. Так кончилось мое увлечение прекрасной мисс.

Первой остановкой была София – столица Болгарии. Самостоятельно продолжить наше путешествие нам не разрешили, т.е. у нас была общая виза. Но и поезда для нас не было. Нам было предложено переждать в Софии и ежедневно приходиться справляться в Красный Крест.

Город уже был переполнен русскими беженцами. Несмотря на то, что Болгария сражалась на стороне немцев против России,

население очень хорошо относилось к русским, в которых все продолжали видеть освободителей. Перед Софийским собором, построенном в русском стиле, стоял памятник Александру III, «царю-освободителю», многие надписи вроде БАНКА были понятны, вообще же болгарский язык казался нам пародией на русский. Я тогда не совсем понимал, почему отец так расхохотался, увидев надпись ВЛАГАЛИЩЕ («магазин», «склад»). Отцу удалось найти комнатку в частном доме, но комната оказалась клоповником. Я-то уснул, но родители не решились лечь, так как клопы были повсюду. Они нагло ползали по подушкам, лезли с пола на кровати, вылезали из всех щелей на ободранных обоях и даже наподобие парашютистов спрыгивали с потолка. Бедные родители просидели всю ночь у стола. Сперва у них еще была свеча и отец сжигал вонючих клопов, но свеча догорела и пришлось с клопным нашествием бороться вслепую. Утром у меня страшно разболелся зуб и отец отправился со мной к зубному врачу. Доктор оказался русофилом, говорил очень бойко (и очень неправильно) на русском языке (в Болгарии русский язык был первым иностранным языком во всех гимназиях), он ловко вырвал мне зуб и даже вознаграждал меня за страдания рюмочкой коньяку. Заодно выпил и папа. Узнав, что папа адвокат и что мы остановились в малопривлекательной комнате, он нас просто пригласил в свой дом. В Болгарии тогда был продовольственный кризис, но в этой стране садовников всегда было достаточно овощей и фруктов, и мы превкусно питались разными интересными балканскими блюдами. Но нам не пришлось задерживаться в Софии. Транспорт русских был назначен на один из ближайших дней.

Таща все ту же самую нашу корзину, мы явились в назначенное время на вокзал, попрощавшись с трогательными хозяевами и получив от них продовольствие на дорогу. У перрона почти пустого вокзала стоял товарный состав и нам было предложено грузиться в теплушки. Начались протесты, возмущенные крики русачков на кошмарном французском языке, кто-то бегал куда-то жаловаться, кто-то звонил по телефону в штабс-квартиру союзников – напрасно. Начальник станции решительно попросил нас не задерживать движения (которого не было) и производить посадку. Кто похитрей, стали «занимать места», т. е. устраиваться в уголке теплушки. Чемоданами и тюками



отгораживали свою «площадь» и устраивались кто как мог. Многие расстилали на полу пледы, другие из кульков и узелком строили сидения. В вагоне было темновато, пахло не то лошадьми, не то навозом. И когда вагон был уже переполнен, когда все уже перезнакомились и стали угощать друг друга кто чем мог, у дверей появились давешние англичанки, а с ними ангельское создание, на этот раз с желтым бантом. Кто-то помог им вскарабкаться (табуретку, служившую подножкой уже убрали), им снизу подали багаж, и им пришлось устраиваться «посерединке», но тут наш состав тронулся. Паника, однако, была излишня, так как наш состав просто перевели на запасной путь и там забыли. На запасном пути мы простояли два дня, и эти два дня были для меня решающими.

Во-первых, выяснилось, что к запахам уже существующим прибавился еще один новый, едкий, нашатыристый запах, особенно ночью, когда двери теплушки задвигались. Он исходил из корзины англичанок, которые везли с собой пару диких сиамских котов. К тому же она, т. е. кошка, постоянно чихала. Иногда приходилось кошек выпускать, и тогда они устраивали «джунгли»: носились по всему вагону, карабкались по отвесным деревянным стенам теплушки, прыгали на пассажиров и вызывали всеобщее неудовольствие. Спрыгнув на полотно железной дороги, они молниеносно исчезали в канаве и приходилось их ловить. Вот эта ловля кошек и была подарком небес.

Наши англичанки оказались, конечно, русскими: мадам Макарова, ее безымянная и незамужняя сестра и – дочь Виктория, называемая Вики. Кошки принадлежали незамужней даме и она тряслась над ними. Мы с Викой были единственными детьми в целом транспорте и жизнь вновь улыбнулась мне, когда она (обращаясь ко мне на «вы») попросила меня помочь ей поймать кошку. Мы часами блуждали по запущенному товарному вокзалу, катались на турникете, на котором поворачивали паровозы, взбирались на водокачку, заходили далеко в район складов, даже раз отправились обратно в город. Не буду скрывать – с первого же дня я понял, что это моя судьба и что Вики обязательно будет моей женой. Она была изящна в движениях, охотно соглашалась даже на довольно рискованные эскапады – например, проехаться вдвоем на ручной дрезине – и с необыкновенным тактом давала мне понять, что она принимает мое мужское превосходство как

должное, она доверяла своему рыцарю, не подвергая никаким сомнениям его приоритет и инициативность.

Наконец, поезд нашел свой паровоз (пришлось вскладчину подкупить машиниста и кочегара), и мы черепашьям шагом стали двигаться по летнему пейзажу Болгарии. На болгарско-сербской границе, в Цариброде, наш состав остановили, причем наш вагон оказался на шатком деревянном мосту, состоявшем из рельсов и шпал, так что выйти из теплушки было невозможно. Нас долго продержали на границе, потом пустили в Сербию (станция Пирот) и довезли до города Ниш, но там уже не оказалось паровоза. Опять пришлось искать предприимчивого машиниста, опять вскладчину давались взятки, пока, наконец, один из русских пассажиров не вызвался везти нас на свой риск: он был инженером-путейцем и разбирался в паровозах. Самое удивительное то, что железнодорожное управление согласилось на такую авантюру. Ехали мы без расписания, ехали медленно, чтобы в случае встречного поезда можно было остановиться и дать сигнал, по ночам стояли на запасных путях маленьких полустанков. Топливо пришлось тоже покупать самим, а топкой занимались врачи, адвокаты, офицеры, фабриканты. Эта романтическая поездка (с дивными цветами у самой насыпи, которые я преподносил и матери Вики и – для отводу глаз – моей маме), с кострами у самого полотна, где ночью сидели сторожа, организованные для охраны «детей и женщин», вылазки в сербские деревни и городишки для добычи продуктов (хлеб, лук, сало – масла сербы в то время не знали), все это нас с Викой необыкновенно сблизило. В конце путешествия, когда стало ясно, что придется расставаться, я доверился маме и поставил ее в известность о своих матримониальных намерениях. Мама мне посоветовала хорошенько обдумать этот важный шаг, Вики пока не делать предложения, намекнув (довольно бестактно) на возможность встречи с другой девушкой, которая... но довольно! Такой мысли я просто не допускал.

С Вики мы не разошлись навсегда. Макаровы, как и мои родители, поселились в Белграде, а я на лето приезжал к родителям. Макаровы жили буквально в двух шагах от нашего домика: наш и их сад соприкасались. Кошка все еще чихала, я приходил утром к Макаровым и мы с Вики отправлялись на базар покупать «ждигерицу за мачку» (печенку для кошки) за динар. Я

уже стал ходить в кино; в то время стали показывать американские авантюрные фильмы в продолжениях, которые назывались «эпохами». Помню картину, в которой шайка разбойников с соколиными перьями на шляпах терроризировала фермеров, шерифа они схватили и, привязав к бревну, собирались распилить на лесопилке. Вот бревно приближается к пиле, шериф пытается освободиться, а там уже скачут хорошие ковбои, готовые ему помочь. На этом картина обрывается, продолжение в следующей «эпохе». Подобного рода мотивы поставляли материал наших совместных игр. Я то привязывал Вики к яблоне и с дьявольским хохотом издевался над ней, то (уже в другой роли) ударом кулака повергал незримого противника и освобождал жертву, за что всегда чувствовал искреннюю благодарность. Справедливость торжествовала, а мы научились проигрывать вдвоем целые «эпохи». Мои чувства к Вики, которая росла и хорошела, почти не изменились. Но в 1922 году я потерял ее из виду.

Встретились мы с Вики совершенно случайно, в 1932 году в Париже, на рю Дарю. Нас познакомили, но моментально мы узнали друг друга. Она только что приехала из Страсбурга и пригласила меня к себе в Нейи. Созвонившись с матерью по телефону, она повела меня к автобусу и, стоя на площадке, стала скороговоркой рассказывать о себе, расспрашивать меня. Теперь она была настоящая красавица, рослая, идеально сложенная, крайне симпатичная. Мадам Макарова и ее (все еще безымянная) сестра снимали особнячок в предместье Парижа. В большой комнате, куда можно было пройти прямо со двора, кишели кошки всех мастей и возрастов. Ужинать в такой атмосфере было довольно неприятно. Но у Вики была своя комнатка в мансарде, куда мы и укрылись после ужина. У Вики, по-видимому, было горе, она только-что пережила большое разочарование, но наша встреча была очень сердечной, искренней и веселой: мы вспоминали наши игры, наши роли, хохотали весь вечер. К сожалению, через несколько дней мне пришлось возвращаться в Вену.

Позже я узнал, что Вики вышла замуж за князя Оболенского, приезжая в Париж, я часто встречался с лицами, хорошо с ней знакомыми, но лично с ней больше не встречался. О ее судьбе я совершенно случайно узнал из «Литературной газеты», летом 1958 года. Советская газета писала со слов своего парижского

корреспондента о подвиге русской женщины во время оккупации, о Виктории Оболенской, исполнявшей опаснейшие поручения для организации сопротивления и попавшей в лапы гестаповцев. Она была расстреляна немцами в самом конце войны. Память об этом чудном ребенке, об этой обаятельной женщине и об этой самоотверженной героине я храню с особым пиэтетом.

\* \* \*

### **Комментарии:**

Поскольку в корпусе сведений о героине французского Сопротивления княгине Вере Аполлоновне Оболенской практически отсутствуют данные, касающиеся ее ранних лет, до приезда в Париж, значение публикуемого фрагмента воспоминаний А.В. Исаченко трудно переоценить.

Напомним, что Вера Макарова 9 мая 1937 г. вышла замуж за князя Николая Александровича Оболенского (1900–1979), впоследствии также участника Сопротивления, который пережил заключение в Бухенвальде и позже принял священный сан [Нивьер 2007. С. 352–353]. Она была в числе основателей «Organisation Civile et Militaire» («Гражданская и военная организация») в 1940 г., арестована в Париже 17 декабря 1943 г., казнена на гильотине в берлинской тюрьме Plötzensee (по жуткому совпадению – в излюбленном русскими районе Берлина Шарлоттенбурге) 4 августа 1944 г.<sup>7</sup>

Вера Макарова родилась в Москве 11 июля 1911 г. в семье статского советника и последнего вице-губернатора Бакинской губернии (1914–1917) Аполлона Аполлоновича Макарова и его жены Веры Алексеевны, урожд. Коломниной. Об отце Вики ее подругой сообщается: «[Он] уехал в Америку якобы с тем, чтобы впоследствии выписать туда жену и дочь. Так мне во всяком

<sup>7</sup> Из обширной литературы, посвященной В.А. Оболенской, упомянем здесь: [Варшавский 2010; Флам 2005]. О памятных знаках см. также: [Нечаев 2008. С. 277]. Обстоятельства казни на гильотине (а не расстреле, как встречается в разных публикациях) описаны в работах: [Оболенская-Флам 2011; Флам-Оболенская 2012]. Важнейшие французские источники, в том числе материалы полицейского расследования и свидетельства современников, указаны в статье (подготовлена в 2016 г., дополнена в 2020 г.): [Bourrée]. Имя В.А. Оболенской под номером 153 входит в перечень трупов казненных врагов Рейха, которые были использованы для анатомических целей: [Hildebrandt 2013].

случае рассказывала Вики. Но он никогда этого не сделал. Уезжая, он поручил Вики на день именин ее матери преподнести от его имени букет роз. Вики честно исполняла его просьбу, никогда не забывая»<sup>8</sup>.

Итак, А.А. Макаров одно время находился с семьей в Париже, но поскольку в рассказе Исаченко он не упомянут, то отправлялся он в эмиграцию, по всей вероятности, другим маршрутом или в другое время. Вики ехала в беженском потоке только с матерью и ее так и не названной теткой, и жили они, согласно этим воспоминаниям, тоже одни – и в Белграде, и в Париже. Материальное положение отца Вики, который, по некоторым сведениям, работал на спичечной фабрике в Нью-Йорке [Флам-Оболенская 2012. С. 122], очевидно, не позволяло ему осуществить план воссоединения семьи. О судьбе дочери он был оповещен французскими властями. Аполлон Аполлонович Макаров умер в Нью-Йорке 18 апреля 1953 г. [Незабытые могилы 2004. С. 308].

Отметим, что Аполлон Макаров был выпускником Училища Правоведения (58 выпуск, 15 мая 1897 г., под № 13), и потом в Париже это послужило поводом сближения Вики с одной из ее подруг, чей отец учился там же [Флам 2005. С. 9–10]. Любопытно, что в памяти Исаченко никаких сведений об отце Вики не запечатлелось, иначе при расспросах взрослых о том, кто эта чудная девочка, он рассказал бы о ее родителях, так что его отец, Василий Васильевич Исаченко (1880–1925), который закончил то же учебное заведение (62 выпуск, 15 мая 1901 г., № 3), мог бы, вероятно, проявить интерес к этому имени.

В подробной реконструкции жизненного пути В.А. Оболенской, предпринятой Л.С. Оболенской-Флам, сообщается: «Ей было девять лет, когда Макаровы, пережив в России кровавые события революционных лет и Гражданской войны, попали беженцами в Париж» [Флам 2005. С. 8]. По какому-то другому источнику уже упоминаемый нами выше участник Сопrotивления Владимир Гессен передает: «Ей было только семь лет, когда родители увезли ее из Москвы во Францию» [Гессен 1974. С. 152–153]. Столь ранняя датировка Гессена (т. е. 1918 г.) ошибочна. Вики и Александр были одногодки, их семьи в течение 1920 г. находились

---

<sup>8</sup> Свидетельство Марии Михайловны Муравьевой (ур. Родзянко, 1909–1982), цит. по кн.: [Флам 2005. С. 12].

в путешествии по Балканам, а затем осели на некоторое время в Белграде, причем оказались соседями. Поскольку приезд семьи Исаченко в Белград летом 1920 г. подтверждается другими источниками, то его фраза «а я на лето приезжал к родителям» (он был вскоре отправлен учиться в интернат в Клагенфурте) должна относиться уже к следующему лету, т. е. к 1921 г., и отъезд Макаровых в Париж мог состояться между второй половиной 1921 г. и (серединой) 1922 г., когда Исаченко, по его словам, «потерял ее из виду». Сам он в 1923 г. был взят отцом из интерната в Клагенфурте и переехал в Берлин.

После встречи с Вики в 1932 г. (очевидно, во время непродолжительной поездки в Париж) Исаченко, летом 1933 г. защитив диссертацию в Венском университете, получил годовую стипендию в Париже. В своей (цитированной выше) автобиографии он упоминает лекции лингвистов Антуана Мейе (Antoine Meillet, 1866–1936) и Жозефа Вандриеса (Joseph Vendryes, 1875–1960), славистов Андрэ Мазона (André Mazon, 1881–1967) и Андрэ Вайяна (André Vaillant, 1890–1977) в течение 1933 г. Его венский наставник (и будущий тесть) Н.С. Трубецкой относился к этой поездке с легким скепсисом: так, в письме к Р.О. Якобсону от 25 октября 1933 г. он сообщает, что Исаченко «нашел в Париже заработок и страшно горд, что „стоит на собственных ногах“» – «Но, все же, в Париже Исаченке делать действительно как будто нечего», добавляя (в письме от 15 ноября 1933 г.), что «Исаченко Парижем очень доволен, но, кажется, подпадает под влияние французских славистов» и что «материально ему в Париже очень тяжело, так что желательно бы устроить его в Прагу» (5 декабря 1933 г.) [Trubetzkoy 1985]. Поскольку на протяжении всех этих лет они с Вики так и не встретились, вероятно, к этому времени их пути навсегда разошлись.

## ЛИТЕРАТУРА

Алданов 1951 – Алданов М. Предисловие // Гессен В. Герои и предатели. Нью-Йорк, 1951.

Брглез, Селяк 2008 – Брглез А., Селяк М. Россия в Словении. Русские преподаватели в Люблянском университете в период с 1920–1945 гг. // Brglez A., Seljak M. Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008. S. 135–144.

Варшавский 2010 – *Варшавский В.* Незамеченное поколение / сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой. М., 2010. С. 284–289.

Гессен 1974 – *Гессен В.* В борьбе за жизнь (Записки эмигранта). Петербург; Берлин; Париж; Нью-Йорк, 1974.

Гессен 2004 – *Гессен В.Ю.* Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004.

Дерганц 2012 – *Дерганц А. А.В.* Исаченко в Любляне // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении / Главни уредник Б. Станковић; приредило за штампу П. Буњак. Београд, 2012. С. 127–132.

Дюрович 1996 – *Дюрович Л.* Речь на открытии международной конференции, посвященной памяти А.В. Исаченко // *Rossica*. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 1996. № 2/1. С. 10–19.

Зимек 1996 – *Зимек Р.* Славистическая конференция в честь проф. А.В. Исаченко (Оломоуц, 1995) // *Rossica*. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. 1996. № 2/1. С. 180–181.

Исаченко 1979 – *Исаченко А.В.* Жизнь прожить // *Russian Linguistics*. Vol. 4. 1979. No. 2. С. 129–158.

Незабытые могилы 2004 – *Незабытые могилы*. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М. и др. 2004. Т. 4.

Нерознак, Сальников 1998 – *Нерознак В.П., Сальников Н.М.* Имя из списка Главлита // *Вестник Российской Академии наук*. Т. 68. 1998. № 11.

Нечаев 2008 – *Нечаев С.Ю.* Русская Ницца. М., 2008.

Нивьер 2007 – *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995. Биографический справочник. М.; Париж, 2007.

Оболенская-Флам 2011 – *Оболенская-Флам Л.* Расстрел или гильотина? К 100-летию со дня рождения кн. Веры Оболенской // *Новый журнал*. Кн. 264. 2011. С. 181–190.

Пеппард 2013 – *Пеппард В.* Марк Алданов и Вторая мировая война // Русское зарубежье и Вторая мировая война / Сост. И.Ю. Белякова. М., 2013. С. 198–210.

Российское научное зарубежье 2011 – Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / Глав. ред. Ю.В. Мухачев, ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А. Месяца и Е.П. Чельшева. М., 2011.

Флам 2005 – *Флам Л.* Вики. Княгиня Вера Оболенская. 2-е изд., испр., доп. М., 2005.

Флам-Оболенская 2012 – *Флам-Оболенская Л.* Новые сведения о мученической кончине Веры (Вики) Оболенской // Вестник Русского Христианского Движения. № 199/1. 2012. С. 121–132.

Щипанская 2008 – *Щипанская Н.* К портрету А.В. Исаченко – прешовские встречи // *Osobnosti ruskej a ukrajinskej emigrácie na Východnom Slovensku* / L. Harbul'ová, M. Nachajová, L. Babotová (eds.). Prešov, 2008. С. 140–147.

Элиаш 2012 – *Элиаш А.* А.В. Исаченко и становление братиславской литературоведческой русистики // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении / Главни уредник Б. Станковић; приредило за штампу П. Буњак. Београд, 2012. С. 133–148.

Bourrée – *Bourrée F.* (complétée par A. Pennetier et F. Strauss). Obolensky Véra née Makarova // Le Maitron. Dictionnaire biographique. Fusillés, guillotínés, exécutés, massacrés 1940–1944 (<https://maitron.fr/spip.php?article178524>).

Brglez, Seljak 2007 – *Brglez A., Seljak M.* Ruski profesorji Univerzi v Ljubljani. Ljubljana, 2007. S. 82–86.

Ђurovič 1996 – *Ђurovič L.* О возникновении журнала Russian Linguistics // *Russian Linguistics*. Vol. 20. 1996. С. 3–14.

Ђurovič 2004 – *Ђurovič L.* Vortrag anlässlich des Gedenkens zum 25. Todestag von A.V. Isačenko, Universität Klagenfurt, 19. März 2003 // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 53. 2004. S. 337–340.

Eliáš, Matejko 2011 – Florilegium in honorem Alexandri Isačenko ad iubiliaeum centinarium oblatum / A. Eliáš, L. Matejko (eds.). Bratislava, 2011.



Harbul'ová 2001 – *Harbul'ová L.* Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001. S. 121–122.

Hildebrandt 2013 – *Hildebrandt S.* The Women on Stieve's List: Victims of National Socialism Whose Bodies Were Used for Anatomical Research // *Clinical Anatomy*. Vol. 26. 2013. P. 3–21 (<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ca.22195>).

Issatschenko 2003 – *Issatschenko A.* Eine Kindheit zwischen St. Petersburg und Klagenfurt. Momentaufnahmen. Aus dem Russischen übersetzt, bearbeitet und ergänzt von Warwara Kühnelt-Leddihn. Klagenfurt; Ljubljana; Wien, 2003.

Toman 1994 – Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945 / J. Toman (ed.). Ann Arbor, 1994. P. 121–122 (Cahiers Roman Jakobson, 1).

Trubetzkoy 1985 – N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Prepared for Publication by Roman Jakobson with the Assistance of H. Baran, O. Ronen, and M. Taylor. Berlin; New York; Amsterdam, 1985. P. 288, № CXXIII; P. 292, № CXXV; P. 295, № CXXVI (Janua Linguarum, 47).

Poljakov 2005 – *Poljakov F.* Nikolaj S. Trubetzkoy's eurasische Vison: Hintergründe und Wirkung // Nikolaj Trubetzkoy. Rußland – Europa – Eurasien. Ausgewählte Schriften zur Kulturwissenschaft / Hrs. von F.B. Poljakov. Redaktion und Vorwort von H. Miklas. Wien, 2005. P. 315–461 (Schriften der Balkan-Kommission, 45).

Zajc 2015 – *Zajc N.* Jezikovne etude, variacije in rime A.V. Isačenka (ob treh »ljubljskih« razpravah A.V. Isačenka). Ljubljana, 2015.

**Милана ЖИВАНОВИЧ**

*Институт новейшей истории Сербии,*

*Белград, Республика Сербия*

*E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com*

## **ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ НА СУДЬБУ И ПАМЯТЬ О РУССКИХ УЧАСТНИКАХ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЮГОСЛАВИИ**

В ходе нескольких волн беженства с 1919 по 1924 гг. в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло немало русских ученых. По подсчетам исследователей, к началу 1922 г. в страну приехали 836 русских инженеров различных специальностей, 88 университетских преподавателей, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 108 агрономов, 150 музыкантов, художников, артистов и других деятелей искусств, 401 судья и юрист, 133 адвоката [Јовановић 1996; Миленкович 1996. С. 136]. Государство им, да и другим беженцам, оказывало всестороннюю помощь и поддержку, создало условия для трудоустройства, а также разрешило создание учебных заведений для детей и молодежи. В ответ изгнанники – и квалифицированные кадры из России, и те, кто получил образование в Югославии – внесли существенный вклад в развитие культуры, разных отраслей науки, искусства, экономики, инфраструктуры, промышленности, архитектуры страны [Јовановић 1996; Јовановић 2006]. И это далеко не всё. Вклад русских эмигрантов, прежде всего военных и ученых в борьбу с фашизмом был таким же незаменимым.

Сразу после вторжения войск Германии и ее союзников в Югославию 6 апреля 1941 г. русские приняли участие в боевых действиях – либо их мобилизовали в югославскую армию, либо сами вступили в нее добровольцами. Многие известные ученые, художники и общественные деятели ушли добровольцами в армию, как например приват-доцент Белградского университета Илья Николаевич Голенищев-Кутузов или художник комиксов Юрий Павлович Лобачев. Подпоручик, зоолог Кирилл Владимирович

Мартино участвовал в войне в качестве взводного командира минометной батареи, архитектор Григорий Иванович Самойлов – в качестве офицера, подпоручик Владимир Александрович Лебедев был мобилизован в югославскую армию как врач [Ёхина 2015а. С. 183; Ёхина 2015б. С. 219; Миловановић 1994. С. 263]. Около 12% русских участников Апрельской войны погибли, а 173 солдат и офицеров вместе с сербами попали в немецкие лагеря для военнопленных [Тимофе́ев 2011. С. 30]. К числу последних принадлежали Самойлов, Лобачев и Лебедев, причем последним двум удалось бежать [Ёхина 2015а. С. 183; Миловановић 1994. С. 263].

Апрельская война закончилась 17 апреля капитуляцией Югославии. Ее территория была разделена между соседними странами и провозглашённым Независимом Государством Хорватия.

После начала оккупации Сербии некоторые русские публично отказались от любого контакта с оккупантами, другие приняли решение активно сопротивляться. Таким образом возникла подпольная организация, которая станет называться Союзом советских патриотов (ССП) [подробнее см.: Тимофе́ев 2012. С. 257–277; Тимофеев 2012. С. 17–19; Тимофеев 2013. С. 241–257; Ёхина 2015а. С. 174–205].

Она была сформирована осенью 1941 – зимой 1942 гг. Изначально ее деятельность заключалась в проведении пропаганды, отборе кадров и сочувствующих, потом – в подготовке побегов пленных Красной армии из лагерей и переброске людей в партизанские отряды, выполнении заданий, полученных от Коммунистической партии Югославии, оказании помощи партизанам и народно-освободительному движению [Тимофеев 2015. С. 249–254]. Верховную тройку организации составляли Федор Ефимович Высторопский, Владимир Александрович Лебедев и Илья Александрович Одишелидзе, а общее количество участников к концу 1943 г. насчитывало примерно 150 человек. Некоторые из членов СПП перебрались в партизанские отряды (на ноябрь 1944 г. их число составляло 17, а погибли – 6), другие помогали Красной армии, а поступившая в октябре 1944 г. в распоряжение Красной армии подпольная группа из 30 человек в составе бригады полковника Загребина участвовала даже в боях за освобождение

Белграда [Йованович 2012. С. 14–16; Тимофеев 2015. С. 251–252, 256–257]. В связи с этим следует отметить, что Уставом ССП, принятым во время оккупации, предусматривался самороспуск союза в момент вступления Красной армии на югославскую территорию и передачу его в распоряжение «советских властей» [цит. по: Казак 1975. С. 69; Ёхина 2015б. С. 221].

Кроме членов ССП, в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) боролось и определенное количество русских эмигрантов [Осак 1987. С. 297–307; Тесемников 1988. С. 135–136; Тимофе́ев 2011; Боровняк 2015. С. 305–327; Радженович 2015. С. 328–342]. Выдающимися членами Сопротивления стали Федор Евдокимович Махин, Владимир Федорович Смирнов, Аркадий Иванович Попов; их вклад в борьбу с фашизмом был отмечен высшими югославскими орденами, а Махин и Смирнов были произведены в генералы армии. К сожалению, имена многих русских эмигрантов-участников антифашистской борьбы как в Сербии, так и в Независимом Государстве Хорватия, остались забытыми. На это повлияло несколько факторов. Во-первых, определенное число членов Сопротивления погибло во время оккупации и их места захоронения остались неизвестными, в некоторых случаях – даже неустановленными. Причем обстоятельства их гибели – либо в сражении с фашистами, либо в тюрьмах или концлагерях, существенно повлияли на увековечение памяти о них. Во-вторых, лишь несколько русских достигли вершин в партизанской иерархии [Тимофеев 2015. С. 246]. Несмотря на значимость перечисленных факторов, возникает вопрос о влиянии политики как на сохранение памяти о погибших, так и на судьбу выживших участников движения Сопротивления в стране после принятия Резолюции Информационного бюро и последовавшего за нем конфликта Тито-Сталин 1948–1953 гг.

По итогам совещания коммунистических партий в Бухаресте в июне 1948 г. их представители приняли документ, согласно которому руководство Коммунистической партии Югославии обвинялось в национализме и антисоветской политике. Вслед за этим югославские власти начали арестовывать русских, обвиняя их в шпионаже и в просталинской ориентации. Многие бросали в тюрьмы и лагеря, затем – высылали за границу [Арсеньев 1999]. Эти репрессии коснулись прежде всего русских, которые

приняли советское гражданство, в том числе тех, кто выступил в поддержку Резолюции Информбюро<sup>1</sup>. Среди них были члены Союза советских патриотов военного времени – Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич Крат, Юрий Павлович Лобачев, Борис и Сергей Сергеевичи Марковы<sup>2</sup>, Борис Заболоцкий<sup>3</sup>, Мстислав Юрьевич Зилон [Тимофеев 2015. С. 259; Ошак 1987. S. 303]. В августе 1951 г. в Белграде состоялся публичный показательный процесс над так называемой «группой советских шпионов»<sup>4</sup>, в результате которого были осуждены В.А. Лебедев, П.В. Крат, Борис Заболоцкий, И.Н. Голенищев-Кутузов и другие бывшие члены ССП. Илья Голенищев-Кутузов и Павел Крат<sup>5</sup> были приговорены к 4 годам строгого тюремного режима, Борис Заболоцкий – к 6 годам тюрьмы, Владимир Лебедев – к 9 годам заключения [Тимофеев 2015. С. 259; Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018. Т. 1, с. 288]. Остановимся на судьбе некоторых из них.

Во время войны И.Н. Голенищев-Кутузов был одним из помощников начальника Информационного отделения Воеводины.

---

<sup>1</sup> О списке репрессированных см.: [Тимофеев 2019. С. 294–311]. По оценкам А.Б. Арсеньева, около 200 русских оказались в концлагере Голи Оток и в тюрьмах [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018. Т. 1, с. 26].

<sup>2</sup> В августе 1944 г. Сергей Сергеевич Марков вступил в ряды 15-й бригады Народно-освободительной армии Югославии, после войны работал в Министерстве лесоводства Республики Сербия (АЮ. Ф. 13. Оп. 97). Борис Сергеевич Марков, выпускник архитектурного отделения технического факультета Белградского университета, после войны работал инженером в Отделе по контролю за ценами при Коммунальном отделении Исполнительного народного комитета (АЮ. Ф. 13. Оп. 45).

<sup>3</sup> Борис Заболоцкий был инженером-электротехником. Летом 1944 г. он вступил в ряды 11-й бригады 23-й дивизии Народно-освободительной армии Югославии [Ошак 1987. S. 300, 303].

<sup>4</sup> Накануне аналогичный суд шел и над русским в г. Сараево. Их называли «бывшими белогвардейцами, советскими гражданами, завербованными советской разведкой» и даже «агентами гестапо», а их деятельность была охарактеризована как «направленная против свободы и независимости Югославии». Они были приговорены к тюремному заключению и принудительным работам [Арсеньев 2011. С. 159; Пред народни суд 1949].

<sup>5</sup> После освобождения Белграда П.В. Крат работал в государственной компании «Югопроект». В связи с началом конфликта Тито-Сталин его арестовали по обвинению во враждебной позиции по отношению к социалистической Югославии [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018. Т. 1, с. 610].

Он работал военным корреспондентом и переводчиком. Во время боев за Белград находился в окрестностях города с партизанами [Ёхина 2015а. С. 193–194]. Одновременно Илья Николаевич являлся заместителем командира Главного штаба Воеводины [Ошак 1987. С. 303]. В 1944 г. он стал политическим комиссаром г. Панчево [Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018. Т. 1, с. 287], затем работал в советских учреждениях в Белграде. В июне 1949 г. югославские власти арестовали его по обвинению в шпионаже в пользу СССР и подрывной деятельности против Югославии. В 1951 г. Голенищева-Кутузова осудили на четыре года заключения, которое он отбывал в г. Сремска-Митровица, недалеко от Белграда. Голенищева-Кутузова освободили в июне 1953 г. и еще в течение года он находился под наблюдением полиции. Получив разрешения на выезд, Илья Николаевич покинул Югославию в 1954 г. [Сорокина 2017. С. 124].

В октябре 1944 г. Юрий Павлович Лобачев стал личным переводчиком генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Жданова, работал в штабе по разминированию домов в Белграде, в результате деятельности которого на зданиях появлялись надписи «Проверено – мин нет». С Красной армией Лобачев дошел до Вены. По возвращении в Белград он стал художественным редактором журнала «Дуга» («Радуга»), работал карикатуристом и иллюстратором. Год спустя Юрий Павлович принял советское гражданство. Его арестовали в 1949 г., потом прямо из тюрьмы выслали в Румынию [Ёхина 2015б. С. 224–225, 228; Арсенев, Ордовский-Танаевский 2018. Т. 1, с. 326].

Среди тех, чья деятельность была охарактеризована как шпионаж в пользу СССР<sup>6</sup>, был и Владимир Александрович Лебедев. После освобождения Белграда в составе санитарного отделения Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии он воевал в Восточной Боснии. Войну окончил в звании майора медицинской службы. В рядах армии Лебедев оставался до 1947 г. Владимир Александрович был награжден орденом «За заслуги перед народом» 3-й степени. В июне 1949 г. Лебедева арестовали и отправили в концлагерь «Голи Оток», а позднее переместили в

---

<sup>6</sup> Следует отметить, что его попытки вступить в Красную армию не увенчались успехом [Ёхина 2015б. С. 225].

тюрьму в г. Сремска-Митровица для ведения следствия по делу о шпионаже в пользу СССР. В 1951 г. Лебедева приговорили к 9 лет тюрьмы, а из лагеря он вышел в 1955 г. [Ёхина 2015а. С. 185, 187; Ёхина 2015б. С. 225; Црвена армија 2018. С. 162–163, Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018. Т. 1, с. 586].

Зоолог Кирилл Владимирович Мартино, который служил командиром взвода и в декабре 1944 г. стал переводчиком в Отделе пропаганды штаба Первой армии НОАЮ [Ёхина 2015а, с. 185, 197], просидел пять месяцев в тюрьме, из-за нехватки улик был выпущен и затем выслан из страны [Борейко 2001; Шергалин 2013а. С. 2691; Шергалин 2013б. С. 602].

Одновременно с арестами и обвинениями в адрес русских, против них велась активная и довольно жесткая пропаганда через средства массовой информации, даже по окончании перечисленных процессов. Так, Управлением государственной безопасности в 1953 г. был опубликована сводная справка под названием «Русская эмиграция в Югославии». В этом документе, составленном на основании свидетельств заключенных лагеря в г. Билеча в Боснии, авторы дали официальную (тенденциозную) трактовку деятельности русских эмигрантов – довоенной, военной и послевоенной [Црвена армија 2018. С. 9]. В справке писали об антифашистски настроенных лицах, которые «в своих намерениях проявить свою любовь к СССР попытались связаться с югославским народно-освободительным движением, а только в редких случаях вступали в воинские части Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Они делали это не ради оказания помощи югославским народам в освобождении, а ради того, чтобы способствовать советской борьбе и продвигать интересы Советского Союза» [Там же. С. 141].

Согласно описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суда, Союз советских патриотов объявили «одним из шпионских центров НКВД в Югославии» [Там же. С. 163].

Следует отметить, что в этой справке военную деятельность тех участников антифашистской борьбы, кто не выступил в поддержку Резолюции Информбюро или погиб в боях с оккупантами, вообще не упоминали или только озвучили их имена. Имя Алексея Петровича Дуракова было названо среди

тех, кто являлся членом Союза советских патриотов. В отзыве о деятельности инженера Всеволода Сысоева, подполковника ВВС Югославии, отсутствовали отрицательные оценки [Там же, с. 143]; в справке говорилось, что Сысоев был убежденным антифашистом и как член ССП сотрудничал с местными организациями. Сысоев был арестован усташами за связь с партизанами [Тимофеев 2015. С. 268].

В данном документе также нет ни слова об инженере и капитане I класса югославской армии Владимире Кудревиче. Согласно справке он являлся патриотом и антифашистом и был внедрен в коллаборационистское формирование в оккупированной Сербии, созданное под эгидой главы Правительства национального спасения М. Недича – Сербскую государственную стражу. Кудревич передавал сведения как о ее деятельности, так и направлял регулярные донесения об активности сербских вооруженных отрядов. После освобождения Белграда он вышел из подполья, присоединился к Народно-освободительной армии Югославии и окончил войну в должности начальника штаба 2-й артиллерийской бригады НОАЮ. Владимир Кудревич был произведен в звание майора югославской армии [Оџак 1987. С. 301; Тимофеев 2015. С. 267].

В документе также не фокусировали внимание на военной деятельности двух генералов югославской армии – Федора Евдокимовича Махина и Владимира Федоровича Смирнова.

Полковник российской императорской армии Федор Евдокимович Махин участвовал в Первой мировой войне и за организацию снабжения 1-й Сербской добровольческой дивизии в Одессе был награжден высокой наградой – орденом Белого орла с мечами. В 1920-е гг. он руководил представительством Земгора в Королевстве СХС/Югославии [Ганин 2014. С. 20, 43]. В межвоенный период Махин был завербован советской разведкой [Тимофеџев 2011. С. 69], а в 1939 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии. В июне 1941 г. гестапо и Специальная полиция попытались его арестовать. Однако им не удалось это сделать [Иветић 2014. С. 320]. По словам И.Н. Голенищева-Кутузова, накануне ухода с югославской армией в 1941 г. Махин поручил сотруднику библиотеки Земгора Федору Высторопскому «организовать русских патриотов для борьбы с фашистами в Белграде» [цит. по: Ёхина



2015а. С. 179]. Сам же он служил в отделе радио и пропаганды при штабе Народно-освободительной армии Югославии. В феврале 1944 г. ему присвоили звание генерал-лейтенанта югославской армии. В марте 1945 г. Федор Евдокимович был назначен начальником Исторического отдела Генштаба Югославской армии, по окончании военных действий – начальником военных архивов Югославии. Ф.Е. Махин был награжден высшими югославскими орденами – орденом Партизанской звезды 1-й степени и Партизанским памятным знаком, а также советским орденом Ленина.

Федор Евдокимович скончался в Белграде в начале июня 1945 г. после возвращения из командировки в СССР [Ганин 2006. С. 54–58; Тесемников 2008. С. 68–83; Ганин 2014. С. 16–59; Сахрана генерал-лајтнанта 1945. С. 2]. Для умершего генерал-лейтенанта отвели почетное место на белградском Новом кладбище – недалеко от памятника защитникам Белграда 1914–1915 гг., на Аллее народных героев Югославии [Тесемников 2008. С. 82–83].

Его некрологи были переполнены хвалой покойному: «Генерал-лейтенант Махин – сын великого русского народа, негибаемый борец за свободу нашего Отечества. С самого начала нашей освободительной войны он был в передовых рядах нашей армии, сражаясь против ненавистных оккупантов за независимость наших народов. На протяжении всей Отечественной войны товарищ Махин проявлял огромную энергию в деле победы нашей армии. За выдающиеся заслуги во время Отечественной войны товарищ Махин награжден орденом Партизанской звезды 1-й степени» [цит. по: Тесемников 2008. С. 82]. «Когда нападением на Советский Союз гитлеровская Германия грозила существованию всех славянских народов, Федор Махин вступил в народно-освободительную борьбу» [Фјодор Јевдокимович 1945. С. 1]. Подчеркивали, что на бойцов Народно-освободительной армии сильно повлияло поведение «60-летнего старика, который мужественно и последовательно боролся за освобождение Югославии» [Сахрана генерал-лајтнанта 1945. С. 2].

Его описывали как патриота, который «направил все свои умственные способности и вложил все свои усилия на служение своему народу»; «как искренний патриот и отличный военный писатель он способствовал созданию и укреплению нашей армии»; «умер на боевом посту, прилагая все свои усилия в дальнейшее

развитие нашей армии» [Фјодор Јевдокимович 1945. С. 1]. «В 1944 г. Федор Махин после 26 лет разлуки возвратился в Советский Союз, где был встречен как сын своей Родины, выполнявший свой долг перед Отечеством за рубежом» [цит. по: Тесемников 2008. С. 82]. Махин «верно служил своей Родине и за ее пределами» [Сахрана генерал-лајтнанта 1945. С. 2].

Одним из тех немногих русских, кто достиг вершин в партизанской иерархии, был и инженер Владимир Федорович Смирнов. Он ушел в партизаны в 1941 г., стал начальником технического отдела Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии. Во время войны выполнял задачи по разрушению мостов, уничтожению коммуникации и получил прозвище «Влада Рус-Мостоубийца». Но его самой известной акцией стала, напротив, постройка переправы через р. Неретва во время наступления немцев, благодаря чему были спасены более четырех тысяч раненых [Радженович 2015. С. 330, 332].

Владимир Федорович был награжден высшими югославскими орденами. После войны стал начальником Строительно-технического отдела Министерства народной обороны, затем начальником Управления военной промышленности и строительства. В июле 1948 г., спустя две недели после принятия Резолюции Информбюро, он был произведен в генерал-майоры. Однако его «превентивно» уволили с должности начальника Управления военной промышленности и строительства и назначили главным инженером Генеральной дирекции военного строительства. Тем не менее, в самый разгар советско-югославского конфликта Владимир Федорович являлся ключевой фигурой в военно-строительном комплексе – разрабатывал проекты строительства подземных бункеров и командных пунктов-бомбоубежищ, в которых располагались бы югославское руководство, государственные органы и учреждения в случае войны с СССР. На посту главного инженера он оставался до 1958 г. Тогда же Смирнов был назначен заместителем начальника Строительного управления Югославской народной армии с присвоением звания генерал-подполковника. Он ушел на пенсию в 1960 г., скончался в Белграде в 1985 г. и похоронен на Аллее народных героев Югославии на Новом кладбище [Животић 2016. С. 145–147].

Тем не менее, похороны оплатил один из членов его семьи<sup>7</sup>.

Послевоенный период в Югославии был ознаменован не только репрессиями в отношении русских, но и проведением памятных акций, целью которых являлось увековечение памяти нескольких русских эмигрантов – членов движения Сопротивления, погибших в борьбе с фашизмом. Их организаторами являлись государственные и военные структуры, а также общественные организации.

В ходе одной из первых акций вспомнили и Ф.Е. Махина. Уже в апреле 1946 г. решением властей Белграда – Исполнительного народного комитета города – одна из белградских улиц была названа именем Махина [Промена назива улица 1946. С. 5], ее переименовали лишь в 2004 г. [Rešenje o promeni naziva 2004a].

Несколько лет спустя, параллельно с вышеуказанными процессами и жесткой пропагандой против русских, вспомнили командира звена военно-воздушных сил Народно-освободительной армии Югославии майора Аркадия Ивановича Попова. В 1943 г. он примкнул к партизанам и народно-освободительному движению и был назначен командиром 1-й авиаэскадрильи НОАЮ. В 1943–1944 гг. Попов совершал многочисленные вылеты. Он погиб в октябре 1944 г. в районе города Слано (близ Дубровника), повторив подвиг летчика Николая Францевича Гастелло. Его самолет был сбит зенитным огнем и упал в море. Несколько месяцев спустя, в феврале 1945 г. представительством коммунистического движения – Антифашистским вече народного освобождения Югославии Попов был посмертно награжден орденом Партизанской звезды 2-й степени. Само награждение инициировал И. Броз Тито [Vazduhoplovstvo u strategiji NOR-a 1986. S. 193, 200, 520, 525, 529; Тесемников 1988. С. 136; Pejić 1991. S. 315; Frka, Novak, Pogačić 1998. S. 176; Писцов 2013].

Первая акция увековечения памяти погибшего летчика, а также пилотов первой авиаэскадрильи состоялась в самый разгар советско-югославского кризиса – в 1951 г. На острове Вис в Адриатическом море, в южной части Хорватии, возле далматинского побережья, на перекрестке трассы Вис – Комижа – Подстражье сотрудники военно-воздушных сил Югославии

---

<sup>7</sup> Архив Нового кладбища, Белград, Республика Сербия.

установили памятную доску, на которой была высечена следующая надпись: «На освобожденном острове Вис 2-го сентября 1944 г. товарищ Тито встретился с нашей первой авиаэскадрилей и поставил ей следующую задачу: “Летчики, не допустите, чтобы враг сбежал из нашей земли безнаказанно”. Следуя приказам своего Главнокомандующего, наши первые авиаэскадрильи поднимались с аэродрома Вис и совершили около 3 000 вылетов, чтобы освободить отечество. Исполняя эти приказы, свои жизни отдали пионеры авиации Тито, имена которых мы назовем ниже. В память о павших летчиках-офицерах эту мемориальную доску устанавливают народ острова Вис и служащие югославских ВВС, воспитаны на бессмертных примерах этих светлых героев, которые показали, что значит любить Родину и свободу, и что значит отважно и мужественно умереть за эти ценности» [Božanić-Bezić 1968. S. 310]. Установление этой доски свидетельствовало о том, что она являлась своего рода общим памятником павшим пилотам, и следовательно, увековечение памяти Аркадия Ивановича не отделялось от проведения подобных акций, посвященных памяти погибших летчиков, его соратников. Однако, следует отметить, что в перечне погибших его имя находилось на втором месте, причем очевидно, что при составлении этого списка инициаторы не руководствовались датами гибели летчиков.

Спустя шесть лет после этой акции состоялась и вторая. В 1957 г. в рамках масштабной акции, направленной на сохранение памяти летчиков, погибших в войне, командование ВВС и войск противовоздушной обороны и объединение югославских ветеранов – Союз объединения бойцов Народно-освободительной войны – отдел населенного пункта Стон в месте Доли, недалеко от Стона, поставили А.И. Попову памятник в виде крыла самолета [Vazduhoplovstvo u strategiji 1986. S. 558; Живанович 2020].

В середине 1980-х один из его соратников назвал Попова человеком порядочным, «любимым другом, отличным летчиком и командиром» [Ivanišević 1986. S. 200]. Писали также, что несмотря на его происхождение, он «в душе был и остался югославянином» [Pejčić 1991. S. 315].

В 1959 г. прошла еще одна акция, в ходе которой было увековечено имя еще одного русского эмигранта – члена движения Соппротивления – Габриэля Денисова. На здании Дома

лесоводов в Загребе Общество лесоводов Хорватии установило мраморную памятную доску, посвященную инженерам, павшим в борьбе с фашизмом. На нее было занесено имя Габриэля Денисова, инженера лесного хозяйства, который сотрудничал с партизанами и был убит в 1942 г. [Zakon o vraćanju 1977. S. 351; Puškadija-Ribkin. S. 178; Живанович 2020].

В 1969 г. военная деятельность Владимира Смирнова, в частности, постройка временного моста через р. Неретва, была увековечена в одном из самых масштабных и дорогих проектов югославского кино – кинофильме «Битва на Неретве», снятом на государственные деньги. Главную роль – роль «Владо» исполнил Юл Бриннер [Ostojić 1977].

В 1981 г. вспомнили еще одного участника антифашистской борьбы, а именно члена Союза советских патриотов, поэта Алексея Петровича Дуракова. Поэзией он стал заниматься уже в эмиграции, одновременно работал учителем в гимназиях на юге Сербии, в том числе во Вране. К партизанскому движению примкнул после начала оккупации. Был арестован болгарскими фашистами, недичевцами, гестапо. После возвращения с принудительных работ в Германии Алексей Петрович воевал в составе посавской бригады Народно-освободительной армии Югославии. Погиб в августе 1944 г. в деревне Прогар (на сегодняшний момент вошедшей в состав Белграда), прикрывая отступление своего отряда под пулеметным огнем, и был похоронен на месте гибели. В 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил А.П. Дуракова орденом Отечественной войны 2-й степени [Ђурић 1990; Боровняк 2015. С. 308, 311; Тимофеев 2015. С. 266; Ёхина 2017. С. 191–205]. В 1981 г. к 100-летию существования гимназии во Вране и к 40-летию восстания в Сербии «рабочие люди и граждане враньского края» установили на здании гимназии в г. Вране памятную доску. На ней были занесены имена учеников и учителей, погибших в 1941–1945 гг., в том числе А.П. Дуракова [Живанович 2020]<sup>8</sup>.

Несмотря на предъявленные обвинения, приговор и депортацию Ю.П. Лобачева, его мастерство и произведения также не были забыты. Наоборот. В конце 1950-х гг. журнал «Политикин забавник», довоенным сотрудником которого являлся

---

<sup>8</sup> См. также статью М.Ю. Сорокиной в настоящем издании.

Юрий Павлович, переиздал комиксы «Гайдук Велько», «Баш Челик» и «Башня ни на небе, ни на земле». В 1965 г., спустя 16 лет после депортации, его сотрудничество с журналом «Политикин забавник» было возобновлено и официально озвучено изданием комикса «Таинственная пещера». В 1976 г. издательство «Югославия» опубликовало книгу комиксов под названием «Волшебный мир Юрия Лобачева», для которой художник заново нарисовал ранее опубликованные комиксы. На 2-ом Салоне югославского комикса в г. Винковци, в Хорватии, в 1985 г. Юрий Павлович получил Гран-при. В 1996 г. в Белграде открылась школа комиксов «Джордже Лобачев». В том же году он получил премию Максим 1-го салона комиксов в г. Заечар [Драгинчић, Зупан 1986; Антанасиевич 2015. С. 63–64]. В 2004 г. одной из улиц в Земуне – части Белграда – присвоено его имя [Rešenje o promeni naziva 2004b].

Подводя итоги, отметим, что с одной стороны, политика действительно напрямую повлияла на судьбу тех выживших членов движения Сопротивления в стране, кто выступил в поддержку Резолюции Информационного бюро. Против них вели жесткую пропаганду, репрессировали. С другой стороны, после окончания Второй мировой войны государственными и военными структурами, а также общественными организациями в Югославии проводились акции по увековечению памяти некоторых русских эмигрантов – участников антифашистской борьбы – как тех, кто погиб в борьбе с фашизмом, так и тех, кто пережил войну.

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

АЮ – Архив Югославии

ВВС – Военно-воздушные силы

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НОАЮ – Народно-освободительная армия Югославии

ССП – Союз советских патриотов

### **ЛИТЕРАТУРА**

Антанасиевич 2015 – *Антанасиевич И.* Русская классика в картинках. Белград, 2015.

Арсеньев 1999 – *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.

Арсеньев 2011 – *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Боснии и Герцеговине (1919–1990-е гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М., 2011. С. 140–169.

Арсеньев, Ордовский-Танаевский 2018 – *Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л.* Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Т. 1–2. Белград, 2018.

Борейко 2001 – *Борейко В.Е.* Мартино Владимир Эммануилович (9.06.1889 – 15.09.1961) // Словарь деятелей охраны природы. Издание второе, испр. М., 2013.

Боровняк 2015 – *Боровняк Дж.* Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 305–327.

Ганин 2006 – *Ганин А.В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал (Москва). 2006. № 6. С. 54–58.

Ганин 2014 – *Ганин А.В.* «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. М., 2014. С. 16–59.

Ёхина 2015а – *Ёхина Н.А.* «История русского сопротивления...еще не написана» К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.

Ёхина 2015б – *Ёхина Н.А.* «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: К истории Союза советских патриотов в Белграде // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 203–237.

Ёхина 2017 – *Ёхина Н.А.* «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах – членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны» // Люди и судьбы Русского Зарубежья / Отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.

Живанович 2020 – *Живанович М.* Захоронения и памятники русским эмигрантам - членам Сопротивления в Югославии // Военно-исторический журнал. 2020 № 10.

Йованович 2012 – *Йованович М.* Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Родина. 2012. № 11. С. 14–16.

Казак 1975 – *Казак В.Н.* Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран: 1941–1945. М., 1975.

Миленкович 1996 – *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1994. С. 136–147.

Писцов 2013 – *Писцов В.* Они прославили русское имя... // Русские в Казахстане. 2013. 21 сентября.

Радженович 2015 – *Радженович Р.* Документы Архива Югославии об участии российских эмигрантов в борьбе с фашизмом в Югославии в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 328–342.

Сорокина 2017 – *Сорокина М.Ю.* И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): К истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 114–128.

Тесемников 1988 – *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии 1919–1945 гг. // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.

Тесемников 2008 – *Тесемников В.А.* Превратности судьбы генерала Ф.Е. Махина // Tokovi istorije. 2008. № 1–2. С. 68–83.

Тимофеев 2012 – *Тимофеев А.Ю.* Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.

Тимофеев 2013 – *Тимофеев А.Ю.* Деятельность «Союза советских патриотов» в Сербии в период Второй мировой войны // Славянский альманах. М., 2013. № 1. С. 241–257.

Тимофеев 2015 – *Тимофеев А.Ю.* Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом:



Международная научная конференция / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 249–254.

Тимофеев 2019 – *Тимофеев А.Ю.* Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. М., 2019. С. 294–311.

Шергалин 2013а – *Шергалин Е.Э.* Кирилл Владимирович Мартино (1914–2005) – орнитолог, ихтиолог и охотник // Русский орнитологический журнал. 2013. Т. 22. Экспресс-выпуск 925. С. 2687–2696.

Шергалин 2013б – *Шергалин Е.Э.* Кирилл Владимирович Мартино и его публикации по хищным птицам Югославии // Труды VI Международной конференции по соколообразным и совам Северной Евразии. Кривой Рог, 2013. С. 600–602.

Драгинчић, Зупан 1986 – *Драгинчић С., Зупан З.* Историја југословенског стрипа I (до 1941 године). Нови Сад, 1986.

Ђурић 1990 – *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Горњи Милановац; Београд, 1990.

Животић 2016 – *Животић А.* Руски емигрант – југословенски генерал // Војно-историјски гласник. 2016. № 1. С. 135–149.

Иветић 2014 – *Иветић В.* Махин, Фјодор Јевдокимовић // Српски биографски речник. Т. 6. Нови Сад, 2014. С. 319–320.

Јовановић 1996 – *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.

Јовановић 2006 – *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану: 1920–1940. Београд, 2006.

Миловановић 1994 – *Миловановић М.* Григорије Иванович Самојлов // Руси без Русије. Српски Руси / Ур. З. Бранковић. Београд, 1994. С. 255–264.

Пред народни суд 1949 – Пред народни суд у Сарајеву изведени су бивши белогардејци – совјетски грађани који су у совјетској обавештајној служби радили против слободе и независности ФНРЈ // Политика. 1949. 2 децембра.

Промена назива улица 1946 – Промена назива улица у Београду // Борба. 1946. 15 априла. С. 5.

Сахрана генерал-лајтнанта 1945 – Сахрана генерал-лајтнанта Фјодора Јевдокимовића - Махина // Борба. 1945. 5 јуња. С. 2.

Тимофејев 2011 – *Тимофејев А.Ј.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.

Тимофејев 2012 – *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота – антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // Токови историје. 2012. № 3. С. 257–277.

Фјодор Јевдокимович 1945 – Фјодор Јевдокимович Махин генерал-лајтнант // Борба. 1945. 4 јуња. С. 1.

Црвена армија 2018 – Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти ИБ-овске пропаганде / Прир. А. Тимофејев, Београд, 2018.

Božanić-Bezić 1968 – *Božanić-Bezić N.* Spomenici najnovijeg doba na otoku Visu // Prilozi povijesti umjetnosti u Dalmaciji. 1968. №. 1. S. 265–320.

Frka, Novak, Pogačić 1998 – *Frka D., Novak J., Pogačić S.* Zrakoplovstvo Nezavisne Države Hrvatske 1941–1945. Zagreb, 1998.

Ivanišević 1986 – *Ivanišević Đ.* Hrabri piloti 1. eskadrile NOVJ // Vazduhoplovstvo u strategiji NOR-a. Београд, 1986. S. 193–201.

Očak 1987 – *Očak I.* Ruski emigranti i narodnooslobodilačka borba naroda Jugoslavije // Historijski zbornik. 1987. №. 40. S. 297–307.

Ostojić 1977 – *Ostojić S.* Rat, revolucija, ekran. Zagreb, 1977.

Pejčić 1991 – *Pejčić P.* Prva i druga eskadrila NOVJ. Београд, 1991.

Puškadija-Ribkin 2006 – *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u kulturnom i znanstvenom životu Zagreba. Zagreb, 2006.

Rešenje o promeni naziva 2004a – Rešenje o promeni naziva ulica na teritoriji gradskih opština Stari grad i Vračar // Sl. list grada Beograda. 2004. № 4.

Rešenje o promeni naziva 2004b – Rešenje o promeni naziva ulica na teritoriji gradskih opština: Zemun, Zvezdara, Vračar, Palilula, Savski

venac, Rakovica i Čukarica // Sl. list grada Beograda. 2004. № 5.

Vazduhoplovstvo u strategiji 1986 – Vazduhoplovstvo u strategiji NOR-a: okrugli sto 21. mart 1985.: za pobjedu i slobodu: učesnici govore. Beograd. 1986.

Zakon o vraćanju 1977 – Zakon o vraćanju nacionaliziranog dijela zgrade «Šumarski dom» u Zagrebu // Šumarski list. 1977. № 8–9. S. 339–356.

## **Ксения САК**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,*

*Москва, Россия*

*E-mail: ksenia.sak@gmail.com*

### **СОВЕТСКИЕ НАГРАДЫ – УЧАСТНИКАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: ФРАНЦУЗЫ И РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ (1955–1965 гг.)**

Важнейшим направлением внешней политики Советского Союза в условиях холодной войны было сокращение гонки вооружений. В советских и западных средствах массовой информации активно велась пропаганда миротворчества, нацеленная на создание в общественном мнении положительного образа СССР. В этой связи Советское правительство активно обращалось к коллективной памяти о Второй мировой войне и героическим образам борцов с фашизмом в Соппротивлении, используя это движение как символ успешного взаимодействия в партизанских отрядах европейского мирного населения и бежавших из неволи советских военнопленных и перемещенных лиц. Награждение участников движения Соппротивления, среди которых оказались как иностранные граждане, так и русские эмигранты, было использовано в качестве «мягкой силы», позволяющей выстраивать диалог между советской властью и западным обществом на основе общей исторической памяти, формально оставаясь вне политики. В рамках культурной дипломатии активно использовались связи между различными организациями ветеранов европейских стран: они осуществляли программы по лечению и восстановлению участников войны, отдыху (особенно детей участников Соппротивления), поездок и обмена делегациями, а также по поиску различного рода сведений о европейском антифашистском движении. Кульминацией сотрудничества советских комитетов с европейскими объединениями ветеранов было вручение участникам Соппротивления правительственных

наград, поскольку награждения, в отличие, например, от совместных конференций, публично санкционировали и осуществляли представители государственной власти.

Решение о награждении иностранных граждан принималось в ЦК КПСС на самом высоком уровне: сначала этот вопрос рассматривал Секретариат, а затем Президиум / Политбюро ЦК. Помимо этого награждения через МИД согласовывались с органами государственной власти европейских стран. После процедуры подготовки к награждению следовал Указ Президиума Верховного совета и его обнародование в газете «Правда», главном печатном органе СССР. На уровне советских общественных организаций активную роль в выдвижении иностранных граждан на награждение играли Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, а с 1956 г. – образованный Советский комитет ветеранов войны (СКВВ). Они непосредственно занимались налаживанием связей и сотрудничества с зарубежными организациями участников войны и членами движения Сопротивления. Таким образом, документы, позволяющие рассмотреть обстоятельства и механизмы принятия решений о награждениях, отложились сразу в нескольких государственных и ведомственных архивах. В статье будет рассмотрена «внутренняя кухня» награждений иностранных граждан на основе документов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), которые включают в себя делопроизводственные материалы и переписку как между ведомствами, включая МИД, так и внутри аппарата ЦК. Дополнением им служат фонды общественных организаций, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Они представляют собой низовой уровень принятия решений, поскольку часто именно эти организации служили каналом для передачи предложений зарубежных коллег в ЦК и брали на себя решение организационных вопросов по награждениям.

Исследования, касающиеся наградной политики СССР после войны, обычно затрагивают эту проблему с точки зрения взаимодействия власти и общества внутри страны, а не за ее пределами [Дённингхаус, Савин 2014; Савин 2020]. В то же время в ряде исследований достаточно подробно рассмотрена культурная дипломатия СССР: культурные и научно-технические обмены,

туризм, спорт и т. п. [Советская культурная дипломатия 2018; Белякова 2019; Шок, Пивоваров 2019]. Однако награждения граждан европейских стран как элемент «мягкой силы» недостаточно изучен [Дыбов 2017; Шуняков, Запарий 2017]. Особый интерес представляют награждения русских эмигрантов, участвовавших в европейском движении Сопротивления. Они являются уникальным случаем официального признания советским государством заслуг бывших соотечественников, которых ранее воспринимали как «врагов народа» [Российская эмиграция 2015].

Франция занимала особое место в советской наградной политике среди европейских государств, не входивших в социалистический блок. Обусловлено это было внешнеполитическими задачами: с середины 1950-х гг., особенно после прихода к власти Ш. де Голля, Франция стремилась к тому, чтобы вернуть себе статус ведущей Европейской страны, действовавшей относительно независимо от США. Нарастание собственного атомного потенциала привело к осложнению отношений Франции со странами капиталистического блока и способствовало сближению с СССР [Осипов 2018]. Этот процесс, как показывают отчеты советского посольства во Франции, не был планомерным и ровным, поскольку для обоих государств свои национальные интересы были приоритетны. В этих условиях важную роль в налаживании отношений между двумя странами и поддержании совместного диалога играла культурная дипломатия. С ее помощью советское правительство осуществляло пропаганду пацифистского образа победившей гитлеровскую Германию страны. Каждый год в ЦК поступали отчеты посольства во Франции, неперменной частью которых была оценка эффективности мероприятий по налаживанию культурных и научных обменов.

Вехой в советско-французских отношениях стал 1955 г. Благодаря антимилитаристской риторике и призывам к сокращению вооружения, озвученным на целом ряде межправительственных совещаний, СССР удалось расположить к себе общественное мнение Франции. Как говорилось в отчете посольства, «можно без преувеличения сказать, что в 1955 г. в печати и в заявлениях политических деятелей, как правило, исчез тезис “об агрессивных намерениях” СССР и средний француз перестал верить в “военную угрозу” со стороны СССР. Усилилось

убеждение в необходимости сближения с Советским Союзом как традиционным союзником Франции» [От Атлантики до Урала 2015. С. 31].

Именно в 1955 г. в СССР состоялось первое награждение французских участников движения Сопротивления. Инициатором выступил исполнительный комитет Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Тогда, судя по официальной версии, по приглашению группы советских партизан в Москву прибыла французская делегация из 19 политических и общественных деятелей, некоторые из которых также были борцами Сопротивления. 11 мая прошла их встреча с первым заместителем председателя Совета министров СССР А.И. Микояном. Как сообщала газета «Правда», «в дружеской беседе были затронуты вопросы франко-советских отношений, сокращения вооружений и запрещения атомного оружия, вопросы европейской безопасности, а также вопрос о созыве совещания великих держав <...>. Отвечая гостям, А.И. Микоян разъяснил позиции Советского правительства по затронутым вопросам»<sup>1</sup>. Именно в эти дни в Варшаве проходило Совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе, а также подписание мирного договора с Австрией.

12 марта поверенный в делах Франции в СССР Ле Руа дал торжественный завтрак, а члены французской делегации получили из рук председателя Славянского комитета СССР А.С. Гундорова медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»<sup>2</sup>. Если торжественные приемы освещались в «Правде» достаточно подробно, то о награждении французской делегации не было сказано ни слова – этот акт был ориентирован на Запад, а не на советскую аудиторию. Показательно, что в это время на Родине советские участники европейского Сопротивления не только не получали никаких наград, но даже были лишены французских орденов и медалей и не имели статуса партизан. Так, в СКВВ поступило письмо И.Ф. Фомичева, участвовавшего во французском Сопротивлении вместе с русским эмигрантом Г. Шибановым. Свой рассказ об антифашистской борьбе Фомичев заканчивал завуалированной просьбой «посодействовать в

<sup>1</sup> Правда. 1955. 12 мая. № 132.

<sup>2</sup> ГА РФ. ф. Р-9541. Оп. 5. Д. 100. Л. 124.

замене партизанских документов»<sup>3</sup>. Другой его товарищ по оружию высказался более прямолинейно: «Я обращался в военкомат, чтобы разыскать взятые у меня: французская “трехцветка” – медаль партизана, два их ордена. Один – за спасение летчиков американца-француза и чистого француза, за уничтожение штабных офицеров и захват документов, но ничего не нашли, не обнаружили <...>. Кому это надо, что пять раз бежал из плена, кому это надо, что за тысячи км от Родины воевал в чужой стране, не надеясь ни на чью помощь, кому надо, что имею три штыковых, осколочное и пулевое ранения и две контузии – это не признается, ибо нет справок, нет документов на нашем языке от нашего правового отдела»<sup>4</sup>. В подобной ситуации находились тысячи советских военнопленных, участвовавших в европейском Сопротивлении и вернувшихся после войны в Советский Союз. Игнорирование потребностей советских участников Сопротивления и чествование иностранных резистантов наглядно демонстрирует, что эти награждения решали, прежде всего, имидживые задачи СССР. И в итоговом отчете за 1955 г. советское посольство констатировало, что задачи культурной дипломатии выполнены: «Поездки французских туристов в СССР и обмен делегациями способствовали усилению в самых широких слоях французского населения стремления к расширению культурных, экономических и научных связей с СССР» [От Атлантики до Урала 2015. С. 32].

В 1961 г. советская делегация ветеранов войны побывала во Франции и встретила с летчиками знаменитого авиаполка «Нормандия-Неман», участвовавшего в боевых действиях на стороне Советского Союза против вермахта. В июле 1963 г. французы нанесли ответный визит. Поездку курировал член Общества «Франция-СССР» генерал-майор авиации, Герой Советского союза Г.Н. Захаров. Во время войны он командовал авиадивизией, в состав которой входил полк «Нормандия-Неман». Среди 6 членов французской делегации был русский эмигрант Игорь Эйхенбаум, секретарь Федерации полка. Из отчета Захарова не совсем понятно, знал ли он о происхождении Эйхенбаума: «После пребывания в Ленинграде он себя выдал за сына родителей революционеров, которые сидели в Петропавловской крепости

<sup>3</sup> Там же. Д. 401. Л. 9.

<sup>4</sup> Там же. Л. 11.



и далее были сосланы в Сибирь, а оттуда они бежали за границу. Раньше же Эйхенбаум об этом никогда не говорил»<sup>5</sup>. Во всяком случае, русскому эмигранту в отчете Захарова было уделено особое внимание.

Члены французской делегации посетили Москву, Ленинград и Волгоград, познакомились с памятниками культуры и советскими хозяйственными достижениями. 22 июня они приняли участие в торжественном митинге, посвящённом встрече космонавтов В. Терешковой и П. Быковского, вернувшихся из полета. Советский Союз произвел на французских летчиков неизгладимое впечатление, на что эта поездка и была рассчитана. Они «высказались о систематическом обмене делегациями ветеранов войны во Франции и взаимно в Советский Союз, не только летчиками, а их женами и детьми с тем, чтобы дружба французских летчиков с советским народом, скрепленная кровью в годы Великой Отечественной войны, была передана как эстафета молодому поколению»<sup>6</sup>. Вернувшись на Родину, члены французской делегации обратились в СКВВ с просьбой о награждении военнослужащих «Нормандии-Неман». По их мнению, этот «гуманный акт» Советского правительства «воскресил бы в памяти многих французов славные страницы истории совместной борьбы»<sup>7</sup> против нацизма. Однако реакции с советской стороны на это предложение не последовало. Тогда генерал запаса Франции П. Пуйяд, не дождавшись ответа, обратился в СКВВ с этой же просьбой еще раз. В своем письме он привел примерный текст указов и список тех, кого, по его мнению, следовало наградить. Предполагалось, что летчики должны были получить орден Отечественной войны или орден Красной Звезды. Всего в списке было 25 имен, среди которых 5 русских эмигрантов, включая Игоря Эйхенбаума. Первый секретарь СКВВ А.П. Маресьев передал поступившие к нему материалы в Министерство обороны СССР, а также «согласно договоренности» отправил их в Секретариат ЦК КПСС<sup>8</sup>. Однако военнослужащие авиаполка «Нормандия-Неман» наград так и не получили.

---

<sup>5</sup> ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 727. Л. 6.

<sup>6</sup> Там же. Л. 7.

<sup>7</sup> Там же. Л. 10.

<sup>8</sup> Там же. Л. 15.

Следующее награждение французских участников движения Сопротивления состоялось в 1964 г. Оно было приурочено к 20-летию освобождения французского департамента Нор от нацистской оккупации. Награждение фактически было инициировано французской компартией, которая обратилась в этой связи в СКВВ<sup>9</sup>, а комитет, в свою очередь, передал эту просьбу в ЦК КПСС. К награждению медалью «За отвагу» было представлено 33 участника Сопротивления, причем все они имели различные политические взгляды. Большинство из них организовывали побеги из лагерей, снабжали советских военнопленных продовольствием, одеждой и обеспечивали их вступление во французские партизанские отряды. Комитет ветеранов предлагал поручить проведение церемонии награждения советскому послу во Франции С.А. Виноградову. Однако по решению ЦК это дело было поручено секретарю Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе, что делало этот акт более статусным и переводил его на более высокий государственный уровень.

Для участия в награждении во Францию прибыла группа советских партизан во главе с А.П. Маресьевым. 6 сентября состоялось вручение наград. В торжественной речи, перепечатанной позднее в местной прессе, М.П. Георгадзе акцентировал внимание на плодотворном опыте взаимодействия французских резистантов и советских бойцов: «Ваш праздник – это наш праздник. Годы боевого сотрудничества, годы совместной борьбы против гитлеровской Германии скрепили кровью традиционную дружбу между народами Советского Союза и Франции <...>. Многие же советские генералы, офицеры и рядовые солдаты носят на своей груди французские награды, полученные за подвиги в годы минувшей войны. Эти награды – еще одно звено, крепко связывающее дружбу между нашими двумя народами»<sup>10</sup>. Так, инициированное французской стороной награждение с целью пропаганды коммунистических идеалов и придания большего веса ФКП использовалось Советским правительством и в своих интересах. Советское посольство сообщало: «Пребывание наших делегаций во Франции дает нам выгодный политический эффект, и в 1965 г. целесообразно продолжать усилия в этой области,

<sup>9</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 520. Л. 99.

<sup>10</sup> ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 191. Л. 7-14.

в частности, путем организации мероприятий по случаю 20-й годовщины победы над Германией, активизации парламентских и других двусторонних связей» [От Атлантики до Урала 2015. С. 251]. Примечательно, что ни в 1955 г., ни в 1964 г. совершенно не были упомянуты русские эмигранты, которые во время войны массово принимали участие во французском Сопротивлении, организовывали помощь советским военнопленным и имели соответствующие награды французского правительства [Семиряга 1987; Шкаренков 1987; Ковалев 2006].

В 1965 г. после долгого перерыва официально праздновался юбилейный День Победы, в связи с чем 9 мая был впервые объявлен выходным днем. Этот акт советского правительства не только имел символическое значение, но и решал сразу несколько внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Для советского общества он заложил коммеморативную практику, альтернативную празднованию 7 ноября, дня Революции. Новая практика была призвана консолидировать власть и участников Великой Отечественной войны, социальную базу советского строя послевоенного периода. Указ стал основополагающим для дальнейшего осуществления политики памяти о войне, базирующейся на героических событиях и подвигах борцов с фашизмом. Одним из способов фиксации памяти и признания заслуг советских граждан было вручение приуроченных к юбилею наград – в честь 20-летия Победы более 16 млн. ветеранов получили юбилейную медаль.

Широкое празднование Дня Победы репрезентовало Советский Союз и на международной арене, символически закрепляя за ним статус победителя и гаранта мира. Часть официальных мероприятий была непосредственно направлена на создание нужного миротворческого образа. Так, по постановлению ЦК основой пропаганды по случаю Дня Победы должны были стать положения о «миролюбивой внешней политике Советского правительства, направленной на предотвращение мировой термоядерной войны в обеспечении мирного труда советских людей, мира и безопасности народов»<sup>11</sup>. В указе не только подчеркивалась решающая роль СССР в Победе, но и

---

<sup>11</sup> РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 780. Л. 37.

признавались заслуги союзников по антигитлеровской коалиции, а также вклад борцов антифашистского движения Сопротивления в странах Европы и Азии<sup>12</sup>. По приглашению СКВВ в Москву прибыли делегации разных стран, среди которых была и французская группа. Символической кульминацией, как и в случае советских ветеранов, должно было стать вручение наград европейским борцам с гитлеровской Германией.

Во время подготовки мероприятий перед ЦК встал вопрос о награждении иностранных граждан. На тот момент в Комитет ветеранов уже поступило от различных компартий и общественных организаций немало списков иностранных граждан, достойных награждения. Это создавало неудобную ситуацию, поскольку чтобы никто не чувствовал себя ущемленным, нужно было наградить примерно одинаковое количество участников войны из разных государств. Это влекло за собой необходимость выпуска большой партии медалей, а главное, не было понятно, как это можно вместить в и без того плотный график торжественных мероприятий. Поэтому ЦК принял решение ограничиться награждением только членов иностранных делегаций. 10 мая в Кремле иностранные гости получили медаль в честь 20-летия Победы от Президиума Верховного совета<sup>13</sup>. Однако для французской делегации было сделано одно исключение, и в дни официальных торжеств орден Александра Невского за «особые боевые заслуги» и «большую работу по укреплению франко-советской дружбы»<sup>14</sup> все-таки получил бывший командир полка «Нормандия-Неман» П. Пуйяд.

После этого наградная кампания в связи с празднованием 20-летнего юбилея Победы в отношении граждан иностранных государств завершилась. Однако 18 ноября 1965 г. в газете «Правда» появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеровской Германии в период Великой Отечественной войны, русских соотечественников, эмигрантов, участвовавших в европейском Сопротивлении. Орден Отечественной войны I степени получили В.А. Оболенская и Г.В. Шибанов, орден Отечественной войны II степени – А.П. Дураков и И.И. Троян,

---

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Правда. 1965. 11 мая. № 131.

<sup>14</sup> Там же. 10 мая. № 130.

медаль «За боевые заслуги» – М.Я. Гафт и К.А. Радищев. Из шести награжденных лишь Г.В. Шибанов и М.Я. Гафт дожили до этого момента – после войны они вернулись из эмиграции в СССР. Остальные были награждены посмертно. Это был беспрецедентный жест советского правительства, признавшего официально заслуги белоэмигрантов и их потомков в борьбе с фашизмом. Для большинства советских граждан эти имена были неизвестны, а вручение государственных наград бывшим «врагам народа» диссонировало со сформированным представлением о героическом «красном» прошлом. Однако очевидно, что это официальное награждение преследовало вполне определенные цели и отвечало государственным интересам.

Как и в случае с предшествующими награждениями иностранных граждан, идея об официальном признании заслуг группы русских эмигрантов пришла в ЦК извне. 21 апреля 1965 г. туда поступило письмо, автором которого был сценарист Владимир Петрович Вайншток (Владимиров). Последний его сценарий на тот момент стал основой кинофильма «Перед судом истории». В центре повествования находился В.В. Шульгин, русский эмигрант, один из лидеров монархического движения и организаторов Белой армии. В 1944 г. он был арестован сотрудниками СМЕРШ в Белграде, в 1945 г. переправлен в Москву, в 1947 г. приговорен к 25 годам лишения свободы за антисоветскую деятельность. В 1956 г. он получил свободу по амнистии, и через два года Шульгина начало «разрабатывать» КГБ<sup>15</sup>. В начале 60-х гг. вышли его «Письма к русским эмигрантам», нацеленные на пропаганду достижений СССР в среде антисоветски настроенных эмигрантов второй волны. Фильм «Перед судом истории», также рассчитанный на показ на Западе, должен был стать венцом этой кампании.

В процессе подготовки сценария к фильму В.П. Вайншток ознакомился с историей русской эмиграции и вышел на сюжет, посвященный участию соотечественников во французском Сопротивлении. Их имена служили в фильме противовесом тем эмигрантам, которые сотрудничали с фашистской Германией, воевали в составе вермахта и входили в подразделения Русской освободительной армии. По словам актера, сыгравшего историка,

---

<sup>15</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 286. Л. 12.

«мы помним, гордимся и никогда не забудем таких людей, как Анатолий Левицкий, Вики Оболенская, Борис Вильде, Георгий Маковский, Всеволод Рязанов, Николай Румянцев и много-много других <...>, эти люди вдохновлялись не белой мыслью и знамена их были окрашены в другой цвет. Мы чтим их память так же, как память русских солдат, погибших в борьбе с фашизмом»<sup>16</sup>. Хотя в фильме было названо сразу несколько имен эмигрантов, в своем письме в ЦК сценарист обратил особое внимание на историю Вики Оболенской, урожденной Веры Аполлоновны Макаровой. Она стала членом французской подпольной организации еще в 1940 г. и была связана с «Военной и Гражданской организацией» генерала Ш. де Голля. Вики занималась печатью и распространением антифашистских листовок, укрывала советских военнопленных, взаимодействовала с различными партизанскими отрядами. 17 декабря 1943 г. она была арестована гестапо и 4 августа 1944 г. казнена в тюрьме Плетцензее в Берлине. На тот момент ей было всего тридцать три года [Флам 2010]. Что побудило Вайнштока предложить партийному руководству посмертно наградить эмигрантку, неизвестно. Должно быть, работая над сценарием фильма про Шульгина, он хорошо понимал заинтересованность КГБ в сюжетах об эволюции взглядов русских эмигрантов. Возможно, сценарист хотел почтить память павших соотечественников и поучаствовать в создании фильма, в основу которого была бы положена эта трагическая история. Ведь именно в это время на «Мосфильме» шла подготовка к съемкам картины по киноповести «В русском Париже» А.Я. Каплера, в центре сюжета которой находилась Вера Оболенская.

Посмертное награждение Вики Вайншток обосновывал тем, что ее вклад в движение Сопротивления имел исключительное значение. Она уже была посмертно награждена правительствами Англии и Франции, поэтому признание Советским Союзом заслуг соотечественницы, по мнению автора письма, было бы благосклонно воспринято европейской общественностью и работало на поддержание положительного образа СССР. «Сегодня, когда мы отмечаем 20-летие победы над фашистской Германией, мне кажется справедливым и заслуженным посмертное

---

<sup>16</sup> Из кинофильма «Перед судом истории» (режиссер Ф. Эрмлер, 1964 г.).

награждение В. Оболенской одним из наших военных орденов. Нет сомнения, что это имело бы большой общественный резонанс за рубежом»<sup>17</sup>, – заканчивал свое обращение советский сценарист.

Дальнейшая судьба записки Вайнштока неизвестна. Официально с предложением о награждении русских эмигрантов выступил Комитет государственной безопасности, послав 10 мая инициативную записку в ЦК КПСС. Формально же инициатором выступил Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом<sup>18</sup>, созданный в 1963 г. по инициативе ряда общественных организаций, ВЦСПС, Советского комитета защиты мира, СКВВ и др. Примечательно, что в списке КГБ была указана не только Вики Оболенская, но и еще 5 эмигрантов, один из которых, Алексей Петрович Дураков, воевал в Югославии. Компартия Франции, в отличие от предыдущих награждений, не имела к этой истории никакого отношения и, более того, узнала о ней лишь тогда, когда Международный отдел ЦК КПСС обратился к ней за советом: «Не будучи в курсе дела, французские товарищи возражений не выразили»<sup>19</sup>.

Факт награждения соотечественников, участвовавших в Соппротивлении, создавал информационный повод, в первую очередь для русских эмигрантов во Франции. Он был тесно связан с фильмом «Перед судом истории» не только тем, что инициатором стал сценарист В. Вайншток, но и тем, что премьера фильма и награждение состоялись в одно время и решали одну задачу. По сообщению КГБ, на 1960 г. во Франции проживало «значительное количество эмигрантов русской, украинской, белорусской, армянской, грузинской и других национальностей. В основном это лица, выехавшие за границу в первые годы существования советской власти, а также изменники Родины и немецкие пособники, прибывшие во Францию во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы» [От Атлантики до Урала 2015. С. 109]. Вероятно, эта информация была актуальна и для 1965 г. Если эмигранты «первой волны» уже были в большинстве своем лояльны по отношению к СССР, то послевоенные эмигранты вели активную публичную антисоветскую пропаганду. Она подрывала

---

<sup>17</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 800. Л. 12.

<sup>18</sup> Там же. Л. 13-14.

<sup>19</sup> Там же. Л. 5.

миротворческий образ, старательно сконструированный советскими представителями власти за границей, и поэтому был необходим противовес. По мнению председателя КГБ В.Е. Семичастного, награждение шести русских эмигрантов могло оказать «положительное воздействие на соотечественников, проживающих за рубежом», а также «способствовать расширению среди них патриотического движения»<sup>20</sup>. Заместитель заведующего Международного отдела ЦК КПСС Д.П. Шевлягин развил эту мысль и в своей сопроводительной записке написал: «Награждение некоторого числа соотечественников за боевые заслуги в период Второй мировой войны способствовало бы росту патриотических настроений среди старой эмиграции и создало бы более благоприятные условия для использования этой эмиграции в наших интересах»<sup>21</sup>. Свои предложения вместе с проектом постановления Секретариата ЦК КПСС Шевлягин направил в середине сентября на рассмотрение секретарей ЦК.

Спустя почти месяц, 13 октября, состоялось заседание Секретариата ЦК под председательством Н.В. Подгорного, на котором проект постановления был утвержден. В соответствии со сложившейся делопроизводственной практикой утвержденные постановления о награждениях направлялись на дополнительное рассмотрение в Президиум ЦК. В тот же день заведующий Общим отделом ЦК КПСС К.У. Черненко разослал материалы по этому вопросу исключительно членам Президиума ЦК. Кандидаты в члены Президиума эти материалы не получили, что свидетельствует о том, что голосование по этому вопросу происходило узким кругом высшего партийного руководства. Кроме того, отдельные выписки постановления были дополнительно разосланы лично Л.И. Брежневу, А.И. Микояну, Б.Н. Пономареву, В.Е. Семичастному и М.П. Георгадзе. Спустя еще месяц, 16 ноября, опросом членов Президиума ЦК было принято окончательное решение о награждении русских эмигрантов – все члены Президиума проголосовали «за». Через 2 дня был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР

Информация о награждении соотечественников по традиции

---

<sup>20</sup> Там же. Л. 7.

<sup>21</sup> Там же. Л. 4.



была опубликован в газете «Правда»<sup>22</sup>. Несмотря на то, что к этому моменту уже были изданы мемуары участников Сопротивления, в том числе самого Г.В. Шибанова [Шибанов 1962], и увидел свет ряд исторических исследований об антифашистской борьбе в Европе, советскому обывателю, вероятно, имена награжденных соотечественников мало о чем говорили. Поэтому на следующий день после награждения в «Правде» вышла статья под названием «Патриоты»<sup>23</sup>. В ней была кратко обрисована полная лишений жизнь награжденных эмигрантов до войны и их деятельность в Сопротивлении. В истории Оболенской и Радищева был подчеркнут тот факт, что они считали себя русскими. Так, Вики отказалась подписывать просьбу о помиловании, заявив, что хотя она и эмигрантка, но в первую очередь – русская. Биография Радищева заканчивалась похожей историей: «Ваш дед был крупным помещиком в России. Ваша бабушка – графиня Толстая. Вступайте в нашу армию, и мы помилуем вас!» – предлагали ему в гестапо. «Я русский, – отвечал он, – с Гитлером мне не по пути...»<sup>24</sup>. Тем не менее, ни из официальных документов, ни из статьи в «Правде» нельзя получить ответ на вопрос, почему для награждения были выбраны именно эти эмигранты из целого ряда других, чей вклад в Сопротивление имел не меньшее значение и чьи судьбы были также трагичны. Ведь даже в фильме «Перед судом истории» из всей этой группы была упомянута только Вики Оболенская. Гипотетически Г.В. Шибанов мог получить высшую награду как один из руководителей просоветской организации Союза советских патриотов во Франции [Вовк 2015], о которой, впрочем, в статье в «Правде» не было сказано ни слова. М.Я. Гафт и И.И. Троян (посмертно) могли быть награждены как сподвижники Шибанова в партизанской борьбе. Был ли связан с этой группой К.А. Радищев и почему во «французскую группу» попал югославский партизан русского происхождения А.П. Дураков<sup>25</sup>, почему не были награждены упомянутые в фильме Б.В. Вильде и А.Н. Левицкий или, например, реэмигрировавший в СССР Н.С. Качва и многие другие, остается пока неизвестным.

---

<sup>22</sup> Правда. 1965. 19 ноября. № 323.

<sup>23</sup> Там же. 20 ноября. № 324.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Версию см. в статье М.Ю. Сорокиной в настоящем издании.

С 1955 г. по 1965 г., от юбилея к юбилею Победы в Великой Отечественной войне, состоялось четыре награждения французских участников европейского Сопротивления, включая русских эмигрантов. Все они проходили обсуждение в ЦК КПСС и были согласованы с французской компартией и правительством. Награждения были эффективным инструментом культурной дипломатии и служили наглядной демонстрацией лояльности двух государств на международном политическом уровне. Они пришлись на период улучшения франко-советских отношений, который совпал с юбилейными годами.

Награждение русских эмигрантов имело свои отличительные черты. В отличие от предыдущих наградных кампаний, инициированных французской стороной, они проходили при непосредственном участии КГБ СССР. Обсуждение вопроса о награждении эмигрантов в узком кругу партийной элиты демонстрировало, на наш взгляд, исключительную важность этого государственного акта. При формальном сходстве с другими награждениями, оно стало частью пропагандистской работы органов государственной безопасности в отношении антисоветской эмиграции за рубежом, которая была запущена публикацией в эмигрантской прессе писем В.В. Шульгина в начале 60-х гг. Символическим завершением наградной кампании соотечественников, которое отразило истинное отношение советского руководства к роли русской эмиграции в Сопротивлении, стало распоряжение об ордене В.А. Оболенской и медали К.А. Радищева – эти награды вернулись в СССР в 1978 г. и были отправлены в орденскую кладовую в отдел «Перековка»<sup>26</sup>.

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

КГБ – Комитет государственной безопасности

МИД – Министерство иностранных дел

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

СКВВ – Советский комитет ветеранов войны

---

<sup>26</sup> ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 117. Д. 3728. Л. 2, 6.

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

### ЛИТЕРАТУРА

Белякова 2019 – *Белякова Н.А.* «...она была в Париже, и я вчера узнал, не только в нем одном»: советская культурная дипломатия, пропаганда и одомашнивание дискурсов в условиях холодной войны // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 4. С. 168–177.

Вовк 2015 – *Вовк А.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам Архива Дома русского зарубежья // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 145–157.

Дённингхаус, Савин 2014 – *Дённингхаус В., Савин А.И.* «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак почёта” попадет». Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.

Дыбов 2017 – *Дыбов С.В.* Подлинная история авиаполка «Нормандия-Неман». М., 2017.

Ковалев 2006 – *Ковалев М.* Мы все с генералом де Голлем! // Родина. 2006. № 12. С. 115–122.

Савин 2020 – *Савин А.И.* Дефициты брежневской индустрии награждений (1964–1982 годы) // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 228–237.

Советская культурная дипломатия 2018 – Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны: 1945–1989: коллективная монография / науч.ред., рук. авт. коллектива О.С. Нагорная. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Осипов 2018 – *Осипов Е.А.* Франция и вопросы разоружения (1958–1974 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2018. № 5. С. 103.

От Атлантики до Урала 2015 – «От Атлантики до Урала»: советско-французские отношения 1956–1973 / отв. сост. Г.Ж. Муллек. М.: МФД, 2015.

Российская эмиграция 2015 – Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина. М., 2015.

Семиряга 1987 – *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970.

Флам 2010 – *Флам Л.С.* Вики: Княгиня Вера Оболенская. 3-е изд., испр., доп. М., 2010.

Шибанов 1962 – *Шибанов Г.В.* Красное знамя на улице Гренель // О чем не говорилось в сводках. Воспоминания участников движения сопротивления. М., 1962. С. 438–452.

Шкаренков 1987 – *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987.

Шок, Пивоваров 2019 – *Шок Н.П., Пивоваров Н.Ю.* «За мир во всем мире»: гуманизм и этика глобальной безопасности в ракурсе идеологической политики советского руководства (1956–1962 гг.) // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 340–355.

Шуняков, Запарий 2017 – *Шуняков Д.В., Запарий В.В.* Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 3. С. 64–71.

**Наталья ТУРЫГИНА**

*Санкт-Петербургский государственный университет,*

*Санкт-Петербург, Россия*

*E-mail: n.turygina@spbu.ru*

**УЧАСТНИК ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ  
А.М. АГАФОНОВ-ГЛЯНЦЕВ (1920–2009) В НАЦИОНАЛЬНОЙ  
ПАМЯТИ РОССИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ<sup>1</sup>**

Русские эмигранты раньше нашей общей родины прочувствовали тяготы и лишения Второй мировой войны. Сначала в соответствии с законодательством государства проживания, к которому испытывали признательность за приют, были призваны в армию. И надо сказать, что зачастую этот призыв воспринимался как должное, а многие шли и добровольцами

Затем после оккупации страны проживания – Франции или Югославии, например, – последовало интернирование в лагеря для военнопленных, а после нападения Германии на Советский Союз – новые преследования сочувствующих по обвинению в шпионаже. И это на фоне преследования евреев, коих среди русских было предостаточно. В то же самое время другая активная группа русских эмигрантов уже договаривалась с новой властью, дабы заручиться поддержкой, получить помощь (желательно, материальную) и устроиться лучше прежнего. Пораженческое крыло, при этом, активно использовало патриотические лозунги борьбы за национальную Россию.

После окончания Второй мировой войны «оборонческое» крыло русской эмиграции было охвачено бурными чувствами и стремилось получить советский паспорт и вернуться на родину. «Пораженцы» же заматали следы и пускались в путешествия в поисках укромного места, куда бы не смогла дотянуться рука

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект №19-78-00085 «Русская эмиграция между “старой” и “новой” родиной в условиях Второй мировой войны: проблемы идентичности и патриотизма»).

правосудия. А у тех, кто активно принимал участие в борьбе против национал-социализма, затеплилась надежда на возможное примирение и воссоединения с родиной.

Однако в Советском Союзе их ждала не теплая встреча. Многие русские эмигранты, а вместе с ними и советские пленные, и остарбайтеры оказались в советских лагерях по обвинениям в шпионаже и измене родине. В 1953–1954 гг. многие вышли из тюрем по амнистии после смерти И.В. Сталина, а в 1970-х гг. прошла волна реабилитаций. Однако недоверие оставалось, социальное давление не ослабевало, и примирения так и не произошло.

Яркий пример – жизнь Александра Михайловича Агафонова (Глянцева). На самом деле, о нем написано немало работ [Полян 2015; Черкашин 2010]<sup>2</sup> и снято несколько фильмов<sup>3</sup>, но наиболее ярко и подробно о его судьбе можно узнать из автобиографической повести «Записки бойца Армии Теней» [Агафонов (Глянцев) 1998; Агафонов-Глянцев 2007].

Остановимся на важных для понимания проблемы вехах его жизни. А.М. Агафонов родился в 1920 г. в Крыму и провел все детство с бабушкой, которую и звал мамой, в Харькове, пока родители перипетиями гражданской войны оказались в эвакуации с армией П.Н. Врангеля. Они осели в Белграде, куда через Международный комитет Красного Креста выписали сына. По воспоминаниям А.М. Агафонова, по приезде в 1927 г. он назвал их «товарищ мама» и «товарищ папа», а за свое советское прошлое и советский паспорт получил прозвище «большевичок». Мальчик активно включился в жизнь русской диаспоры. Впоследствии он так вспоминал те годы: «Я стал понимать, сколько прошло мимо меня такого, что не дало угаснуть искре русскости, а неистовые вихри жизни лишь сильней раздули ее жар... Немало помогли этому плетневская 1-я русско-сербская гимназия, среда преподавателей и гимназистов, организация русских скаутов – юных разведчиков, церковь, традиции. Никакой политики, кроме одной, – воспитания любви к Родине, к ее культуре, развитие чувства долга и благородства...» [Агафонов (Глянцев) 1998. С. 404].

В сентябре 1940 г. А.М. Агафонов «был зачислен курсантом 68 класса Низшей школы Военной академии Королевства

<sup>2</sup> BDIC La Contemporaine, carton 1, chemise 8, ; carton 2, chemises 1, 2.

<sup>3</sup> BDIC La Contemporaine, KV 1614, films 1-4.

Югославии»<sup>4</sup>. Именно там его и застала Апрельская война, т.н. «Операция наказание» фашистской Германии против бывшего союзника. После капитуляции курсанты оказались в плену, где при распределении Александр Агафонов остался с сербами: «В Панчево объявили: “Хорваты, босанцы, македонцы, словенцы, русские! Выйти из строя!” Я почувствовал себя сербом, подданным страны, которая дала нам убежище, приняла в свое лоно, и остался с друзьями. Так же поступили и все другие русского происхождения! По-братски поделим чашу скорби!» [Агафонов (Глянцев) 1998. С. 64]. Хотелось бы отметить, что при этом он не переставал осознавать себя русским, но чувство солидарности после пережитого на первый план выдвинуло не этничность, а гражданскую позицию. Это подтверждает тезис об изменчивости самоидентификации в зависимости от обстоятельств – как внешних, так и внутренних.

Далее последовало содержание в лагерях для военнопленных: Дединье, Панчево, Секелаж, Трир (Шталаг XII-D), Саарбрюкен, Шталаг XII-F в Лотарингии. Именно там, в Лотарингии, в селе Ремельфинген группе, в которой был А.М. Агафонов, удалось завязать контакты с местными французскими ребятами-подростками Полем Негло и Жеромом Мурером, проявившими сочувствие и помогшими организовать побег, совершенный в августе-сентябре 1941 г. Эта помощь, как и помощь встреченных беглецами людей (разных национальностей: и французов, и поляков, и греков) укрепила в мысли продолжать борьбу против нацизма. Впрочем, у них и не было другого выхода, как присоединиться к подполью, к французскому подполью, которое с самого начала было многонациональным и разношерстным. По воспоминаниям А.М. Агафопова: «Мы были уверены, что нас всюду примут с распростертыми объятиями: идет война, и солдаты нужны. Мы будем драться за свободу многих стран: Югославии, Франции, Польши, Греции, России... против их, против нашего общего врага – фашизма-агрессора» [Агафонов (Глянцев) 1998. С. 115]. Так формируется новая идентичность.

Окунувшись в подпольную работу, А.М. Агафонов участвовал и в саботаже на немецком заводе, и обучал обращению с оружием новобранцев маки, и собирал разведданные, не раз оказывался

---

<sup>4</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 8.

59374  
 KL.: Weimar-Buchenwald Meerscham Lagerstufe: Häftl.-Nr.: 44.4445 R

### Häftlings-Personal-Karte

Fam.-Name: <u>Glantzow</u>	Überstellt	Personen-Beschreibung:
Vorname: <u>Alexandr</u>	am: ..... an KL.	Größe: <u>180</u> cm
Geb. am: <u>18.11.24 Koreiss</u>		Gestalt: <u>m.stark</u>
Stand: <u>ledig</u> Kinder: <u>-</u>	am: ..... an KL.	Gesicht: <u>oval</u>
Wohnort: <u>Paris XIV-me, 111., rue</u>		Augen: <u>blau-grau</u>
Strasse: <u>de Varves</u>	am: ..... an KL.	Nase: <u>gerade</u>
Religion: <u>orth.</u> Staatsang.: <u>UDSSR</u>		Mund: <u>gew.</u>
Wohnort d. Angehörigen: <u>Verlobte:</u>	am: ..... an KL.	Ohren: <u>gew.</u>
<u>Annie Mougletis, Nantes,</u>		Zähne: <u>2 fehl.</u>
<u>15, rue Dos d'Ane, Dép. Loire Inf.</u>	am: ..... an KL.	Haare: <u>dklbraun</u>
Eingewiesen am: <u>29.1.44.</u>		Sprache: <u>russ., frans.</u>
durch: <u>B.D.S. Paris</u>	am: ..... an KL.	<u>deutsch, serb.</u>
in KL.: <u>Buchenwald</u>		Bes. Kennzeichen: <u>Narben re</u>
Grund: <u>Polit. Russe</u>	Entlassung:	<u>Hand</u>
Vorstrafen: <u>keine</u>	am: ..... durch KL.:	Charakt.-Eigenschaften:
	mit Verfügung v.:	

<b>Strafen im Lager:</b>			Sicherheit b. Einsatz: ..... <div style="border: 1px solid black; padding: 2px; display: inline-block;">I.T.S. FOTO No. 1364</div> Körperliche Verfassung: ..... <div style="text-align: right;">4240</div>
Grund:	Art:	Bemerkung:	
.....	.....	.....	
.....	.....	.....	

KL. 5 XI 43-500000

*Личная карточка узника*

*Arolsen Archives, 1.1.5.3 Individuelle Unterlagen Männer Buchenwald / ALEXANDR GLANTZOW, Bild 5953074. URL: [https://collections.arolsen-archives.org/archive/5953069/?p=1&s=Glantzow&doc\\_id=5953074](https://collections.arolsen-archives.org/archive/5953069/?p=1&s=Glantzow&doc_id=5953074) (mode of access: 25.02.20)*

на волосок от смерти. Был арестован в июле 1943 г. в рамках акции СД под кодовым названием «Меершаум» (Морская пена), по распоряжению начальника Службы безопасности Парижа. После следствия с пристрастием был переведен в пересыльный лагерь Компьень и отправлен в Бухенвальд<sup>5</sup>.

Там он встретил знакомых по французскому подполью югославов, познакомился с немецким антифашистским движением, работал санитаром и пытался облегчать участь узников. При первой возможности, не без помощи лидеров немецких антифашистов, заключенному № 44445 удалось бежать и окунуться в жизнь «пиратов» Кельна. Здесь А.М. Агафонова жизнь свела с советскими военнопленными, и окончание войны он встретил с ними. Органы советской контрразведки были озабочены

<sup>5</sup> Arolsen Archives, 1.1.5.3 Individuelle Unterlagen Männer Buchenwald / ALEXANDR GLANTZOW, Bild 5953074.



поисками шпионов, так что А.М. Агафонов, оказавшись в советской зоне оккупации, снова попал в лагерь и снова в Бухенвальд, к тому времени переименованный в спецлагерь НКВД СССР № 2. Только теперь заключенными были советские перемещенные лица и немецкие национал-социалисты, включая детей.

Находясь на допросах у советского следователя и впоследствии в органах СМЕРШа и МГБ, А.М. Агафонов пришел к следующим выводам: «Раньше, там, когда дрался, я знал, на что и за что иду: они – враги, и я им враг! И всё было правильным: и пытки, и суды, и приговоры... или просто пытки и перспектива уничтожения без суда и приговора, Бухенвальд... Всё было правильным, всего этого я был достоин, как злостный враг, от врага и получал по заслугам. А здесь?! Зачем и сколько можно терпеть?» [Агафонов (Глянцев) 1998. С. 430–431].

С точки зрения советского государства А.М. Агафонов был подозрительным социально опасным элементом. Сначала он проживал на спецпоселении в Республике Коми, где в 1949 г. был арестован и осужден по ст. 7–35 УК РСФСР на 5 лет<sup>6</sup>. 28 марта 1953 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», на основании которого А.М. Агафонов был освобожден в марте 1954 г., за два месяца до окончания срока заключения.

Начиная новую жизнь, он с репутацией бывшего зека испытывал социальное давление, но не сдавался, а стремился найти свое место, получить образование, а в дальнейшем добиться признания своего прошлого. В 1962 г. ему был вручен советский паспорт, а вместе с ним и все права советского гражданина. В 1965–1971 гг. обучался на филологическом факультете Одесского государственного университета<sup>7</sup>, но по специальности не работал. А.М. Агафонов учительствовал в школах Крыма, где организовал клуб интернациональной дружбы. С его помощью он искал свидетелей своего прошлого, которые могли бы подтвердить его участие во Второй мировой войне. В 1967–1968 гг. его письмо мэру Лотарингии имело резонанс и во французской, и в советской печати [Chombarts 1967; L'ancien officier 1967; Alex, l'évadé de Sarreguemines 1968; Les résistants en culottes courtes 1968; Cuny 1968; Шерешев 1968]. Он нашел Поля Негло и Жерома Мурера, встреча же состоялась

<sup>6</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 37.

<sup>7</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 21.

только в 1987 г., когда наконец было получено разрешение на выезд. Об этой встрече лотарингское региональное телевидение даже сняло небольшой сюжет<sup>8</sup>.

Тем временем в 1970–1990-е гг. вышли в свет публикации, посвященные борьбе русских эмигрантов и советских граждан в рядах европейского движения Сопротивления в отечественных и зарубежных изданиях, причем как в научных журналах, так и в средствах массовой информации. Эти люди воспринимались и воспринимаются героями, заслуживающими признания и уважения за стойкость, мужество, борьбу за добро и справедливость. Но зачастую только на бумаге и по случаю.

Что же касается государственной политики, то в 1970-х гг. в СССР прошла волна реабилитаций политических заключенных. 28 сентября 1973 г. определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР был реабилитирован и А.М. Агафонов. В октябре того же года из Верховного суда пришло разъяснение, что по существующему законоположению ему, как реабилитированному, могут зачесть в трудовой стаж время пребывания в местах лишения свободы, но подтвердить факты службы в армии и участия в войне может лишь военное ведомство<sup>9</sup>. В 1981 г. А.М. Агафонов обратился в Крымский областной военкомат для получения статуса участника войны, к заявлению были приложены и свидетельства соратников по подпольной борьбе. Ответ был получен в ноябре 1984 г.: «в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 907-78 г. удостоверение участника войны выдается только лицам, которые участвовали в боевых действиях по защите СССР»<sup>10</sup>. У А.М. Агафопова же было только свидетельство Международной службы розыска о том, что он был солдатом югославской армии<sup>11</sup>. Выйдя на пенсию, А.М. Агафонов переехал в Колпино под Санкт-Петербургом, где в 1990 г. получил удостоверение реабилитированного, подтверждавшее, что он имеет право на льготы, предусмотренные решением Исполкома Ленсовета № 281 от 26 марта 1990 г. «Об оказании

---

<sup>8</sup> BDIC La Contemporaine, KV 1613, disque 1.

<sup>9</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 31.

<sup>10</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 45.

<sup>11</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 25.



COMITÉ INTERNATIONAL DE LA CROIX-ROUGE  
AGENCE CENTRALE DE RECHERCHES

Chèques postaux 12-5527  
Téléphone 33 30 60  
Télex - Intercoixrouge.

Rappeler dans la réponse :  
ДурсС 20.057 /ТП

GENÈVE, le 30.8.1972 г.  
7, AVENUE DE LA PAIX

А Т Т Е С Т А Ц И Я

Центральное Агентство Розыска подтверждает, что согласно с документацией которую он имеет :

Имя, фамилия	ГЛЯНЦЕВ Александр
Дата рождения	18.1.1920 г или 18.10.1920
Место рождения	Крым
Сын	Михайло и Марии урожд. Агафоновой
Чин	солдат
Служил	в югославской армии
Матрикул	
Взят в плен	18.4.1941 г. в Фока
интернирован	в Сталаге Х11.Д. и в Сталаге Х11.Е
под номером	20.980
	сбежал 22.8.1941 г.

Вышеуказанные данные подтверждены :

4-мя карточками о пребывании в плену  
из вышеуказанных лагерей.



F Δ 2190 (1/1) (25)

Свидетельство военнопленного  
BDIC La Contemporaine. F delta 2190. Carton 1. Chemise 1. P. 29

помощи реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий». Льготы приравнивали его к инвалидам Великой Отечественной войны.

В 1991 г. А.М. Агафонов выехал во Францию на встречу с соратниками по подпольной борьбе и принял решение остаться там, среди близких ему людей. По совету друзей 25 июля 1991 г. А.М. Агафонов написал письмо президенту Франсуа Миттерану с просьбой остаться во Франции на постоянное место жительства<sup>12</sup>. Получив статус политического беженца, А.М. Агафонов лишился советского гражданства, а вместе с ним и пенсии, и статуса реабилитированного. В новой среде нужно было заново доказывать свое участие в движении Сопротивления, а кроме того, встал и вопрос о получении материального довольствия.

24 июня 1992 г. А.М. Агафонов обратился к федеральному министру внутренних дел ФРГ о возможности получения компенсации за период Второй мировой войны как военнопленный югославской армии. В октябре 1992 г. был получен ответ от Министерства финансов. Согласно общему международному праву, требования о возмещении ущерба, причиненного воюющей державой, могут быть предъявлены только государством к государству. Отдельные пострадавшие могут получить компенсацию только от своего родного государства в соответствии с действующими льготами. Немецкие законы не предусматривают компенсационных выплат иностранным гражданам в таких случаях. По соответствующим договорам 1956 и 1973 гг. экономическая помощь Югославии от ФРГ уже была оказана.

Советский Союз правительственной декларацией от 22 августа 1953 г. от дополнительных репараций от Германии отказался. Согласно международному праву, этот отказ распространяется и на Российскую Федерацию как правопреемницу Советского Союза, а также на другие государства-преемники Советского Союза и на всех граждан этих государств. Однако правительства Германии и бывшего Советского Союза летом 1991 г. начали переговоры по вопросу о компенсации советским гражданам, пострадавшим от национал-социалистических мер преследования во время Второй мировой войны. С 1993 по 2011 г. действовало государственное

---

<sup>12</sup> BDIC La Contemporaine, F delta 2190, carton 1, chemise 1, p. 52.

учреждение «Фонд взаимопонимания и примирения», которое распределяло в России немецкую и австрийскую финансовую помощь жертвам нацизма: узникам концлагерей и лицам, привлекавшимся к принудительному труду. В дальнейшем такая помощь оказывалась через частные фонды, но А.М. Агафонов, как политический беженец, на эту поддержку рассчитывать не мог, как и на статус участника Великой Отечественной войны. Закон «О ветеранах» был принят в РФ уже после его отъезда, в декабре 1994 г., с тех пор документ претерпел значительные изменения и в последней редакции к участникам ВОВ относит в том числе и «лиц, принимавших участие в боевых действиях против фашистской Германии и ее союзников в составе партизанских отрядов, подпольных групп, других антифашистских формирований в период Великой Отечественной войны на территориях других государств» (Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О ветеранах»).

Параллельно в 1992–1996 гг. Агафонов ходатайствовал о признании статуса депортированного-сопротивленца (*Carte de Déporté-Résistant*), но французский министр по делам ветеранов и жертв войны неоднократно в этом отказывал.

Что касается Германии, именно там при жизни А.М. Агафонов опубликовал свои воспоминания, хоть и в довольно вольном переводе [Агафонов 1993], распространял их сам, русскоязычную рукопись отправлял в библиотеки Крыма, выступал с публичными чтениями среди немецкой молодежи, старался ежегодно посещать встречи бывших узников Бухенвальда в Баварии. Именно в Германии вышла первая телевизионный фильм об А.М. Агафонове в 1995 г. (реж. – Отто Альбрехт). В Германии же была создана Ассоциация Александр Агафонов, оказывавшая ему материальную поддержку. Бесспорно, та позиция покаяния, которую занимает прежде всего немецкая общественность и которую поддерживают официальные власти, беспримерна по своей сути и масштабам.

Как можно было убедиться, в разных странах разные меры поддержки ветеранов Второй мировой войны, разный статус, разное отношение. Безусловно, государственная политика связана с понятиями национальности и гражданства. В итоге закономерно встает вопрос – кому же нужны наши космополиты? Вот уж воистину борцы «армии теней». Кто и как сохранит память о них?

С одной стороны, канонизирована как преподобномученица Мать Мария, с другой – многие герои антифашистской борьбы остаются безымянными для своих соотечественников, и даже наметилась тенденция устанавливать мемориалы в честь борцов против коммунизма (то есть мемориальные доски или монументы тем, кто сотрудничал с Гитлером). В последнем случае эти бойцы позиционируются как борцы за национальную идею.

Еще в 1936 г. на обсуждении проекта устава оборонческого движения в среде политически активной русской эмиграции во Франции ставился вопрос о том, на чью сторону встанет русская эмиграция. «Планы враждебных России держав к началу 1936 года выяснились с совершенной очевидностью. В этих планах Россия рассматривается как объект колониальной политики, необходимый для наций, якобы более достойных и цивилизованных. Более или менее открыто говорится о разделе России, подобно тому как разделена была некогда Польша. Врагами России поддерживаются всякие сепаратистские движения, возможные в многонациональной стране в революционный период ее жизни. И, во имя борьбы с существующим в России правительством, некоторые круги эмиграции открыто солидаризируются со всеми этими вражескими планами, надеясь ценою раздробления родины купить себе возможность возврата в нее и захвата в ней государственной власти. Такое положение дел ставит перед эмиграцией вопрос об исполнении ею морального долга по отношению к родной стране. Это вопрос совести каждого эмигранта: с кем он? С врагами ли его страны, преследующими цели ее раздела, или с нею?». Недвусмысленно звучал тезис о том, что «деятельность пораженческих кругов является предательской и преступной; что никогда Россия не простит этого предательства, независимо от того, какими мотивами оно вдохновляется»<sup>13</sup>.

Однако с момента написания этих слов прошло более восьмидесяти лет, а в России число мемориалов и памятников именно пораженцам заметно превалирует над коммеморативными акциями в отношении героев антифашистской борьбы из среды русской эмиграции. И те, и другие устанавливаются, как правило, по частной инициативе. Но переименование улиц и учебных

---

<sup>13</sup> BDIC La Contemporaine, f delta res 827, carton 1, chemise 5, Оборонческое движение. Задачи и цели (Предварительный проект). [1936].

заведений напрямую касается государственной политики РФ и военно-патриотического воспитания молодежи. При сохранении наметившейся тенденции мы грозимся проиграть эту «войну памяти», когда идеалом становится махровый национализм, а не универсальные ценности гуманизма.

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел  
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика  
РФ – Российская Федерация  
СД – Служба безопасности рейхсфюрера СС  
СМ – Совет министров  
СМЕРШ – «Смерть шпионам!», органы советской контрразведки  
СССР – Союз Советских Социалистических Республик  
УК – Уголовный кодекс  
ФРГ – Федеративная Республика Германия  
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза  
BDIC – Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (Нантер, Франция)

### **ЛИТЕРАТУРА**

Агафонов (Глянцев) 1998 – *Агафонов А. М. (Глянцев)*. Записки бойца армии теней / предисл. П. Поляна. СПб., 1998 (Библиотека журнала «Новый Часовой»).

Агафонов-Глянцев 2007 – *Агафонов-Глянцев А.М.* Записки бойца армии теней: Автобиографическая повесть-хроника. Севастополь, 2007.

Полян 2015 – *Полян П.М.* Перекрестки коллективного сопротивления и личного героизма (Александр Агафонов-Глянцев) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: международная научная конференция, Москва, 14-15 мая 2015 года / Сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 377-385.

Черкашин 2010 – *Черкашин Н.* Боец армии теней [Электронный ресурс] // Столетие: интернет-газета. 2010. 27 января. URL: <http://>

[www.stoletie.ru/territoriya\\_istorii/bojec\\_armii\\_tenej\\_2010-01-27.htm](http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/bojec_armii_tenej_2010-01-27.htm)  
(дата обращения: 25.02.2020)

Шерешев 1968 – *Шерешев В.* Традиции Сопротивляения живут // Слава Севастополя. 1968. 6 марта.

Agafonow 1993 – *Agafonow A.* Erinnerungen eines notorischen Deserteurs / Aus dem Russischen von Elvira Laplace. Berlin, 1993.

Alex, l'évadé de Sarreguemines 1968 – Alex, l'évadé de Sarreguemines écrit au maire de Varangeville: "Retrouver ceux qui m'ont aidé" // Republicain Lorrain (France). 1968. 25 janvier.

Chombarts 1967 – *Chombarts M.* Remelfing: L'ancien officier soviétique n'a pas oublié ceux qui l'avaient aidé à s'évader // Républiquein Lorrain (France). 1967. 25 juillet.

Cuny 1968 – *Cuny M.* Grâce à notre journal l'ancien résistant de Dombasle a retrouvé Alex // Républiquein Lorrain (Metz). 1968. 16 mars.

L'ancien officier 1967 – L'ancien officier soviétique raconte à ces élèves les faits héroïques de ses sauveteurs de Remelfing // Républiquein Lorrain (France). 1967. 8 novembre.

Les résistants en culottes courtes 1968 – Les résistants en culottes courtes de Remelfing reçoivent des nouvelles d'Alex // Républiquein Lorrain (Metz). 1968. 25 janvier.



## **Сергей КИСЛИЦЫН**

*Южно-российский институт управления Российской академии  
народного хозяйства и государственной службы,*

*Ростов-на-Дону, Россия*

*E-mail: kislizins@yandex.ru*

### **ГОЛЛАНДСКАЯ ЭПОПЕЯ ПРОФЕССОРА Г. Г. БАУМАНА**

В 2020 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного историка, известного специалиста по истории стран Европы и Азии – Германа Германовича Баумана. Он не принадлежал ни к политической элите, ни к контрэлите большевизма, но в силу обстоятельств проявил себя в одном очень важном эпизоде ее функционирования, да и всей страны. Ключевые факты его биографии неразрывно связаны с историей становления первого советского поколения историков, с историей Великой Отечественной войны и участия советских людей в европейском Сопротивлении, с преодолением последствий сталинизма в нашей стране и практическим решением такого вопроса, как судьба бывших советских военнопленных. Данная статья представляет собой дополненный и исправленный вариант нашего ранее опубликованного материала [Кислицын, Кислицына 2015].

Герман Германович Бауман родился в 1920 г. и уже по факту своего рождения принадлежал к первому послереволюционному поколению граждан. Он рос и формировался как личность в сложные, во всех смыслах переломные для страны 1920–30-е годы. Отец был военным фельдшером (умер от сыпного тифа в 1919 г., незадолго до рождения сына Германа), мать – служащей в советских учреждениях.

Герман учился в рядовой школе Воронежа, которая, по его словам, дышала тем же, чем дышала вся страна. В 1937 г. он окончил среднюю школу № 3 города Воронежа с отличием и был принят на этом основании на исторический факультет Московского университета (исторических факультетов было только два – в Москве и Ленинграде). В то время на истфаке МГУ

подобрались студенты, которые впоследствии составили мощное поколение историков: М. Гефтер, А. Некрич, А. Немировский А. Пронштейн и другие будущие известные ученые. Студенческая жизнь складывалась, как обычно, из лекций и семинаров, прохождения практики. Много времени студенты проводили в библиотеке. Нередко приходилось трудно и голодно. Условия в студенческом общежитии на Стромынке были спартанскими, и в студенческую столовую, где были приемлемые цены, они стремились не опаздывать. При этом, как рассказывал Г.Г. Бауман, когда ездил домой в Воронеж, то всегда приходилось везти из Москвы какие-то продукты. Очень непростой была политическая атмосфера в Москве и на факультете. На истфаке часто выступали партийные, государственные деятели, которые спустя какое-то время оказывались «врагами народа». Большинство студентов, по воспоминаниям Г.Г. Баумана, искренне верили в правильность проводимой И.В. Сталиным политики и пристально следили за ходом всех политических судебных процессов. По утрам они спешили покупать свежие газеты, чтобы узнать подробности о новых разоблачениях, которые они приветствовали. Большую роль в формировании таких убеждений у студентов сыграла известная апологетическая книга классика мировой литературы Лиона Фейхтвангера, посетившего Москву в 1937 г. по приглашению И.В. Сталина.

Когда началась война, общим настроением и искренним желанием студенчества стало стремление идти на фронт. Война воспринималась студентами как общее всенародное испытание, которое закончится победой СССР. Историки 4-го курса, только сдавшие летнюю сессию, считали, что уже в сентябре, разбив немцев, они вернутся в свой университет для завершения учебы. Все сложилось совершенно по-иному.

В июле 1941 г. студент истфака МГУ Герман Бауман ушел добровольцем на фронт. Он не имел никакой военной подготовки, но рассчитывал получить ее в боях. Собственно подразделения народного ополчения состояли из гражданских людей разных возрастов, многие из которых впервые взяли в руки оружие, и то оно досталось не всем. Героизм без военной подготовки приводил к огромным жертвам. Но другого выхода не было: враг был у самой Москвы и надо было «затыкать дыры» в обороне. Герман Бауман

был назначен артиллеристом, хотя пушки он видел только в кино. Но он мужественно выполнял свой долг перед Родиной. Спустя годы он получил медаль «За оборону Москвы», которой очень гордился.

Под городом Уваров командир отделения 975-го артиллерийского полка 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения Г.Г. Бауман был тяжело ранен осколком мины (осколок до конца его жизни оставался в легком) и попал в плен. Пребывание в различных лагерях для военнопленных, в том числе в Западной Европе, было для Г.Г. Баумана двойным испытанием, так как он мог в любой момент подвергнуться казни не только как солдат Красной армии, но и как еврей. Однако ему удалось скрыть свою национальность, выдавая себя за грузина. Ни один из солагерников, в том числе из грузин, которые быстро поняли ситуацию, не сдал его нацистам.

За попытку бегства из плена в 1942 г. он отбывал наказание в штрафной роте (каторжное отделение) лагеря в Вязьме. Только болезнь и перевод в санчасть (так спасали людей местные врачи) избавили его от немедленной смерти. В течение 1943 г. он побывал в лагерях в Польше, Германии и, наконец, очутился в Голландии на работах по строительству так называемого Атлантического вала. Лагерь в Голландии был трудовым. Его заключенные работали рядом с голландцами, которые работали здесь либо добровольно, либо в порядке отбывтия трудовой повинности, и неизбежно начали общаться с ними. Голландская речь очень близка к немецкому языку и через какое-то время Бауман начал свободно говорить по-голландски. Благодаря голландцам заключенные лагеря были в курсе событий на фронте. Многие из них понимали, что тайного саботажа во время работы недостаточно, что надо вырваться на свободу и там вести настоящую борьбу. Потребовалось время, чтобы через некоторых работавших на строительстве голландцев установить связь с подпольной антифашистской организацией, которая и устроила Герману Бауману побег из лагеря.

На свободе Г.Г. Бауман стал работать по заданиям голландских подпольщиков. Работа осложнялась тем обстоятельством, что в Голландии был распространен коллаборационизм и риск ареста был весьма велик. Следует помнить, что голландцы вместе с датчанами и норвежцами были

отнесены к пресловутой арийской расе в рамках нацистской идеологии и стали партнерами немцев в создании «Великой Германской империи». Определенную часть населения страны это устраивало. В стране работало специальное гражданское управление под началом рейхскомиссара Артура Зейсс-Инкварта. Был создан добровольческий легион СС «Нидерланды» (SS-Freiwilligen-Legion «Niederlande»). Однако были и патриоты, мужественно сражавшиеся с гитлеризмом. Это были, прежде всего, коммунисты Нидерландов.

Приведем перевод важного источника, имеющегося в нашем распоряжении, – документа, выданного ему в мае 1945 г. после окончания оккупации членом ЦК КП Голландии Анни Аверинк.

«Герман Бауман, рожденный 6/III 1920 г., во время своего пребывания в Голландии в период немецкой оккупации с июня 1944 г. состоял в связи с партизанским движением и по его заданию работал среди немецких и русских солдат. Вследствие своей нелегальной работы он должен был в сентябре 1944 г. уйти в подполье и продолжать работать вместе с нами. Его работа состояла в распространении нелегальной газеты «De Waarheid». В городах Лиммен, Гайло, Кастрикум, Гаарлем и Алкмаар он прочитал для местных организаций КП различные политические лекции. В марте 1945 г. он принимал участие в издании на русском языке нелегальной газеты «Правда». Он был очень хороший активный товарищ, который, несмотря на пребывание в чужой стране, очень хорошо понял политическую линию нашей партии и всеми силами поддерживал нашу работу... После капитуляции немцев он принимал активное участие в работе Коммунистической партии Голландии, особенно в районе Гаарлема. Особенно он зарекомендовал себя при марксистско-ленинском обучении и обсуждении актуальных вопросов с членами и кадрами нашей партии. По заданию компартии он провел различные вечера-дискуссии с социал-демократическими рабочими о Советском Союзе и о других актуальных вопросах относительно единого фронта с коммунистами. В журнале «Учеба и борьба» он опубликовал заслуживающую внимания статью «Западноевропейский блок и его значение» (июль 1945 г.). Кроме того, он принимал участие в практической работе партии, в том числе в работах Всеголландской партийной конференции в июле 1945 г. Пропагандистскую работу

он вел в городах Гаарлем, Гальфвег, Сант-порт, Аймайден. Мы знаем Германа Баумана как очень аккуратного и политически хорошо развитого партийного работника»<sup>1</sup>.

С августа 1945 г. по январь 1946 г. Г.Г. Бауман работал в советских органах репатриации в Голландии, делал переводы документов с голландского на русский язык для советского посольства в Гааге по личному поручению полномочного посла СССР в Голландии В.А. Валькова. Здесь Г.Г. Бауман связал свою жизнь с Л.Ф. Акуловой, которая в 1942 г. была угнана на принудительные работы с оккупированной территории Украины. С февраля 1946 г. по апрель 1947 г. он работал в оперсекторе МГБ в г. Веймаре в советской зоне оккупации переводчиком, но позже это не освободило от необоснованных подозрений.

После окончания войны сталинизм не аннулировал приказы военного времени, приравнивавшие всех советских военнопленных к предателям Родины. В отношении бывших военнопленных и лиц, вышедших из окружения (более 1 800 000 чел.), были допущены грубейшие нарушения законности, массовый произвол и незаконные ограничения в правах. Но Герману Германовичу повезло. Тот факт, что он некоторое время работал переводчиком в советской администрации в Германии, вероятно, спас его от высылки в Сибирь и других неприятностей.

Вернувшись в СССР (на родину жены, в пос. Добрянка Черниговской области Украинской ССР) Г.Г. Бауман неожиданно для себя попал в ситуацию, когда его – фронтовика, защитника Москвы трагической осенью 1941 г., активного участника антифашистского сопротивления в Западной Европе – не допускали к преподаванию в школе курса истории, считавшейся в то время политической дисциплиной. Он, выпускник истфака

---

<sup>1</sup> Спустя 20 лет автор документа Анни Аверинк стала депутатом верхней палаты Генеральных Штатов Нидерландов от компартии этой страны. В интервью журналу «Огонек» она рассказала о сотрудничестве с Г.Г. Бауманом во время подготовки восстания военнопленных на острове Тексел. Корреспондент журнала пишет: «Узнав, что на одной старой мельнице скрывается бежавший из плена русский, она бросилась туда, за семьдесят километров, на велосипеде, привезла, спрятала у надежных людей. Это был Герман Бауман, который сейчас живет на Украине и работает учителем истории в школе. Он был редактором маленькой нелегальной “Правды” на русском языке. Сам писал, печатал, а Анни переправляла газету на остров» [Месхи 1965. С. 29].

МГУ, не смог добиться, чтобы ему разрешили работать по базовой специальности. Хотя он был подготовленным профессиональным историком, вероятно, единственным в этом качестве на весь район, работники местного райкома компартии из соображений перестраховки всячески отстраняли его от общественной работы, в том числе от агитационно-пропагандистской работы среди населения. В 1948 и 1952 годах он, уже получив диплом МГУ, дважды пытался поступить в аспирантуру в украинские вузы, однако его не допустили к приемным испытаниям, что было, бесспорно, проявлением политики дискриминации.

В поселковой школе Г.Г. Бауман преподавал немецкий и английский языки, руководил хором. Одновременно он занимался литературной работой, в частности он перевел на русский язык с голландского целый ряд романов и повестей, изданных в московских и киевских издательствах. В том числе он перевел и опубликовал роман «Страна солнца» Анны ван Гог-Каульбах, повесть Йелле Схипперса «Грузчики дядюшки Ари», повесть Артура ван Схендела «Жизнь – это праздник танца» и др. Выбор романов и повестей для перевода был далеко не случаен и в какой-то степени свидетельствует о мировоззренческой позиции Германа Германовича.

Сразу после судьбоносного XX съезда КПСС, в 1956 г., Г.Г. Бауман пишет А.И. Микояну письмо о своей судьбе и судьбе всех советских военнопленных. В этом политическом документе был предложен ряд необходимых мер по коренному изменению неблагоприятной ситуации вокруг этой части советского общества. Письмо было отправлено именно А.И. Микояну потому, что секретный антисталинский доклад Н.С. Хрущева не был опубликован, а в напечатанной в газетах речи А.И. Микояна на съезде содержалась хотя и осторожная, но реальная критика сталинизма.

Г.Г. Бауман писал: «Дорогой товарищ Микоян! Ваше выступление на XX съезде партии своею искренностью и смелостью произвело на меня большое впечатление и вызвало во мне ответное желание обратиться к Вам по одному важному, на мой взгляд, вопросу. Речь идет о судьбе большой группы советских граждан – бывших военнопленных 2-ой мировой войны.

Как Вам, наверно, известно, десятки, а может быть, и

сотни тысяч советских людей в силу ряда условий (окружение, оккупация) оказались в годы войны в фашистском плену. Пройдя сквозь страшные мучения и страдания, многие из них вернулись после освобождения на Родину с горячим желанием честным трудом загладить свою вину перед Родиной. С тех пор прошло более 10 лет. За это время получили амнистии бывшие полицейские и т. п. предатели, но по отношению к бывшим военнопленным проводится по-прежнему политика дискриминации».

Изложив далее факты своей военной и послевоенной биографии, он особо подчеркнул: «Тов. Микоян, прошу Вас рассматривать данное письмо не как просьбу помочь лично мне, а как постановку важного государственного вопроса, имеющего большое международное значение». Г.Г. Бауман предложил:

1) напечатать книги о героической борьбе бывших военнопленных во Франции, Италии, Бельгии, Голландии и других странах;

2) сделать фильмы, подобные югославско-норвежской «Кровавой дороге» или французским «Беглецам»;

3) реабилитировать бывших военнопленных в печати, снять с них страшное обвинение в измене Родине;

4) предоставить бывшим военнопленным все права советских граждан.

А.И. Микоян написал резолюцию: «В ЦК КПСС. Считаю нужным обсудить поставленный в этом письме вопрос. А. Микоян 12/IV». Письмо Г.Г. Баумана было разослано членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС. После обсуждения и письма, и предложенных мер в специально созданной комиссии под председательством маршала Г.К. Жукова 19 апреля 1956 г. было принято Постановление Президиума ЦК КПСС «О бывших военнопленных».

Приведем выдержку из него.

**«СЕКРЕТНО. Экз. № 1. ЦК КПСС**

В соответствии с Постановлением Президиума ЦК КПСС от 19 апреля 1956 г. нами изучено положение вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии и лиц, не находящихся на службе в армии.

В результате изучения докладываем:

В Великой Отечественной войне советские воины, как и весь наш народ, руководимые Коммунистической партией и Советским правительством, честно и самоотверженно выполнили свой долг.  
<...>

В отношении военнопленных и лиц, выходивших из окружения и фактически не находившихся в плену, были допущены грубейшие нарушения советской законности, массовый произвол и различные незаконные ограничения их прав. Эти извращения проявились в огульном политическом недоверии к военнослужащим, выходившим из окружения, совершавшим побег из плена и освобожденным Советской Армией. В отношении их применялись меры, унижавшие их личное достоинство и препятствовавшие их дальнейшему использованию в армии. С 1941 года военнослужащие, выходившие из окружения, бежавшие из плена и освобожденные советскими частями, направлялись через сборно-пересыльные пункты под конвоем войск НКВД в тыловые лагеря НКВД для спецпроверки (филтрации), проводившейся органами НКВД. Условия содержания военнопленных в этих спецлагерях были приказами НКВД установлены такие же, как и для особо опасных государственных преступников: лагеря были изолированы высокими заборами и колючей проволокой, охрану их несли конвойные войска, военнопленным запрещалась переписка, свидания с родственниками и т. п. Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, в результате "филтрации" и незаконных, провокационных методов следствия, было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнявших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену. Многие военнопленные незаконно осуждались как изменники Родины за то, что они выполняли в плену обязанности врачей, санитаров, старших барачников, переводчиков, поваров, кладовщиков и различные работы, связанные с бытовым обслуживанием самих военнопленных. Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и всех установленных льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих...

В целях ликвидации грубейших извращений, допущенных



в отношении вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии и лиц, не находящихся на службе в армии, считаем необходимым:

1. Принять Постановление ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР, в котором осудить, как неправильную и противоречащую интересам Советского государства, практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника...» [После плена 2004. С. 67–69].

Далее следовали еще десять пунктов, подробно раскрывавших содержание необходимых мероприятий, причем некоторые из них прямо соответствует предложениям Г.Г. Баумана. Этот документ сыграл огромную роль в реабилитации тысяч советских людей, попавших в плен и подвергавшихся впоследствии дискриминации. Но сам автор письма так и не узнал обо всем этом, так как публикация в полном объеме секретного решения комиссии маршала Г.К. Жукова с упоминанием его фамилии состоялась, когда Г.Г. Баумана, увы, уже не стало.

В отношении к бывшим военнопленным и его личной судьбе уже в конце 1950-х годов наметились серьезные перемены. Г.Г. Баумана в феврале 1958 г. пригласили в Москву для выступления в Комитете ветеранов войны. В своей речи Бауман рассказал не только о своей судьбе, но о неизвестном тогда восстании грузинского батальона на острове Тексел. В частности, он сказал, что восстание произошло 6 апреля 1945 г., когда немецкое командование отдало приказ батальону готовится к отправке на фронт против союзников. Из 700 бойцов батальона в живых осталось лишь половина. Немцы осуществили артиллерийский обстрел острова из Ден Гелдера. Четверо грузин были повешены, пятьдесят пленных были расстреляны на краю вырытой ими могилы. Население острова поддерживало восставших, спасая раненых, снабжая продовольствием, укрывая от немцев. Имя первого командира восставших Лоладзе стало легендарным на острове. Коммунистическая газета «Де ваархайд» писала 2 июня 1945 г.: «На Текселе возникло боевое содружество нидерландцев и русских, которое будет жить в истории острова»...

Г.Г. Бауман заочно закончил факультет иностранных языков пединститута в Харькове. При этом продолжал профессионально

заниматься всеобщей историей. В 1966 г. в одном из центральных научных журналов СССР («Новая и новейшая история», № 4) была напечатана его статья «Февральская забастовка 1941 г. – поворотный пункт движения сопротивления в Нидерландах» с указанием местожительства автора: «село Добрянка Черниговской области». Это была небольшая сенсация в мире ученых: учитель рядовой сельской школы в украинской глубинке опубликовал статью в ведущем столичном академическом журнале!

Г.Г. Бауман установил связь со своим однокурсником А.П. Пронштейном, который уже являлся одним из ведущих профессоров исторического факультета Ростовского госуниверситета. При его поддержке он получил возможность выйти на конкурс, объявленный на кафедре всеобщей истории. Бауман представил на истфак РГУ и лично декану истфака профессору В.А. Золотову, по его словам, «убедительные аргументы» в виде результатов своей научной работы и в сентябре стал старшим преподавателем этой кафедры.. Тот факт, что А.П. Пронштейн оказал поддержку своему однокурснику, человеку со сложной военной судьбой, объясняется не только их личной дружбой. Думается, что сыграли свою роль не только воспоминания студенческих лет, какими бы объединяющими они ни были. Времена огульных несправедливых обвинений только начали уходить в прошлое. На опыте близкого человека, талантливого ученого-историка Н.Н. Покровского, несправедливо осужденного в конце 1950-х годов по политическому делу Ренделя – Краснопевцева и пережившего отлучение от профессии, А.П. Пронштейн хорошо понимал ситуацию Г.Г. Баумана [Мининков 2014. С. 126–128].

С этого времени Г.Г. Бауман стал членом ростовского научного сообщества историков-всеобщников, в которое в разное время входили профессора Н.А. Акимкина, А.А. Аникеев, А.А. Егоров, Ю.В. Кнышенко, М.А. Люксембург, В.Н. Смирнов, И.М. Узнародов и другие преподаватели.

Первым крупным научным трудом Г.Г. Баумана стала кандидатская диссертация по теме «Рабочее движение в Нидерландах в годы гитлеровской оккупации и его роль в движении сопротивления». Эта работа органично соединила в себе как результаты научных изысканий, так и личные впечатления участника данного процесса. Защита диссертации стала заметным

событием в научном мире Ростова-на-Дону, однако в силу ряда обстоятельств не была опубликована в виде монографии. Несмотря на некоторые элементы идеологического характера, неизбежные в условиях советского времени, эта работа сохраняет научную ценность и по настоящий день.

Надо сказать, что Г.Г. Бауман публично долго не освещал ни свое пребывание в нацистских лагерях, ни личное участие в движении антифашистского сопротивления в Голландии, и поэтому в городе об этом мало кто знал, за исключением узкого круга преподавателей исторического факультета. Он подробно обсуждал такие вопросы только с другим ветераном и узником концлагерей А.А. Печерским.

Судьба Германа Германовича была несколько иной. О военных и «подпольных» страницах своей биографии он стал писать только в 1960-х годах, участвуя в общем потоке многочисленных воспоминаний реабилитированных военнопленных. Свое пристальное внимание ученого он сосредоточил на научном изучении истории Голландии (Нидерландов) сначала в период войны, а позднее – с конца XIX века и вплоть до современности. Это стало главным содержанием и смыслом его жизни. Страна Нидерланды стала его судьбой и как человека, и как профессионального историка.

Г.Г. Бауман преподавал всеобщую историю на историческом факультете Ростовского университета, а позднее – Ростовского пединститута. Он автор статей по истории Западной Европы, учебного пособия по истории рабочего движения в Голландии и др. Историк постоянно публиковался в центральных научных журналах: «Вопросы истории», «Рабочий класс и современный мир», «Народы Азии и Африки». В центре его конкретных научных изысканий в это время была история нидерландской социал-демократии, ряд деятелей которой были близки к В.И. Ленину и коммунистическому движению.

Весомым результатом его научной деятельности стала монография «Трибунисты – революционные марксисты Нидерландов», которая была издана в Ростове-на-Дону в 1981 г. и переиздана в Амстердаме на голландском языке в 1988 г. В монографии «В.И. Ленин и нидерландские трибунисты» (Ростов-на-Дону, 1990) он показал историческое значение

рабочего движения Нидерландов, которое по некоторым позициям шло параллельно и даже опередило создание российской социал-демократической партии «нового типа». Хотя в современных условиях история международного коммунистического движения потеряла свою политическую актуальность, с научной точки зрения эта проблема вызывает интерес.

Получив признание в научных кругах страны, Г.Г. Бауман выполняет ряд специальных заказов Института всеобщей истории АН СССР по написанию разделов по истории Голландии и рабочего движения в «Большой советской энциклопедии», в «Советской исторической энциклопедии», в двухтомной академической монографии по истории Социинтерна, в восьмитомнике по истории международного коммунистического и рабочего движения.

В 1984 г. Г.Г. Бауман защищает в Институте всеобщей истории АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук и в 1987 г. получает звание профессора. Глубокие знания первоисточников, владение основными европейскими языками, оригинальные монографические исследования и статьи, взыскательность и принципиальность – все это привлекало к нему внимание научной общественности. Он являлся официальным экспертом институтов и архивов в Москве по своей проблематике, членом Диссертационного совета по историческим наукам при Ростовском госуниверситете (ныне Южном федеральном университете).

Надо сказать, что принципиальность и нежелание идти на компромиссы в сфере профессиональной этики приносили ему различные неприятности. Его ирония и, мягко говоря, скептическое отношение к тем коллегам, которые не желали повышать научно-теоретический уровень, не владели иностранными языками, но при этом претендовали на значимую служебную, научную и общественную карьеру, затрудняли ему жизнь.

Г.Г. Бауман вступил в КПСС уже после разоблачения культа Сталина и был последовательным антисталинистом, как теперь принято говорить, «шестидесятником». По мере кризиса «развитого социализма» и разложения коммунистической элиты его идеологическая убежденность ослабевала. Постепенно у него развивалось критическое отношение ко всей существовавшей

системе политической власти. В мировоззренческом плане он все более тяготел к идеалам европейской социал-демократии, историю и теорию которой он так хорошо знал. Именно поэтому он позитивно оценил горбачевскую перестройку и последовавшие за ней политические демократические реформы.

После ухода в 1992 г. на пенсию Г.Г. Бауман продолжил научную деятельность и вплоть до своей смерти в 2000 г. вел научную переписку с учеными из Голландии и даже из Японии. И конечно, поддерживал связь с комитетом ветеранов 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения.

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

АН СССР – Академия наук СССР

КП – Коммунистическая партия

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

МГБ – Министерство государственной безопасности

МГУ – Московский государственный университет

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ЦК – Центральный комитет

### **ЛИТЕРАТУРА**

Кислицын, Кислицына 2015 – *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г.Г. Бауман // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1.

Месхи 1965 – *Месхи И.* Встречи в Голландии // Огонек. 1965. № 6.

Мининков 2014 – *Мининков Н.А.* Штрихи к портрету. Николай Николаевич Покровский (1930–2013) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 1.

После плена 2004 – После плена // Родина: Вестник Архива Президента РФ. 2004. № 7.

**Наталья МАСОЛИКОВА**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,  
Москва, Россия*

*E-mail: nmasolikova@gmail.com*

**НЕИЗБЕЖНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ:  
СУДЬБА ФРАНЦУЗСКОГО МИКРОБИОЛОГА, УЧАСТНИКА  
ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ  
ИЛЬИ ВОЛЬМАНА / Élie Wollman (1917–2008)**

*In science truth always wins.  
Max Perutz<sup>1</sup>*

Во французском движении Сопротивления приняли участие не только российские эмигранты первой волны, но и их дети, рожденные уже в зарубежье. Будучи французами по гражданству, они делали свой личностный выбор в условиях военного времени, исходя из самых разных обстоятельств – от проживания в той или иной (менее или более вовлеченной в оккупационный режим) части Франции, еврейских корней и личных возможностей покинуть страну в первые месяцы военного положения до собственного политического мировоззрения, повлиявшего на выбор той или иной судьбы для своей Родины. Некоторые из «детей эмиграции» сразу стали сопротивленцами, следуя семейным или личным патриотическим настроениям, другие вошли в движение Сопротивления через службу в армии и работу на разведку союзников.

В случае Ильи Евгеньевича Вольмана / Ilie Leo Wollman (1917–2008), выдающегося французского микробиолога, пионера молекулярной биологии и микробной генетики, парижанина, родившегося в семье известных «пастеризованных» российских ученых-микробиологов Евгения (1883–1943) и Елизаветы

---

<sup>1</sup> Перуц (Perutz) Макс (1914–2002) – австро-британский молекулярный биолог, лауреат Нобелевской премии.

(1888–1943) Вольманов, решение встать на сторону активно сопротивляющихся нацистскому оккупационному режиму было, скорее всего, неизбежным. Илья был французом, евреем и опосредованно русским одновременно. Эта мозаичная национальная и культурная идентичность была важным мотиватором его решений и действий, спусковым же механизмом стал арест родителей и их скорая гибель в нацистском концентрационном лагере Освенцим.

Илья Вольман родился 4 июля 1917 г. в XIV-м округе Парижа. Его родители вместе работали в лаборатории выдающегося микробиолога, Нобелевского лауреата Ильи Ильича Мечникова (1845–1916) в Институте Пастера. Уроженец Минска, доктор медицины Евгений Вольман приехал к Мечникову в 1909 г. и стал одним из его ближайших учеников и сподвижников. Елизавета также имела докторскую степень от Льежского университета и занималась в Институте Пастера физико-химическими исследованиями. Однако Евгений активно привлекал супругу к научной работе именно в своей области, микробиологии. Став женой и соратницей, Елизавета в течение 30 лет участвовала во всех экспериментах мужа. Общность научных интересов и жизненных идеалов, личная привязанность Мечникова и Вольманов привели к тому, что супруги назвали сына, родившегося через год после смерти мэтра, именем Илья<sup>2</sup>.

Первоначально Евгения Вольмана интересовали многие проблемы биологии, зоологии, иммунологии, вирусологии. Позднее в орбите его интересов появляются вирусы-бактериофаги. Супруги Вольманы одними из первых высказали революционную для вирусологии и молекулярной биологии идею о взаимосвязи фага с наследственностью. Надо сказать, что широкой поддержки в тот момент они не получили и их пионерские идеи остались ждать своего часа. Как это нередко случается в науке, Вольманы обогнали время, предвосхитив многие важнейшие и очевидные только впоследствии представления о бактериофагах, расшифровке

---

<sup>2</sup> В семье было трое детей. У Ильи было две сестры – Алис (впоследствии занималась медициной) и Надин (специализировалась в бетта-спектрометрии). В 1922 г. супруги получили французское гражданство. Фотографии семьи Вольманов см. в фотоархиве Пастеровского института: URL: <https://phototheque.pasteur.fr/en/asset/fullTextSearch/search/wollman/page/1> (дата обращения 01.07.2020)

генетического кода, структуре генов. Именно Евгений Вольман выдвинул гипотезу о заразном и передающимся по наследству характере бактериофагов. Проработав в Институте Пастера более 30 лет, супруги вместе и наравне исследовали и сибирскую язву, и иммунитет у холоднокровных животных, и различные свойства вирусов, что требовало порой умения рисковать в ходе экспериментов и, конечно, доверия к партнеру. В довоенный период Вольманы совместно опубликовали несколько научных работ. Лишь дважды прерывалась работа супругов в лаборатории – в годы Первой мировой войны, когда Евгений служил военным врачом-добровольцем сначала в парижском госпитале, затем на Восточном фронте и в Африке, за что был удостоен Боевого креста (Croix du combattant), а также в 1929–1932 гг. – семья провела эти годы в Чили, где Е. Вольман по поручению Института Пастера осуществлял научное руководство изучением бактериофагов в Институте Санитас в Сантьяго-де-Чили<sup>3</sup>.

Родители Ильи не успели закончить свой фундаментальный труд по бактериофагам. Последняя совместная публикация Евгения и Елизаветы Вольманов датируется 1939 г. [Wollman et Wollman 1939], а последняя работа Евгения – сентябрем 1940 г. В этом году он написал три статьи, которые ярко характеризуют интернациональный характер и интеллектуальный масштаб как парижской научной среды Вольманов, так и самого ученого. Первая из них – о воздействии радиации на бактериофаги, вышла в журнале Французской академии наук в соавторстве с итальянским микробиологом, будущим Нобелевским лауреатом Сальвадором Лурия (Salvatore Edoardo Luria, 1912–1991) за несколько месяцев до эмиграции последнего из Франции в США, и французским физиком, исследователем вакуума, личным ассистентом Марии Кюри в Радиевом институте, а затем директором по исследованиям Французского национального центра научных исследований (CNRS) Фернандом Хольвеком (Fernand Holweck, 1890–1941), ставшим участником движения Сопротивления, павшим жертвой предательства и замученным гестапо в декабре 1941 г. Две

---

<sup>3</sup> В 2020 г. этому Институту исполняется 100 лет. Путешествие в Чили произвело на маленького Илью Вольмана большое впечатление, он вернется в Латинскую Америку после Второй мировой войны с такими же научно-миссионерскими задачами.



другие статьи были опубликованы в пастеровском «Ежегоднике» и посвящены памяти коллеги Е.М. Вольмана, также «русского пастерианца» Александра Безредки (1870–1940), и исследованию воздействия рентгеновских лучей на бактериофаги (в соавторстве с Антуаном Лакассанем (Antoine Lacassagne, 1884–1971), радиологом и пионером гормонотерапии, покончившим жизнь самоубийством в возрасте 87 лет «из-за ошибки в суждениях»).

Ввиду оккупации Франции гитлеровской Германией многие лаборатории и сотрудники Института Пастера были перемещены на юг Франции, но супруги Вольманы по просьбе руководства института остались в Париже. Они продолжали работать в своей лаборатории, занимаясь различными прикладными проблемами, например, производством противогангренозной сыворотки. Но как евреев оккупанты лишили их права публиковать свои работы. В то же время мало кто ожидал, что немцы начнут буквально охоту на французских евреев и коллегам не раз приходилось скрывать Вольманов от облав под видом больных в Пастеровском госпитале.

В 1940 г. Илье Вольману исполнилось 23 года. После окончания престижного Лицея Buffon<sup>4</sup>, он получил высшее медицинское образование в парижском университете, три года стажировался в больницах, попутно изучая естественные науки в Сорбонне. В 1939 г. Илья Вольман был мобилизован в солдаты 2-го класса и, получив чуть позже статус помощника врача, прослужил на юге Франции до августа 1940 г.

По-видимому, супруги Вольманы пытались сделать все, чтобы их сын не оказался в Париже, – и после демобилизации из регулярной французской армии он продолжал оставаться на юге страны и исполнял обязанности врача-интерна в военном госпитале в Тулузе до 1942 г., а в 1943 г. – в Лионе. Более того, Илья защищает в этот период диссертацию «Химическая природа антител». Одновременно он был зачислен в Институт Пастера в качестве стипендиата в лабораторию под руководством друга

---

<sup>4</sup> Лицей ведет свою историю с XIX века и известен во Франции своими преподавателями и выпускниками, среди которых немало известных ученых, деятелей искусства, политиков и общественных деятелей Франции. В период фашистской оккупации Франции Лицей являлся одним из центров движения Соппротивления. Интересно, что в настоящее время он находится у станции метро «Пастер» и примыкает к бульвару им. Луи Пастера.

семьи, известного французского микробиолога российского происхождения, будущего лауреата Нобелевской премии Андре Львова (Andre Michel Lwoff, 1902–1994)<sup>5</sup>. Однако реально работу в Институте Пастера Илья Вольман смог начать уже только после освобождения Франции, в 1946 г.

Родителей Ильи арестовали в 1943 г. с разницей в несколько дней. Сначала, по домашнему адресу, – Елизавету, а через неделю – Евгения, непосредственно в Институте Пастера. Илью спасли друзья – он как раз приехал в институт на встречу с отцом, но был предупрежден об опасности и спрятан в институте.

Арестованных супругов Вольманов отправили в «зал ожидания» – так назывался лагерь Дранси (Drancy) на юге Франции, где размещали и сортировали еврейское и другое «неблагонадежное» население перед отправкой в нацистские лагеря смерти. Всего через лагерь Дранси прошло около 75 000 евреев.

О том, что происходило в Дранси и других подобных лагерях, какая участь ожидала их узников, французское население, в том числе многие русские эмигранты, представляло и тем более знало плохо. После кончины И.И. Мечникова семья Вольманов продолжала дружить с его вдовой, Ольгой Мечниковой, проживавшей в Париже до своей кончины в 1944 г. Илья Евгеньевич отзывался об Ольге как об очень светлом, бесхитростном, где-то наивном до слепоты человеке, сохранявшем молодой дух до последних своих дней, от которого он никогда не слышал какого-либо непочтительного высказывания в чей-либо адрес. Когда Ольга узнала об отправке Елизаветы Вольман в лагерь, то искренне сказала Илье: «Твоя мать выглядела такой уставшей в последнее время, наконец-то в лагере она сможет отдохнуть» [Vikhanski 2016. P. 11].

---

<sup>5</sup> Французский микробиолог и биохимик, потомок российских династий Симонович-Дервиз-Серовы-Львовы, сын психиатра и народовольца С.К. Львова и скульптура М.Я. Львовой (урожд. Симонович), двоюродной сестры художника В. Серова. Пастерианец с 19 лет. Был хорошо знаком с идеями и экспериментами супругов Вольманов о вирусной природе фагов, развивал эту проблематику после Второй мировой войны, подняв предмет на новую научную высоту и получив, вместе с Франсуа Жакобом и Жаком Моно, Нобелевскую премию в 1965 г. Активный участник французского Сопротивления, сотрудничая, в том числе, с английской разведкой.

В Дранси Евгений и Елизавета Вольманы встретились; 17 декабря 1943 г. они были депортированы так называемым «конвоем № 63» в концентрационный лагерь Освенцим. О дате и месте их гибели доподлинно неизвестно, тела не были найдены. Однако с момента их этапирования в Освенцим больше никто никогда и никаких известий о них никто не получал. Скорее всего, шансов у еврейской четы не было никаких – на момент депортации им было под шестьдесят лет и скорее всего они были уничтожены сразу по прибытии в лагерь.

Андре Львов писал впоследствии: «Те, кто был знаком с Евгением и Елизаветой Вольманами, представляют себе, что этот конец, который они четко предвидели, был принят ими мужественно. Знавшие Евгения Вольмана сохраняют память о нем как об исключительно порядочном человеке, широко образованном и высококультурном, интересовавшемся не только наукой, но и всеми видами искусства... Мысленно воскрешаю тонкое, нежное и в то же время энергичное лицо Елизаветы Вольман, которая была подругой этого мужчины, сотрудницей ученого и даже в смерти оставалась его спутницей...» [Львов 2002; Lwoff 1958]<sup>6</sup>.

Уже через несколько месяцев под вымышленным именем Илья Вольман оказался в рядах французского Сопротивления. Он вступил в тайную армию Тарна<sup>7</sup>, которая стала частью French Forces of the Interior (FFI)<sup>8</sup>, исполняя обязанности врача в звании младшего лейтенанта. Вскоре Вольмана назначили главным врачом в одной из многочисленных групп Сопротивления под названием «Патрис» региона d'Albi. В этот период Илья знакомится и со своей будущей супругой и единомышленником Одиле Гвардиоле (они поженились в 1948 г.).

Так в семье Вольманов появились две одинаковые высокие французские награды – Боевой крест, полученный отцом, не-

---

<sup>6</sup> В 1958 г. Андре Львов также написал статью, посвященную памяти пятнадцати французских ученых Института Пастера, убитых нацистами в 1940–1945 гг., см.: [Львов 2005].

<sup>7</sup> Тарн – один из южных департаментов Франции, являлся одним из центров сосредоточения групп Сопротивления. Именно с этим департаментом исследователи связывают активную деятельность еврейских партизанских отрядов.

<sup>8</sup> Организация движения Сопротивления во Франции, возникшая на поздней, самой последней стадии борьбы, в феврале 1944 г.

французом и не-солдатом Евгением Вольманом, добровольно врачевавшим на полях сражения Первой мировой войны за Францию, и сыном, Ильей Вольманом, французом и тоже не-солдатом, но участником движения Сопротивления, по зову сердца и в память о погибших родителях добровольно надевшего «белый халат» и принявшего свой «бой» за независимость Франции.

Всю последующую жизнь Илья посвятил фактически делу родителей, во многих шагах повторив их путь, – заканчивая их исследования, доказывая их научную правоту, идя дальше в исследованиях фагов, отправляясь в другие страны с миссионерскими научными задачами, поддерживая административно их семейную альма-матер – Институт Пастера. Его первые послевоенные исследования посвящены вирусным и умеренным бактериофагам, колицинам, генетике лизогенных бактерий. Ближе к 60-ым годам Вольман занимается вопросами «пола» бактерий (процессами спаривания и рекомбинации) и способствует этим зарождению и основанию бактериальной генетики. Сын Евгении и Елизаветы Вольман стал известным микробиологом и возглавлял многие уважаемые во всем мире научные организации<sup>9</sup>.

В книге жизни Ильи Вольмана встречались разные страницы. Так, с Институтом Пастера его связывал долгий путь вплоть до кончины: от статуса стипендиата в 1942 г., ассистента в отделении микробной физиологии, которое возглавил Андре Львов в 1946 г., через личное руководство лабораторией в 1954-м, профессорство с 1964 г., до заместителя директора Пастеровского института с 1966 г. и почетного профессора Института и, наконец, к вечному

---

<sup>9</sup> Перечислим только важнейшие его позиции. Директор по научно-исследовательской работе в Национальном центре научных исследований Франции (CNRS, 1960–1985). Член-основатель Европейской организации молекулярной биологии (EMBO, 1964). Член национальной комиссии по биологии человека при Министерстве национального образования (1966). Генеральный секретарь Международной организации исследований в области клетки (ICRO/ЮНЕСКО; 1969–1973). Руководитель кафедры преподавания Института Пастера (1975). Член-корреспондент Академии наук (1980). Один из создателей Музея прикладных исследований в Марн-ла-Кокте (1982) и его исторического архива, председателем научного комитета которого он становится (1987). Президент Французского микробиологического общества (1983–1989). Почётный член Королевской академии Бельгии (1985) и иностранный член Национальной академии наук США (1991).

поселению в стенах института его личного и научного архива.

Связь Ильи Вольмана с Институтом Пастера была как будто разделена на два четких этапа – исследовательский и административный. Активным исследователем Илья Евгеньевич оставался вплоть до 60-ых годов прошлого столетия, когда, по свидетельству его ближайших коллег, фактически без объяснений ушел из команды и ведущей на тот момент генно-микробной темы исследований [Вис 2018]. В 1965 г. всем трем его ближайшим научным соратникам (Андре Львов, Франсуа Жакоб<sup>10</sup>, Жак Моно<sup>11</sup>) была присуждена Нобелевская премия в области физиологии и медицины «за открытия, касающиеся генетического контроля, синтеза ферментов и вирусов», основание которой, безусловно, составляли, в том числе, опыты, выводы, доказательства и публикации И. Вольмана [Burian, Gayon 1999; Burian, Gayon 2017; Norkin 2010]. Открытия и достижения, как известно, не всегда имеют исключительно научную природу, завися от многих внешних (социальных) и внутренних (человеческих) факторов. В исследовательской «остановке» И. Вольмана прямо перед, казалось бы, финишной нобелевской чертой, думается, смешалось несколько факторов: и послевоенное возобновление работы над его/родительской темой без него (в момент его фактического отсутствия в Институте Пастера<sup>12</sup>), и непредвиденная смена

---

<sup>10</sup> Жакоб (Jacob) Франсуа (1920–2013) – французский биолог, генетик, Нобелевский лауреат. Мечтал стать хирургом, но после тяжелого ранения на фронте в годы Второй мировой войны (воевал в Африке) вынужденно искал иное применение своим талантам. Добившись (после первого отказа) места в лаборатории А. Львова, с нуля начал знакомиться с микробиологией.

<sup>11</sup> Моно (Monod) Жак (1910–1976) – французский биохимик, микробиолог, выпускник Сорбонны, Нобелевский лауреат. Во время Второй мировой войны возглавлял штаб FFI. Музыкант, писатель, философ, политический активист. Был в переписке с А. Камю. Умер от лейкемии.

<sup>12</sup> В 1948–1950 г. И. Вольман как стипендиат Фонда Рокфеллера занимался исследованиями в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене, США (см.: [https://archives.caltech.edu/repositories/2/accessions/8383.html?from=0&q=wollman&q\\_exact=&q\\_excluded=&q\\_required=&size=10&total=2](https://archives.caltech.edu/repositories/2/accessions/8383.html?from=0&q=wollman&q_exact=&q_excluded=&q_required=&size=10&total=2) (дата обращения 02.07.2020). Первый француз в команде исследователей (Phage Group) под руководством немецко-американского биофизика, Нобелевского лауреата Макса Дельбрюка (1906–1981), Вольман изучал «заокеанский» взгляд на бактериофаги и фактически знакомил американцев с французскими научными взглядами в этой области. В это время Андре Львов в своих научных изысканиях делает

научного партнерства, опять фактически «за спиной» (в момент второй поездки Вольмана в США<sup>13</sup>, в 1958–1959 гг., когда многолетнее сотрудничество И. Вольмана с Ф. Жакобом вытеснилось новой и безусловно перспективной рабочей связкой Ф. Жакоб – Ж. Моно), и его личностные особенности<sup>14</sup>, и назревшие финансово-административные проблемы в Пастеровском институте, потребовавшие выхода на сцену особого лидера [Dantzer, Kelley 2009].

Уход в администрирование и научное руководство с исследовательского поля был также непростым. Ситуация, в которой Илья Вольман по собственной инициативе занял пост заместителя директора института, была отнюдь не радужной – институт переживал тяжелые финансовые времена. Вместе с коллегами он инициирует создание комиссии по реформированию Института Пастера, которое будет реализовано в 1966 г. с приходом в директорское кресло Пьера Мерсье. В том же году Илья Вольман назначается заместителем директора и будет служить в этом качестве почти двадцать лет – до 1985 г. Он считал совершенно необходимым делом применить все свои умения, знания и связи для предотвращения банкротства своего родного института. И Пастеровский институт выжил и поднялся на новую высоту [Marchand 2018].

---

ставку на развитие вольмановских (родительских) идей, «отряхая пыль» с их разработок по лизогении и вирусной природе бактериофагов, а Илья Вольман находит в Caltech библиографическую карточку со ссылкой на один из опытов отца по лизогении с пометкой на ней М. Дельбрюка «чушь». И Львов, и Вольман были, видимо, лично мотивированы в «оправдании» работ старших Вольманов по лизогении.

<sup>13</sup> Как Фулбрайтовский стипендиат и ассоциированный бактериолог в Институте вирусологии Калифорнийского университета в Беркли (США).

<sup>14</sup> Артикуляция собственной позиции в независимости от обстоятельств, смелость в суждениях и поступках, научное тщеславие, видимо, были свойственны ученому. В своей профессиональной карьере он не раз действовал резко. Например, когда М. Дельбрюк решил переориентировать фокус исследовательского внимания его группы на, казалось бы, весьма интересный аспект – исследование функций мозга, единственным специалистом в команде, открыто отказавшимся сменить исследовательскую ориентацию, оказался Илья Вольман, подчеркнув свою приверженность фаговой теме.

Идеи просветительства и миссионерства передались Илье по наследству. Он вернулся в Латинскую Америку через 30 лет в том же качестве, что и его отец, поднимавший микробиологическую науку в чилийском Институте Санитас. По приглашению Национального института микробиологии Ильи Вольман приехал в Аргентину, чтобы организовать подразделение микробной генетики и создать кафедру молекулярной биологии в Буэнос-Айресе. Дважды, в 1961 и 1964 г., он побывал в СССР.

За большие заслуги перед Францией Ильи Евгеньевич Вольман стал кавалером ордена Почетного Легиона (офицер), ордена «За заслуги» (командор) и ордена Академических пальм (командор).

И.Е. Вольман скончался в Париже в 2008 г. Его дети – доктор Эммануэль Вольман и доктор Фрэнсис-Андре Вольман – продолжатели научных традиций своей выдающейся семьи [Wollman 2018]. В дар Институту Пастера Вольманы передали свой семейный архив. Там же в 2009 г. была торжественно установлена табличка «В память о Евгении и Елизавете Вольман, погибших в результате депортации в декабре 1943 года, и об их сыне Илье Вольмане (1917–2008). Все трое – пастерианцы, пионеры современной биологии».

## ЛИТЕРАТУРА

Львов 2002 – *Львов А.* Евгений Вольман // Русское еврейство в зарубежье / сост., ред. и издатель М. Пархомовский. Т. IV (IX): Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 2. Иерусалим, 2002. С. 260–263.

Львов 2005 – *Львов А.* Евгений Вольман // Русское еврейство в зарубежье / сост., ред. и издатель М. Пархомовский. Т. 13: Памяти ушедших (Катастрофа и Соппротивление): К 60-летию победы во Второй мировой войне. Иерусалим, 2005. С. 205–208.

Вус 2018 – *Вус Н.* Elie Wollman and the question of lysogeny // Histoire de la recherche contemporaine. 2018. Т. VII, № 2. P. 212–224.

Burian, Gayon 1999 – Burian R., Gayon J. The French School of Genetics: From Physiological and Population Genetics to Regulatory Molecular Genetics // Annual Review of Genetics. 1999. Vol. 33. P. 313–349.

Burian, Gayon 2017 – *Burian R., Gayon J.* Eugène Et Elisabeth Wollman: La question de la lysogénie / Loison L., Morange M. (dir.). L'invention de la régulation génétique: les Nobel 1965 (Jacob, Lwoff, Monod) et le modèle de l'opéron dans l'histoire de la biologie. P., 2017. P. 31–65.

Dantzer, Kelley 2009 – *Dantzer R., Kelley K.* Elle Wollman. 1917–2008: A Biographical Memoir. Washington: National Academy of Sciences, USA. 2009.

Lwoff 1958 – *Lwoff A.* Eugène Wollman: A la mémoire de quinze savants français lauréats de l'Institut assassinés par les Allemands, 1940–1945. P., 1958. P. 133–145.

Marchand 2018 – *Marchand M.-H.* The Story of the Pasteur Institute and Its Contributions to Global Health. Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Norkin 2010 – *Norkin L.* The Converging Lives of Jacques Monod, Francois Jacob, Andre Lwoff, and Albert Camus in Wartime France *Virology // Molecular Biology and Pathogenesis*. ASM Press, 2010 (<https://norkinvirology.wordpress.com/2017/03/27/the-converging-lives-of-jacques-monod-francois-jacob-andre-lwoff-and-albert-camus-in-wartime-france/>). (дата обращения 02.07.2020)

Vikhanski 2016 – *Vikhanski L.* Immunity: How Elie Metchnikoff Changed the Course of Modern Medicine. Chicago, 2016. P. 11.

Wollman 2018 – *Wollman F.-A.* Elie Wollman, un homme de conviction // *Histoire de la recherche contemporaine*. 2018. T. VII, № 2. P. 202–211.

Wollman et Wollman 1939 – *Wollman E. et Wollman É.* Les «phases» de la fonction lysogène chez les bactéries sensibles // *Comptes rendus de la Société de biologie*. 1939. 131. P. 614–616.



## **Марина СОРОКИНА**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,  
Москва, Россия  
E-mail: msorokina61@gmail.com*

### **АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НА БАЛКАНАХ: К БИОГРАФИИ ПОЭТА АЛЕКСЕЯ ДУРАКОВА (1898–1944)**

*Хочу истлеть в земле родимой,  
Смирив пред смертью стыдный страх.  
Пусть ветер в яркие долины  
Перенесет мой тленный прах.  
**Алексей Дураков***

*Все уходит прочь из жизни,  
кроме Памяти, не знающей разлук.  
**Мария Вега***

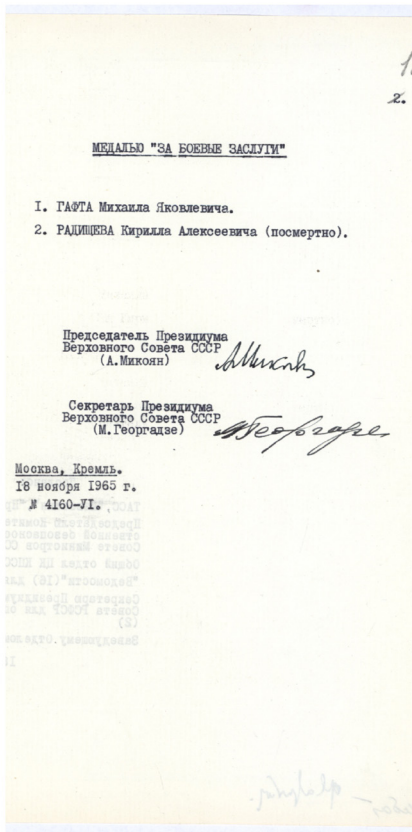
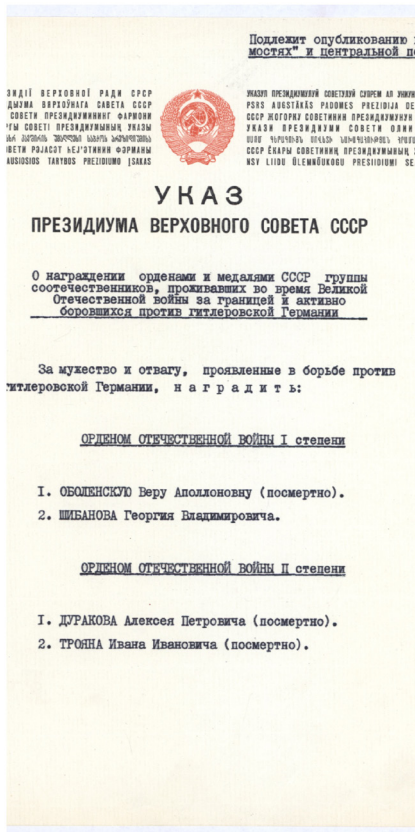
Участие «белой» русской эмиграции во Второй мировой войне — одна из наиболее дискуссионных проблем ее истории. Значительное большинство старшего поколения постреволюционных беженцев, тесно связанное с различного рода военно-политическими организациями русского зарубежья, рассматривало гитлеровское нападение на СССР, особенно на первоначальном этапе войны, как инструмент борьбы с большевизмом. Однако эмигрантская молодежь разной политической ориентации, выросшая и получившая образование уже в новом культурном и политическом социуме, приняла самое деятельное участие в антифашистском движении Сопротивления во многих странах Европы. Показательно, что сам термин «Сопротивление» (La Résistance) получил широкое распространение вслед за изданием летом 1940 г. во Франции одноименной подпольной газеты, выпускавшейся двумя молодыми этнологами российского происхождения, Борисом Вильде (1908–1942) и Анатолием Левицким (1909–1942).

Противостояние «коричневой чуме» XX века и совместная защита общих духовных и профессиональных ценностей часто объединяли русских беженцев и многих европейских интеллектуалов, персональные и групповые стратегии сопротивления которых в годы Второй мировой войны требуют новой исследовательской оптики и рефлексии, в том числе в контексте полемики о закате первой волны «русской эмиграции» к 1939 г.

Именно русские интеллектуалы бывшей Югославии, где была сосредоточена одна из самых больших и энергичных русских диаспор Европы, внесли существенный вклад в борьбу против нацизма и немецкой оккупации своей новой «зарубежной родины», как называла Сербию известный лингвист русского происхождения, член-корреспондент Сербской академии наук и искусств И.Г. Грицкат-Радулович [Грицкат 2017]. Однако в России, где в последние десятилетия фокус изучения практик русской эмиграции в Югославии периода Второй мировой войны, по очевидным причинам, сместился с анализа деятельности партизанских и прокоммунистических освободительных соединений на активности коллаборантов, в том числе чинов Русского охранного корпуса, их опыт остается мало известным. Только в самые последние годы появились исследовательские работы, на новых архивных материалах рассматривающие идеологию и разнообразные практики просоветски настроенной части русской эмиграции в межвоенной Югославии [Боровняк 2015; Ганин 2006; Ёхина 2015а; Ёхина 2015б; Ёхина 2017; Сорокина 2017; Тимофеев 2012; Тимофејев 2012; Тимофеев 2015].

Между тем, в числе первых шести русских эмигрантов, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 г. награжденных советскими орденами «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеровской Германии», был и представитель русского пореволюционного зарубежья в Королевстве Югославия – Алексей Петрович Дураков (1898–1944).

Появившийся на излете советской «оттепели» и приуроченный к празднованию 20-летия Победы, этот «юбилейный» Указ оказался знаковым во многих международных и внутренних контекстах. Приход нового поколения руководителей СССР – бывших фронтовиков – сопровождался возвращением дню



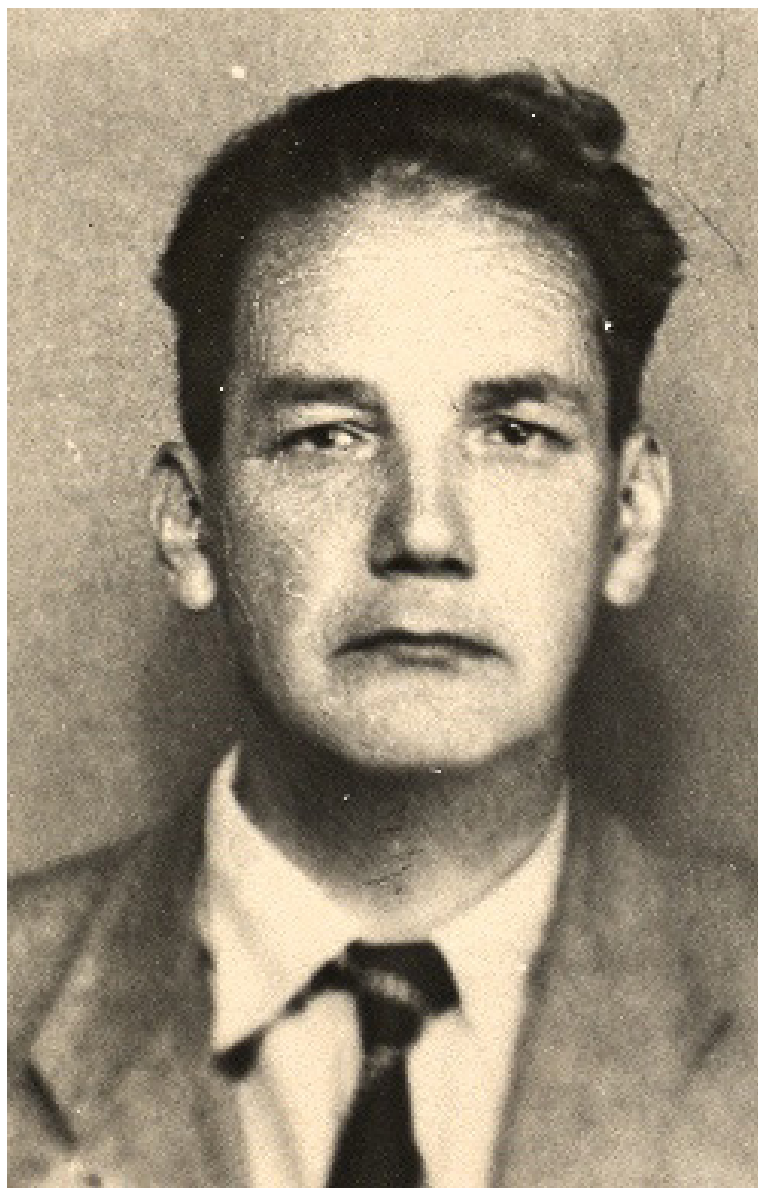
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР группы соотечественников, проживавших во время Великой Отечественной войны за границей и активно боровшихся против гитлеровской Германии. 18 ноября 1965 г. ГА РФ. Ф. Р-7523.

Оп. 82. Д. 263. Л. 184, 185

9 мая статуса всенародного праздника. Тем самым в советском публичном пространстве было заявлено, что источником легитимности новой партийно-государственной элиты является уже не только и не столько становившаяся исторически далекой Революция, но прежде всего — участие в продолжавшей наполнять коллективное сознание советских людей Великой Отечественной / Второй мировой войне. Впервые после окончания память о войне выступила как общенациональный

символический ресурс и инструмент, одинаково важный как для политических и социальных практик власти и общества, так и для профессиональной и общественной исторической и философской рефлексии, инициировавшей новые образные доминанты советской вербальной и визуальной культуры (монументальной скульптуры, литературы, театра и кинематографа и др.).

В то же время Указ 1965 года закреплял некоторые итоги уже проделанной в годы правления Н.С. Хрущева работы по восстановлению связей с зарубежными соотечественниками и сшиванию общей истории «разделенного общества». После кончины И.В. Сталина многие эмигранты-«возвращенцы», ранее арестованные и / или препровожденные в «места отдаленные», получили возможность переехать в крупные города СССР и публиковать свои мемуары. Впервые широко заговорили и о русских участниках европейского Сопротивления в годы Второй мировой войны. Хотя первая в СССР научная статья об этом появилась еще в 1949 г. и принадлежала перу «возвращенца», а затем известного историка, доктора исторических наук М.М. Штранге (1907–1968) [Штранге 1949], именно с середины 60-х годов научные работы, посвященные движению Сопротивления, стали публиковаться регулярно и повсеместно. Новая историческая политика предлагала создание позитивного и жертвенного образа русского эмигранта, персонифицировавшего интегрированность СССР в европейское пространство, и советские средства массовой информации также стали работать в этом направлении. Так, в 1964 г. в одном из самых массовых советских журналов – «Огоньке» напечатали сценарий художественного фильма о подвиге Вики Оболенской (1911–1944), автором которого был известный кинодраматург, один из родоначальников кинологии, лауреат Сталинской премии и орденосец, А.Я. Каплер (1903–1979) [Каплер 1984]. Приглашение на главную роль французской кинозвезды первой величины – Марины Влади свидетельствовало о намерении создать международный кинобестселлер, обращенный одновременно к советской и зарубежной аудитории. И хотя проект не состоялся, сама его идея была очень характерна для того времени.



*Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. 1930-е годы*

В том же тренде находился и цикл публикаций известного филолога-слависта, «возвращенца» Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904–1969), посвященных роли молодого поколения русской эмиграции в югославском Сопротивлении. Мемуарные тексты бывшего активного члена Союза советских патриотов в Белграде были адресованы непосредственно русским эмигрантам всех поколений – читателям газеты «Голос Родины», издававшейся Советским комитетом по культурным связям с соотечественниками за рубежом [Голенищев-Кутузов 1963а; Голенищев-Кутузов 1963б; Голенищев-Кутузов 1963в; Голенищев-Кутузов 1965]. Одной из центральных фигур этих публикаций стал многолетний друг автора, поэт и партизан Алексей Дураков.

Вероятно, именно благодаря Голенищеву-Кутузову его имя и оказалось в списке награжденных в 1965 г. эмигрантов-сопротивленцев. Кто стал инициатором этой символической акции, как и по каким критериям отбирались персоналии первой шестерки эмигрантов, почему отмеченными оказались только эмигранты<sup>1</sup> во Франции и Югославии – вопрос очень интересный, но остающийся неисследованным.

Почти все русские эмигранты, представленные к советским наградам в 1965 г., уже были отмечены французскими орденами и, добавляя к ним свои государственные знаки отличия, советская власть как бы предлагала забыть былую непримиримость и признавала эмигрантов «своими». Реализации этого резонансного пропагандистского жеста не помешали ни разные политические взгляды награжденных, ни их гражданство и/или «непролетарское» социальное происхождение. Однако так многообещающе начинавшееся воссоединение зарубежной и советской России / СССР не состоялось – и в следующий раз об участии русских эмигрантов в антифашистской борьбе в СССР вспомнили на правительственном уровне только через десять лет (1976), а затем еще раз с началом эпохи «перестройки» и «нового мышления», когда 7 мая 1985 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями была награждена новая немногочисленная

---

<sup>1</sup> Кроме А.П. Дуракова, орденов Отечественной войны I и II степени были удостоены Вера Аполлоновна Оболенская, Георгий Владимирович Шибанов, Иван Иванович Троян; медали «За боевые заслуги» – Михаил Яковлевич Гафт и Кирилл Алексеевич Радищев.

группа «русских французов»<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что Указ 1965 г. открывал исследовательские и издательские шлюзы для темы антифашистской борьбы русских эмигрантов в Европе, в том числе на Балканах, история единственного «не-француза» среди всех награжденных русских эмигрантов-сопротивленцев и единственного среди них поэта – Алексея Петровича Дуракова – минимально привлекала внимание и осталась мало известной как филологам, так и историкам.

Хотя писать стихи «наш Алекса», как называли поэта в Сербии, начал еще в России и с начала 20-х годов печатался во многих журналах и альманахах Белграда и Парижа, но при жизни не выпустил ни одного поэтического сборника. Творчество Дуракова не было отмечено ни литературными премиями, ни прижизненным признанием. И сейчас о нем вспоминают в основном в связи с изданной в Белграде в 1933 г. «Антологией новой югославянской лирики», где вместе с И.Н. Голенищевым-Кутузовым и Е.Л. Таубер он выступил как переводчик сербской поэзии.

Тем не менее в 20-30-е годы XX в. имя Дуракова получило некоторую известность в русских эмигрантских литературных кругах как своего рода посредника между поэтическими эпохами. Свою генеалогию он видел вполне определенно: «Мои учителя да будут Ломоносов, Державин, Пушкин, Боратынский, Тютчев и Вячеслав Иванов». И когда в 1928 г. в Белграде проходил



Обложка «Антологии новой югославянской лирики» (Белград, 1933)

<sup>2</sup> Орденом Отечественной войны были награждены Т.А. Волконская, Б.В. Вильде, А. Левицкий, Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария), медалью «За боевые заслуги» – Б.Б. Сосинский-Семихат.



*Алексей Петрович Дураков  
<начало 1920-х годов>*

Первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом и все ходили, по словам И.Н. Голенищева-Кутузова, «на поклон к Мережковским», не соблазнился один Дураков: «Я к Гиппиус, конечно, не пошёл, что мне у неё делать. Она всё ненавидит, а я всё люблю, она всё проклинает, а я всё благословляю, наконец, я хочу писать оды, а она, кажется, за свою жизнь не написала ни одной и вряд ли напишет» [Переписка 1989].

К сожалению, архив А.П. Дуракова утрачен, известны буквально единичные документы

поэта; его знаменитая фотография в кителе морского училища, одна из двух вообще сохранившихся, часто атрибутируется другим лицам, а собранный после войны вдовой поэта Л.М. Дураковой-Иванниковой и его другом И.Н. Голенищевым-Кутузовым машинописный сборник стихотворений А.П. Дуракова многие десятилетия оставался неизданным.

Биография поэта и антифашиста также практически не изучена. До сих пор точно неизвестно, где он родился, как жил в эмиграции, как погиб<sup>3</sup>. Главным источником биографических сведений остается статья И.Н. Голенищева-Кутузова (1904–1969) «Поэт, борец, партизан». Опубликованная в ноябре 1963 г. в мало доступной в СССР газете «Голос Родины», она содержит и личные воспоминания друга поэта, и некоторые материалы к «сербской»

<sup>3</sup> Так, например, известный эмигрантский генеалогический журнал «Новик» сообщал в 1946 г., что корабельный гардемарин Алексей Дураков расстрелян немцами в 1944 г. в Земуне [Новик 2011. С. 181].



части его биографии [Голенищев-Кутузов 1963б]. Отметим, что в Сербии не забывают А.П. Дуракова, и когда в 1981 г. к 100-летию существования гимназии во Вранье, где он преподавал, установили памятную доску в честь учеников и учителей, погибших в 1941–1945 гг., имя А.П. Дуракова было также выбито на ней [Боровняк 2015. С. 311].

В настоящей статье, опираясь на вновь выявленные архивные документы и опубликованные мемуары, мы попробуем восстановить некоторые биографические линии и контексты жизни Алексея Петровича Дуракова в эмиграции в Сербии, связанные в том числе с его антифашистской позицией.



В СМЯХ скитаний по свету я всюду возна с собой фотографию Юноша в форме гардемарина, да там и довел ее до Москвы. Лишь морская на фотографии на редкость красива. Прозрачная черта, но без рожков, глаза грустные, рот едва приметно улыбающийся. Даже на фотографии Алексей Дураков производит впечатление «обычного» человека. Так оно и было в жизни. Особенно нравившийся мне своим обличием этого высокого и прекрасного сложного человека была нежность и доброта, сочетавшаяся с непреклонной волей, которая проявлялась в трудные часы жизни. Я люблю его слушать — все так же и досадно он умел преобрать в юнство и одуговатое лицо смелый настоящего юнца, никогда не переходивший в сарказм.

Алексей Петрович Дураков родился в Пензенской области в 1898 году. Его отец, обидевший деревню, утратил урочное имение. Алеша ушел в армию, бороздил юнкерском корпусе, а затем поступил в Морской флот.

Во время первой мировой войны он послан вместе с другими гардемаринами во Владивосток, побывал в портах Японии, Китая и Индии. После революции Алеша очутился в Югославии в Белграде на одном из провинциальных городов Сербии. В Югославии в то время была довольно большая колония русских эмигрантов. Проблемы стали задавать себе вопросы: «А что же то есть и Алексей Дураков. И если мы не наркотики и бандиты — гитлеровцы — тогда ступим на ноги. Мы же русские — немцы или англичанским — доброй покончить с Советской властью? — заповедник такое дело, и среди них был Алексей Петрович и его близкий друг...»

**У**ДИВИТЕЛЬНО светлый образ талантливого поэта, милейшего человека и настоящего патриота Родины сохранился в памяти всех, близко знавших в эмиграции Алексея Петровича Дуракова.

Алексей Петрович был одним из тех русских эмигрантов, кто раньше многих осознал величие Октябрьской социалистической революции, ее значение для России и русского народа и всей душой принял ее идеи.

Наши сведения о жизни и творчестве поэта в эмиграции до последнего времени были довольно скудными. Вот что рассказал репатриант Илья Николаевич ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, близко знавший поэта в течение многих лет жизни на чужбине.



## Поэт, БОРЕЦ, ПАРТИЗАН

дальности родной земле, Родине, за которую умно биться и ради которой можно умирать.

Итак же того, что Алексей Петрович разошелся с идеологическими установками белой эмиграции и открыто заявил об этом, имя его редко проходило в зарубежную эмигрантскую литературу. Если личность Алексея Дуракова доходила порой до читателя в сборниках и журналах, появлявшихся в Париже и Белграде, то его патристические стихи остались незамеченными, ибо они прямо говорили о любви поэта и Советской стране. В своих политических стихах поэт прославлял подвиги советских покорителей Арктики (поэма «Арктика»). В стихотворении «Юнга и Оля» в противовес эмигрантскому поповниванию, который хотел бы отделить впадина всю Сибирь до Урала, чтобы они помогли выгнать большевиков, поэт маршево образы двух юных патриотов — детей эмигрантов. Юноша с горячими глазами говорит поповнику: «Мы с Олей Отныне врату не дадим». В этом стихотворении поэт рисует красочную картину Дальнего Востока. Он видит советские пограничники, охраняющие рожков Родины: «А где-то Амур величаво течет, в горах труба над Амуром поет... А за Амуром, еще на много таскаясь, Беломорова, расклевывая зрелая птица, Голдица, и мимолет ей принадлежит секунда, так, что хоть и вереск идешь от нее, но душой всегда с ней».

Почти перем, писавший стихи, исходящие из глубинных тайников сердца — Алексей Дураков человек и Борец

А теперь остается рассказать все, что мне известно о жизни поэта от его ареста в начале 1941 года до гибели в 1944 году. Гастро отпавшим Алексеем Петровичем работать на фабрику в Брюссель на полурезанных условиях. Его жена, Любовь Дмитриевна, посовещала за ним добровольно. Весной 1944 года, получив на короткий срок отпуск, супруги приехали в Белград. В Германии они не знали подробности пребывания Алексея в фашистской Германии, о его жизни там, его творчестве. Но, зная его натуру, могу уверенно сказать: он вряд ли оставался там в тени, а боролся с врагом словом и делом. Сразу после его приезда в Белград мне при помощи белградского подпольной организации «Союз советских патриотов» удалось перебраться чету Дураковых на лес в Гемельславской партизанской. Чтобы избежать неприятностей тогда подполье среди юнкеров, я должен был в начале августа 1944 года также отправиться на лес. В нескольких десятках километров от Белграда на территории нынешней автономной области Воеводина, близ реки Сава, партизаны держали под своим контролем довольно значительную территорию. Леса было много, но вдоль дорог, соединяющих партизанские деревни, росли чащи кукурузы. Нанцы и хорватские фашисты саботировали заглядывать в эти места в кукурузу, превращая ее в чужовещный рот, их подпадали засады, и пулеметные очереди смели целые шеренги оккупантов. В борьбе с фашистами жили все население деревень от мала до велика. Партизанские отря-

дывались бригады и отряды, где могли найти товарища Алексею (как звали в отряде Алексея Петровича). Комиссар сказал мне спойноно: «его звать убить на партизанах». И, вида, что я погорски добавил: «и моего брата тоже». Я молча вышел из штаба.

На следующий день мне удалось разыскать на лесной опушке около реки Сава Любовь Дмитриевну. На ней была партизанская пиюлка с красной звездой, за спиной — немецкая трофейная винтовка. Она рассказала мне подробности.

За два дня до этого раню утром немцы стали переправляться через реку на партизанскую сторону. Алексей Петрович был в заставе, охранявшей рубеж. Пока подоспели главные силы, небольшие группы партизан сдерживали превосходящие силы фашистов, оказав им жестокое сопротивление. Когда наступил вечер, брат комиссара, был поражен непривычной пулей. Алексей Петрович, зная его место, продолжал вести бой. На берегу Сава осталось несколько десятков трутов фашистов, скопченных оружием партизанского пулемета. Здесь же лежал погибший смертню дробящею Петрович Дураков.

Но само желье он пролил уже истинным русским патриот и борец и встретил смерть героическую. Он больше не стиги станут извещать о будущей, «популярной антикоммунистической» борьбе с коммунизмом, юрющим новым мир, разражающего слова.

Мы так же мастера оружейный

Статья И.Н. Голенищева-Кутузова «Поэт, борец, партизан» (Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6)

### «Веселый мальчик белокурый»

Алексей Петрович Дураков принадлежал дворянскому роду, известному в Пензенской губернии с XVII века. Он родился 15 / 27 мая 1898 г. в обедневшей дворянской семье Петра Алексеевича Дуракова и жены его Анны Фёдоровны (урожд. Каменской)<sup>4</sup>.

Пензенские краеведы расходятся во мнениях о месте рождения будущего поэта. Одни считают, что он появился на свет в имении Дураково-Черкасское Керенского уезда, на северо-западе Пензенской губ. (ныне селе Луговое Вадинского района); другие называют то же имение, но находившееся в селе Черкасское (ныне Пачелмского района), где жила его богатая тетушка – вдова предводителя дворянства Керенского уезда баронесса Екатерина Алексеевна Штейнгель-Эспехо (урождённая Дуракова). Сам же А.П. Дураков писал, что родился в г. Керенск<sup>5</sup>, известном также как малая родина выдающихся русских ученых-лингвистов – академика Ф.И. Буслаева (1818–1897) и профессора Московского университета М.Н. Петерсона (1885–1962).

Так или иначе, но богатая литературная история Пензенского края, которая ассоциируется прежде всего с именами М.Ю. Лермонтова и А.И. Куприна, помнит и еще одно имя – известного писателя-белоэмигранта, главного редактора нью-йоркского «Нового журнала» Романа Гуля (1896–1986), чей отец, кадет и видный общественный деятель Пензы, дружил с отцом А.П. Дуракова. В романе «Конь рыжий» Гуль ностальгически вспоминал о родном для него и Алексея Дуракова городке Керенск: «Солнечная тишина, дед, балкон, керенская площадь, это и есть мое детство. Ехать из Керенска до железно-дорожной станции Пачелма долго, почтовым трактом пятьдесят семь верст, с двумя перепряжками. Но наконец из ржи всё-таки вырисовывается Черкасское с выстроенным на подобие замка, пестроокрасным домом барона Штейнгеля. Здесь тройка вскачь мчит тарантас по зеленым от травы улицам села, потому что лошади знают, что в Черкасском им перепряжка. Тихо жил Керенск. Вокруг города гнулись поля ржи, овса, проса. А когда

<sup>4</sup> ГА РФ. Ф. Р-6792. Картотека Д. Л. 2830 и об.

<sup>5</sup> ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 3. Д. 606. Л. 1об. («Опросный лист» от 10 декабря 1920 г.). Название городка не имеет отношения к семье Керенских, хотя отец премьера Временного правительства Фёдор Михайлович Керенский родился в той же губернии.

ветер тянул с реки Чангара, Керенск наполнялся пряным запахом конопли» [Гуль Конь рыжий]. В другом автобиографическом романе «Я унес Россию» Гуль, который был всего на два года старше Алексея Дуракова, писал, что дружили не только их отцы, но – семьи и с некоторым удивлением отмечал: «Мой друг детства Лёша пошел добровольцем к югославским партизанам» [Гуль Я унес Россию].

В юношеские годы А.П. Дураков мог знать и других товарищей по будущей сербской эмиграции – например, учиться в одном классе 1-й Пензенской классической гимназии с будущим художником Иваном Шеншиным (1899–1944) или пересекаться с его братом, в будущем профессором-агробиологом Алексеем Шеншиным (1891–1954), или с Ильей Голенищевым-Кутузовым, который также был уроженцем Пензенской губернии. Однако вряд ли молодые люди были знакомы в пензенские годы, т.к. юный Алексей Дураков учился в кадетском корпусе в Симбирске, который окончил в революционном 1917 г. и поступил в Морское училище в Петрограде.

Уже 12 ноября 1917 г. юноша ушел в плавание на учебном судне, вспомогательном крейсере «Орёл», и позднее оказался в белых войсках Восточного фронта – в так называемой морской роте в Харбине, затем во Владивостоке, откуда с Морским училищем был эвакуирован в январе 1920 г. ввиду подхода красных войск. По свидетельству его приятеля, также гардемарина и эмигранта, а затем «возвращенца» из Франции Л.А. Майдановича, из Владивостока они шли по существу, неизвестно куда, с общим курсом на Европу [Бек-Софиев]. Побывав в Сингапуре, Индонезии и Индии, в августе 1920 г. суда оказались в Порт-Саиде (Египет), а затем начальник училища, капитан 1-го ранга М.А. Китицын повел их в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), в Дубровник.

Позднее А.П. Дураков писал в официальных документах, что приехал в КСХС «в отпуск» морем 12 августа 1920 г. через порт Груж, находившийся в 5 км от Дубровника<sup>6</sup>. По подсчетам историка А.Б. Арсеньева, через адриатические порты Мелине, Груж и Бакар в КСХС прошло около 20 тысяч белых русских эмигрантов [Арсеньев 2011]. Многие гардемарины и офицеры решили остаться

---

<sup>6</sup> ГА РФ. Ф.Р-5942. Оп. 3. Д. 606. Л. 1 об.

1) Фамилия.	Дураков
2) Имя и отчество.	Александр Петрович
3) Чинъ или званіе.	Корабельный старшина
4) Годъ, мѣсяць, число и мѣсто рождения.	1898г. 15го мая (в.с.) г. Курскъ Губ. губерній
5) Вѣроисповѣданіе.	Православный
6) Образованіе (общее, военное и высшее).	Сибирскій Имперскій Корпус Морское училище.
7) Специальность.	Военно-Морская.
8) Когда и гдѣ произведенъ въ первый чинъ и чьимъ приказомъ.	13авг. 1917г. Командиром Нахдичевска Мор. У. в. Сибирск. Корпуса (в.с.) Иркутск. в. командиром
9) Въ какой части, учрежденіи или заведеніи служилъ до 25 октября 1917 г. [До большевистскаго переворота].	Въ Морскомъ училищѣ
10) Какую занималъ тогда должность.	Тардамарин
11) Былъ ли въ плѣну; когда попалъ и освобожденъ.	Не былъ.
12) Въ какомъ учрежденіи или заведеніи служилъ послѣ 25 октября 1917 г.	Въ Морскомъ училищѣ (Нахдичевск. в. Сибирск. Мор. У. в. Сибирск. Корпуса) уездномъ писарск.
13) Какую занималъ тогда должность.	Тардамарин
14) Когда и въ какую изъ Добровольческихъ армій вступилъ, въ какую часть и какую занималъ должность.	Въ Морскомъ Роту в. чир. Турбина 13авг. 1918г.
15) Сколько разъ раненъ и контуженъ.	Не былъ.
16) Гдѣ и когда произведенъ въ послѣдній чинъ и чьимъ приказомъ [№ приказа и число].	Начо. 1920г. Командиром Мор. Морск. Училища в. Сиб. Кор. в.с. Начо. Иркутск. в. Сибирск. Корпуса в. командиром
17) Причина пребыванія въ Сербіи [эвакуация, отпускъ или командировка и чьимъ это свидѣтельствуется].	Воинской службы в Воинской службы в Морскомъ училищѣ в. Сибирск. Корпуса в. командиром

Опросный лист А.П. Дуракова. 10 декабря 1920 г. ГА РФ. Ф. Р-5942.

18) Семейное положение въ Сербіи.	Холосѣ
19) Откуда и когда выѣхали изъ Россіи и по какому маршруту.	Изъ Николаева въ море 31 января моремъ.
20) Когда прибыли въ Сербію и черезъ какой погранич. пунктъ.	12 августа Гречка (морем)
21) Какого рода имѣть сербскую визу [транзитъ, конечную].	Срѣчка
22) Адресъ въ Сербіи.	Гречка. 14.
23) Всѣ документы воинскіе и гражданскіе. [№ №]	Войсковой билетъ № 9, Военно-служб. паспортъ Заграничный № 2305.
24) Изъявилъ ли желаніе отправиться въ Русскую армию.	

Всѣ пункты писать самъ составитель вѣрно что своей подписью и свидѣтельствомъ

Кор. Гад. Дураков.

10 " декабря 1920 г.

ОТМѢТКА РЕГИСТРАЦИОННАГО СТОЛА.

На какой день казначею свидѣльствованіе медиц. комиссіей

..... 1920 г.

Результатъ свидѣльствованія медицин. комиссіей:

..... Свидѣтельство № .....

Срокъ выѣзда въ Армію въ составъ группы № .....

не позже " " " " 1920 г.

Для какой цѣли отправляется:

.....

Завѣдующій регистраціей и отправкой

Регистраторъ

Сидоровъ М.И.

Опросный листъ А.П. Дуракова. 10 декабря 1920 г. ГА РФ. Ф. Р-5942.

Оп. 3. Д. 606. Л. 106.

в Королевстве и были распределены в русские кадетские корпуса в Сараево, Билече и Белой Церкви, а другая часть направлена по университетским городам – в Белград, Любляну, Загреб.

Алексей Дураков «был нами, гардемаринами, – вспоминал Майданович, – очень любим – хороший товарищ, красивый, умный, отличный строевик, но он обладал недостатком Нельсона – в море его укачивало» [Бек-Софиев]. Возможно, это и объясняет, почему молодой человек быстро покинул военно-морскую службу и в октябре 1921 г. поступил на философский факультет Белградского университета<sup>7</sup>.

О студенческих годах русской эмигрантской молодежи в Белграде оставил воспоминания известный литератор Юрий Бек-Софиев (1899–1975) [Бек-Софиев]. В 1921 г. он приехал в Белград, где встретился с А.П. Дураковым и И.Н. Голенищевым-Кутузовым. Здесь, в студенческом общежитии, и возникла их дружба, продлившаяся всю жизнь. Как всякие студенты, они жили весело, беспечно и бедно, но это никого не угнетало. Студенческого пособия хватало не только на то, чтобы прокормиться, но и на «глиняный кувшин сухого сербского вина», и на чашечку «черного турецкого крепкого кофе» [Бек-Софиев]. Параллельно Алексей Дураков подрабатывал на стройке, на ткацкой фабрике, в депо и получал небольшие ссуды от югославской Государственной комиссии по устройству русских беженцев<sup>8</sup>.

«Стройный, высокий красавец, блондин, с военной выправкой, с очень тонким удлинённым лицом, с прямыми, аккуратно подстриженными, невьющимися волосами, расчесанными на самый банальный пробор, – так описывал Бек-Софиев своего друга Алексея Дуракова. – Ничего не было пошлого, искусственного, фальшивого. Он был прост, сиял жизнедеятельностью, очень живой и подвижный, но становился несколько экзальтированным, как только дело доходило стихов. Стихи свои и в особенности любимых поэтов он мог читать при любых условиях. Мы очень быстро сошлись, обнаружив во многом сходство взглядов и вкусов» [Бек-Софиев].

Молодых людей объединял и общий учитель – «профессор Е<вгений> В<асильевич> Аничков был не только

<sup>7</sup> ГА РФ. Ф.Р-6792. Картотека Д. Л. 2830-2830 об., 2832.

<sup>8</sup> Там же.

15  
ПРОБЕЖНО

СЕРБСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

2838

Фамилия Дураковъ Число лицъ семьи \_\_\_\_\_  
 Имя и отчество Алексаы Петровичъ  
 возраст 23.  
 званіе, профессія гардемарины  
 при немъ находятся: (Ссуд. в. 9. 24/02. 217.)  
Дар. № 9. 6007.  
 отмѣтка объ инвалидности \_\_\_\_\_

отмѣтки о выдачѣ ссудъ и пособій

январь 1920 г.	сентябрь	май 240 едм. 1/170.	январь 1922 г. 200-6038.
февраль	октябрь	іюнь 240-5724	февраль 200-6372
мартъ	ноябрь	іюль 240-5943	мартъ 200-530-6702
апрѣль	декабрь	августъ 240-6184.	апрѣль 200-7060
май	январь 1921 г. числ ст. 18	сентябрь 240-6434	май -7509.
іюнь	февраль	октябрь 240-6499 60-6848	іюнь -7893
іюль	мартъ 120 едм. 1/170.	ноябрь 400-7052	іюль -8254. -8286.
августъ	апрѣль 240 едм 1/170.	декабрь 400-7356	августъ -8588.

Х/ С.М. н.р. ч.д.м. № 125

Карточка А.П. Дуракова на получение субсидий. 1921 г. ГА РФ. Ф. Р-6792. Карточка Д. Л. 2830

нашим университетским учителем, скоро у нас сложились с этим чудаковатым, великодушным стариком очень простые, искренние, сердечные и дружеские отношения. Старик жил за городом, в дачной местности Топчидер, снимая там маленький домик с садом. Жил он одиноко, ждал дочку, которая должна была приехать из Америки. Чудесный, по-русски гостеприимный хозяин, он принимал нас очень мило и запросто, как своих близких родных. Зная наши пустоватые студенческие желудки, он нас постоянно подкармливал, и мы, хотя и со стыдом, но все же на это соглашались, так как деваться нам было абсолютно некуда. <...> Евгений Васильевич был хорошо светски воспитан и потому всегда держался естественно и просто. Любил нам рассказывать о Блоке, о Вячеславе Иванове, о его "башне" и множество веселых литературных анекдотов. Мы, конечно, слушали, развесья уши! Аничков был сложным и противоречивым человеком. Но что было для нас бесспорным – это сияние его большого человеческого сердца. <...> Вообще, он был большой оригинал. <...> Живя в эмигрантской белградской среде, объявить себя социалистом было с его стороны и смело, и мужественно, потому что за это жестоко травили в русском обществе и в прессе» [Бек-Софиев]. Особенно отличалось суворинское «Новое время», называвшее профессора большевиком и советовавшее ему ехать обратно, в Советскую Россию.

Но Аничков и не думал прислушиваться к этим раздраженным советам – на Балканах у него было много поклонников, учеников, коллег. А в Белграде, еще в 1921 г., вокруг него сложился кружок молодых литераторов «Гамаюн», ставший первым русским эмигрантским поэтическим объединением королевской столицы<sup>9</sup>. Инициатором создания и руководителем кружка был И.Н. Голенищев-Кутузов, членами – в основном студенты Белградского университета: Ю.Б. Бек-Софиев, А.П. Дураков, Ю.Ф. Вереницын, И. фон Меран, Б.Н. Пуцин, А.М. Росселевич, Б.Ф. Соколов, Е.Л. Таубер, В.А. Эккерсдорф.

Сегодня большинство этих имен мало известны даже филологам. Но в 1924 г., когда кружком был издан поэтический

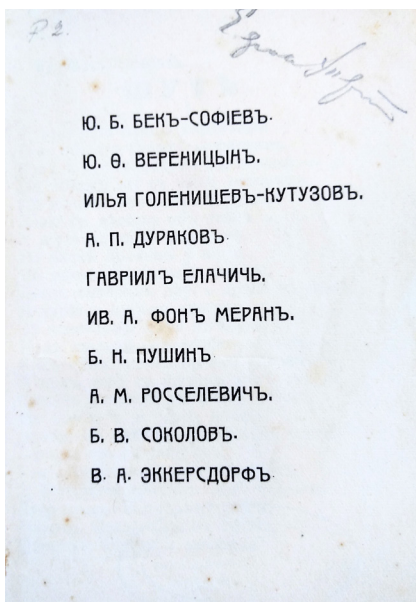
---

<sup>9</sup> Свое название кружок получил по стихотворению А.А. Блока «Гамаюн, птица вещая» (1899), в котором молодые люди находили «отзвуки своей изгнаннической судьбы и трагических событий в России».





Обложка сборника «Гамаяунъ».  
Экз. Библиотеки ДРЗ



Список участников сборника  
«Гамаяунъ». Экз. Библиотеки ДРЗ

сборник «Гамаяун — птица вещая», оформленный молодым, а в недалеком будущем очень известным, художником и сценографом Владимиром Жедринским (1899–1974), появление книжечки сразу заметили в русской эмигрантской прессе. «Белградское суворинское “Новое время” обрушилось на нас с Ильей <Голенищевым-Кутузовым> за “футуризм и заумь”, хотя футуризмом там и не пахло! — вспоминал Ю. Бек-Софиев. — Обрушилось с ядовитым сарказмом и иронией. <...> тогда мы с Ильей были счастливы, что Суворин наши стихи обругал. Тем более, что профессор Аничков к ним отнесся вполне милостиво. Дуракова и Елачича они снисходительно потрепали по плечу. А “наиболее обещающим” был объявлен некий поэт, особенно рьяно ратовавший за “колокольный звон”, “березки” и “Воскресение России под двуглавым орлом”» [Бек-Софиев].

Несмотря на успех сборника, кружок довольно быстро распался и в сентябре 1924 г. Алексей Дураков решил перебраться в Прагу (Чехословакия) для занятий славянской филологией. Сохранилось его заявление в правление Союза русских студентов

Белградского университета от 2 сентября 1924 г. с просьбой о помощи в этом перемещении<sup>10</sup>. Правление поддержало его просьбу<sup>11</sup>, а профессор Е.В. Аничков написал рекомендацию: «Свидетельствую, что Алексей Петрович Дураков состоит на 6-м семестре Белградского университета по 16-й группе. Из очередных экзаменов им сдана история сербской словесности. Живо интересуюсь проблемами истории и, сам поэт, естественно тяготеет к истории литературы, что в Карловом университете будет иметь возможность проработать продуктивнее, чем здесь. Хорошо и близко зная Алексея Петровича, особенно горячо поддерживаю его кандидатуру на стипендию в Карлов университет, потому что много раз и по разным поводам имел возможность убедиться в серьезности и добросовестности его отношения к университетскому преподаванию. И мне хотелось бы подчеркнуть в заключение, что в наши тяжелые времена именно такие несомненно талантливые молодые люди должны быть всячески поддерживаемы в своих стремлениях к образованию как залог нашего будущего возрождения. Проф. Аничков»<sup>12</sup>.

Однако переезд в Прагу по неизвестной нам причине не состоялся. Тем не менее в 1925 г. Белград покинули многие кружковцы. С одной стороны, они искали работу и заработок, а с другой, бежали от затхлой, по их мнению, атмосферы русского монархического Белграда, жившего старыми идеалами и представлениями.

Илья Голенищев-Кутузов женился и уехал служить преподавателем гимназии в Никшич (Черногория), затем был переведен в Дубровник, где оставался до конца 20-х годов. Юрий Бек-Софиев, называвший Белград «мракобесным центром русской эмиграции», чтобы попасть во Францию, подписал контракт на тяжелые земляные работы в Оверне. Алексей Дураков несколько раз прерывал учебу в Белградском университете и только в 1930 г., при содействии все того же Е.В. Аничкова, завершил образование в филиале университета в Скопье (Македония) и до начала Второй мировой войны жил в городке Вранье на самом юге Сербии, где

---

<sup>10</sup> ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 162. Л. 22.

<sup>11</sup> Там же. Л. 29.

<sup>12</sup> Там же. Л. 35-36.

20

Прошение Правлению Союза Студентов  
Белградского Университета

Ввиду отсутствия в Правлении предло-  
жений от Чешского Студентства  
взять несколько студентов Белград-  
ского Университета, как сличенство  
Слово-Словацкой Республики, покорнейше  
прошу оказать мне содействие для  
записки на одну из вышеуказанных  
стипендий. Я студент Высшего  
экономического Белградского Ун-та, стар-  
шего курса (имя Бемислов) сдал  
1 экзамен по Истории Венгрии и  
Турции (р.с.) Не имея возможности предл-  
жить мое образование здесь, так как  
всем из насало мое материальное  
положение довольно сложное, а сумма там-  
наше около Ю.с. Сремени же  
Я покорнейше прошу не отказывать в  
моей просьбе и помочь устроиться  
в стране, где у меня закончил мой  
заказчик (мои специальные яв-  
ления, малую долю деловой и интел-  
лектуальной) и наилучшей задуманной работы  
и тем самым подготовиться к  
школе для получения ученой степени

Студ. Эконом. фак. Алексей Дураков  
22.09.24. Белград.

Прошение А.П. Дуракова Правлению Союза студентов Белградского  
университета. 2 сентября 1924 г. ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 162. Л. 22

преподавал в местной гимназии<sup>13</sup>.

Вранье был не просто старинным поселением на границе Сербии и Болгарии, но важным логистическим пунктом транспортной магистрали, связывавшей венгерский Будапешт, македонское Скопье и греческие Салоники. Именно сюда поначалу привозили многих русских белых эмигрантов, прибывавших пароходами из Салоник, а затем уже распределяли по другим югославским городам. Вранье был и одним из центров русской казачьей эмиграции – здесь до 1926 г. был расквартирован штаб бывшей Кубанской дивизии во главе с генерал-майором В.Э. Зборовским и создана Враньская кубанская станица. Конечно, казаков отправили сюда не случайно – их саперные полки были причислены к штату Министерства строительства и прокладывали стратегическую дорогу Вранье – Босилеград, впоследствии названную «Русский путь».

Но для Алексея Дуракова, по-видимому, было важнее другое – совсем рядом, в Скопье, преподавал Евгений Васильевич Аничков, который по-прежнему притягивал к себе молодых людей



*Гимназия во Вранье. Почтовая открытка*

<sup>13</sup> Д. Боровняк сообщает, что он также работал в эти годы учителем в Куршумлии и Лесковце [Боровняк 2015. С. 308].

не только с поэтическими и научными амбициями, но и левыми взглядами. Так, в январе 1935 г. у Аничкова в Скопье Дураков познакомился с другим молодым русским эмигрантом – Дмитрием Ошаниным (1907–1978), в недалеком будущем выдающимся психологом, философом и поэтом.



*Дмитрий Ошанин (крайний справа). 1932 г.  
Архив семьи Ошаниных, Франция*

Несмотря на то, что он занимался в Сорбонне (1926–1928) и окончил в 1931 г. философский факультет Белградского университета, Ошанин служил простым гимназическим учителем в Скопье и Штипе. В 1938 г. он с отличием защитил в парижской Сорбонне докторскую диссертацию «Сопереживание и три его аспекта», а в 1939 г. нострифицировался и получил докторскую степень Белградского университета. Так в сербско-македонской «глуши» выросло европейски образованное молодое поколение русской эмиграции – но с иной, чем у отцов, повесткой дня и видением мира.

Начиная с 1936 г. Дмитрий Ошанин, как и И.Н. Голенищев-Кутузов, также в 1933 г. защитивший докторскую диссертацию в Сорбонне, неоднократно предпринимал безуспешные попытки получения советского гражданства и ходатайствовал о

возвращении на родину. Неудивительно, что в 1941 г. в Белграде оба они вошли в состав подпольной эмигрантской антифашистской организации Союз советских патриотов (ССП)<sup>14</sup>. И.Н. Голенищев-Кутузов вспоминал позднее об этом времени: «В поисках “новых решений” политических вопросов некоторые молодые эмигранты в тридцатых годах восприняли фашистские теории разных мастей и оттенков. Другие стали склоняться влево. Они воспринимали идеи социализма, записывались в рабочие синдикаты, читали советскую литературу без предубеждения... Все чувствовали, что надвигаются грозные события. Следовало заранее решить, на чьей стороне ты будешь, когда разразится война. На политических и литературных собраниях эмигрантов стали выступать молодые люди, заявлявшие, что они будут защищать Россию с оружием в руках» [Голенищев-Кутузов 1963а. С. 6].

Членом ССП стал и Алексей Дураков. По не подтвержденным пока документально сведениям, он даже был членом находившейся с 1920 г. под запретом Коммунистической партии Югославии. Рассказывают, что левые политические взгляды Дуракова прямо отразились в его поэтическом творчестве: поэма «Аргонавты» так воспевала подвиг советских покорителей Арктики, что ее едва удавалось пристроить в малотиражный журнал, а стихотворение «Коля и Оля», написанное в очень позитивном по отношению к СССР ракурсе, не взялась печатать

---

<sup>14</sup> В 1939—1941 гг. Дмитрий Ошанин вновь преподавал в гимназиях Скопье и Штипе. С 1941 г., в связи с присоединением Македонии к Болгарии, был отправлен учителем немецкого языка и психологии сначала в г. Бя-ла-Сла-ти-на, а затем в г. Пловдив (Болгария). В 1945 г. переехал в Софию. Преподавал русский язык в Военной академии и Военном народном училище им. Василя Левского. С 1946 г. преподаватель психологии в Софийском высшем институте физкультуры им. Г. Димитрова, где создал психологическую лабораторию, а затем и первую в Болгарии кафедру психологии и стал ее заведующим. Заместитель директора Института педагогики Болгарской академии наук по научной работе (1952—55). В 1946 г. в Болгарии получил советский паспорт. В 1955 г. репатриировался с семьей в СССР. Отправлен в Ростовский мясо-молочный совхоз № 2 (станция Злодейская Кагальницкого района), откуда был вызван в Москву. В 1960 г. возглавил лабораторию психологии труда Института психологии Академии педагогических наук РСФСР. В 1974 г. читал лекции в Сорбонне и в СССР не вернулся. Благодарю за фотографии и эту информацию, подготовленную для нашего сайта «Некрополь российского научного зарубежья» ([www.russiangrave.ru](http://www.russiangrave.ru)), сына психолога, В.Д. Ошанина.

даже «самая непритязательная к авторам газетенка» [Лыба 1990]. Более того, по словам того же автора, чердак квартиры Дуракова «превратился в тайное хранилище запрещенных королевской властью книг и других печатных материалов» [Лыба 1990]. Трудно сказать, насколько эти сведения соответствовали исторической правде, но то, что к концу 30-х годов Алексей Дураков разделял просоветские настроения части эмигрантской молодежи, вряд ли подлежит сомнению.

После оккупации Югославии Германией в апреле 1941 г. вместе с женой, Любовью Михайловной Лещук, он сразу включился в антифашистскую борьбу как член Союза советских патриотов. До недавнего времени история этой организации была почти неизвестна, о ней не упоминалось ни в научной, ни в художественной литературе. Публикация А.Ю. Тимофеевым «Меморандума» о деятельности ССП показала, что его первое собрание состоялось уже в июне 1941 г., когда была принята резолюция о немедленном сотрудничестве с коммунистическими партиями Югославии и Болгарии [Москва – Сербия 2017. С. 895].

На этом заседании, согласно «Меморандуму», присутствовали Алексей и Любовь Дураковы, Дмитрий и Елена Ошанины, а также Илья и Ольга Голенищевы-Кутузовы. Последний вступил в ССП по приглашению Ф.Е. Высторопского, у которого, по воспоминаниям Голенищева-Кутузова, на дому хранилась не только одежда для переодевания освобожденных советских военнопленных, которые затем переправлялись в партизанские отряды, но и «карты окрестностей Белграда, Воеводины и Сербии, карты бывшего югославского Генерального штаба (вероятно, из запасов Махина) для определения немецких опорных пунктов и дорог. Было и оружие...» [Голенищев-Кутузов 1963в. С. 6].

Члены Союза русских патриотов распространяли листовки и воззвания, ездили по различным городам Югославии, бывали и в Болгарии. В начале ноября 1941 г. И.Н. Голенищев-Кутузов был арестован и вместе с группой профессоров Белградского университета как заложник был отправлен в концлагерь «Баница» в одноименном пригороде Белграда, где сидел в одном бараке вместе с известным сербским филологом, председателем Сербской академии наук и искусств Александром Беличем (1876–1960). Алексей Дураков также трижды арестовывался и сидел в

тюрьмах при всех режимах – у болгарских фашистов, недичевцев, немцев. Его антифашистская деятельность отслеживалась и упоминалась в сообщениях Управления государственной безопасности оккупированной Югославии [Боровняк 2015. С. 308, 311].

Осенью 1943 г. А.П. Дураков был вновь арестован и отправлен на принудительные работы в Германию, на заводы Нюрнберга. Супруга добровольно последовала за ним и в апреле 1944 г. ей удалось добиться краткосрочного отпуска для лечения мужа, потерявшего чуть ли не двадцать килограммов веса. После возвращения в Белград при содействии все того же И.Н. Голенищева-Кутузова Дуракова сразу перебросили на партизанскую территорию – в Посавскую партизанскую бригаду в Воеводине, где он недолго служил наводчиком фрушкогорского отряда. 12 августа в 1944 г. в бою на переправе через р. Саву у села Прогар, западнее Белграда, Алексей Петрович Дураков погиб, прикрывая отступление своего отряда.

Об обстоятельствах его гибели И.Н. Голенищев-Кутузов сообщал: «Однажды я пришел в штаб Посавской партизанской бригады и спросил, где я могу найти товарища Алекса (так звали в отряде Алексея Петровича). Комиссар, сдерживая волнение, сказал мне: “Его вчера убили на переправе”. И видя мое потрясение, добавил: “И брата моего тоже...”. Я не помню, как тогда вышел из штаба. Наследующий день мне удалось на лесной опушке, около реки Савы, разыскать Любовь Дмитриевну<sup>15</sup>. На ней была партизанская пилотка, за спиной – немецкий автомат. Она рассказала мне подробности. За два дня до этого немцы предприняли попытку переправиться через реку. Алексей Петрович находился в заставе, охраняющей подступы к партизанской базе. Пока подоспела подмога, небольшая группа партизан, в которой находился Алексей Петрович, с трудом сдерживала карателей. Когда пулеметчик, брат комиссара, был убит, за пулемёт лёг Алексей Петрович. Ни одному гитлеровцу не удалось переправиться через реку. Все подходы к Саве были усеяны трупами карателей. А в неглубоком окопчике, сжимая “Дегтярев”, лежал Алексей Петрович...» [Голенищев-Кутузов 1963б]. Хорошо знавший Дуракова художник комикса

---

<sup>15</sup> Ошибка памяти: супруга А.П. Дуракова – Любовь Михайловна.



Ю.П. Лобачев, также член ССП, в своих мемуарах посвятил немало места последнему бою поэта, уточнив, что он получил «семнадцать ранений» [Лобачев, 1997. С. 176].

О героической смерти Алексея Дуракова его друзья вспоминали и в октябре 1944 г. в освобожденном Красной армией Белграде на встрече членов ССП в Русском доме: «Председательствовал Лебедев<sup>16</sup>, который говорил о погибшем на фронте товарище Дуракове, поэте. После него Кутузов прочитал несколько новых стихотворений, а потом Заболоцкий прочитал короткий доклад о материализме. Ведущую группу составляли Лебедев и Кутузов. Последний особенно выделялся своей надменностью и разгуливал с винтовкой на плече. Он был одет в партизанскую форму» [Тимофеjev 2012. С. 270–271].

Еще одно яркое свидетельство об этой встрече оставил поэт Борис Слуцкий (1919–1986), в то время политработник и майор Красной армии, находившийся в Белграде. В своих «Записках о войне», опубликованных только спустя много лет после его кончины, в 2005 г., он поведал про общение с просоветски настроенными русскими белградцами и, в частности, с И.Н. Голенищевым-Кутузовым, в главе с характерным названием «Белогвардейцы».

«По графскому приглашению<sup>17</sup>, – писал Слуцкий, – я побывал на первом легальном собрании ССП. Оно было посвящено участию в октябрьской демонстрации и организации праздничного вечера. Собирались понемногу. Кучка людей – пятьдесят-шестьдесят человек – терялась в коридорах Русского дома. <...> Эти люди не напомнили мне ни один из вариантов интеллигентских сборищ в Советской России. Сдержанность, ощущение старой

---

<sup>16</sup> Медик Владимир Александрович Лебедев (1906-1990) был одним из организаторов и руководителей Союза советских патриотов. Служил в Югославской армии, майор медицинской службы (1944-1948). Получил советское гражданство (1946). Арестован и осужден в ходе публичного показательного процесса (1951) над группой советских граждан из числа бывших эмигрантов. Отбывал заключение в тюрьме на острове Голи-Оток. Освобожден (1955), вернулся в СССР (1956), жил с семьей в Астрахани. Врач, затем главный врач Астраханского областного туберкулезного диспансера. Скончался в Москве.

<sup>17</sup> То есть по приглашению Ильин Николаевича Голенищева-Кутузова, с которым Б.А. Слуцкий провел вместе немало времени в Белграде. «За всю войну только с ним и пришлось по-московски побродить по улицам, почитать стихи», – признавался он [Слуцкий 2005. С. 133].

культуры заставляли отвергнуть и сопоставление со сходками народовольцев. Скорее всего, это были декабристы, декабристы XX века. Преобладание дворянского, присутствие офицерского элементов усиливали впечатление. Около восьми часов доктор Лебедев поднял руку, открывая собрание. Все встали без приглашения.

– Прежде всего я хочу представить вам нашего дорогого гостя Бориса Слуцкого, майора гвардии. –Я поклонился, отвечая на аплодисменты. –Хочу рассказать ему о нашей борьбе, о наших мучениках.

На глазах у Лебедева выступили слезы. В зале неутешно зарыдали. В упор на меня смотрела Маша Дуракова, вдова врангелевского офицера<sup>18</sup>, поэта, партизана-пулеметчика...» [Слуцкий 2005. С. 135–136].

Описанная Слуцким сцена встречи поэтов из разных идеологических и социальных галактик, наверное, могла бы венчать «крутой» телевизионный сериал, символизируя воссоединение разорванного гражданской войной народа, однако в жизни все было прозаичнее и будничнее. Справка «О русской белой эмиграции в Югославии», подготовленная Посольством СССР в Югославии 27 ноября 1945 г. для Наркомата иностранных дел в момент подготовки политического решения о возможности возвращения эмигрантов на родину, сухо констатировала: «Неплохо себя проявила оставшаяся на территории Югославии русская эмигрантская молодежь. Многие из них активно помогали Красной Армии после ее вступления на территорию Югославии. <...> Многие из числа русской эмигрантской молодежи пожертвовали жизнями в борьбе с немецкими захватчиками (Одишелидзе Илья, Дураков Алексей, Новохатный Анатолий, Ефимовский Андрей, Липский Александр, Подстроцкий Борис и др.)»<sup>19</sup>.

Понадобилось еще столетия, чтобы их имена вспомнили на родине... Несмотря на посмертное награждение, место захоронения Алексея Дуракова затерялось и остается

---

<sup>18</sup> Ошибочно. А.П. Дураков никогда не служил под командованием П.Н. Врангеля.

<sup>19</sup> Документ из собрания Архива внешней политики МИД РФ был представлен на документальной выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в мае 2015 г.

неизвестным до сих пор, а советский орден поэта так и не был передан его семье.

### ЛИТЕРАТУРА

Арсеньев 2011 — *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Дубровнике // ЕВРОПА: Международный альманах. Вып. X. Тюмень, 2011. С. 75—140.

Бек-Софиев — *Бек-Софиев Ю.* Синий дым (URL: [https://coollib.net/b/253696-yuriy-borisovich-sofiyev-siniy-dyim/read#n\\_2](https://coollib.net/b/253696-yuriy-borisovich-sofiyev-siniy-dyim/read#n_2) (дата обращения: 25.07.2020)

Боровняк 2015 — *Боровняк Дж.* Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14—15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 305—327.

Ганин 2006 — *Ганин А.В.* Судьба Генерального штаба полковника Ф.Е. Махина // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 54—58.

Голенищев-Кутузов 1963а — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Думы в канун Октября // Голос Родины (Берлин). 1963. № 63 (764). С. 6.

Голенищев-Кутузов 1963б — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Поэт, борец, партизан // Голос Родины (Берлин). 1963. № 64 (765). С. 6.

Голенищев-Кутузов 1963в — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины (Берлин). 1963. № 68 (769). С. 6.

Голенищев-Кутузов 1965 — *Голенищев-Кутузов И.Н.* Награды за мужество // Голос Родины. Берлин, 1965. № 94 (943). С. 1

Грицкат 2017 — Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И.Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929—1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия: сб. док. и матер. / авторы-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4. С. 197—220.

Гуль Конь рыжий — *Гуль Р.* Конь рыжий (URL: <https://www.litmir.me/br/?b=11280&p=1> (дата обращения: 25.07.2020)

Гуль Я унес Россию — *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 1. Ч. 1 (URL: [http://www.dk1868.ru/history/gul1\\_1.htm](http://www.dk1868.ru/history/gul1_1.htm) (дата обращения: 25.07.2020)

Ёхина 2015а – Ёхина Н.А. «История русского Сопrotивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 174–205.

Ёхина 2015б – Ёхина Н.А. «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: к истории Союза советских патриотов в Белграде» // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 203–237.

Ёхина 2017 – Ёхина Н.А. «Погибшие с живыми пребывают...»: И.Н. Голенищев-Кутузов об эмигрантах – членах Союза советских патриотов в Югославии, погибших в годы Второй мировой войны» // Люди и судьбы Русского Зарубежья / отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 4. М., 2017. С. 191–205.

Каплер 1984 – Каплер А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1984.

Лыба 1990 – Лыба С. Это было под Савой // Советская молодежь. 1990. 26 апр. (URL:[http://archives.kgsu.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=3045&Itemid=2](http://archives.kgsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3045&Itemid=2)Это было под Савой (дата обращения: 25.07.2020))

Москва – Сербия 2017 – Москва – Сербия; Белград – Россия: сб. док. и матер. / авторы-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4.

Новик 2011 – Генеалогическая хроника российской эмиграции (по материалам журнала «Новик»): справочник / сост. О.Н. Наумов, С.А. Разумов. М., 2011.

Слуцкий 2005 – Слуцкий Б. О других и о себе. М., 2005.

Сорокина 2017 – Сорокина М.Ю. И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 114–128.

Тимофеев 2012 – Тимофеев А.Ю. Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17–19.

Тимофеев 2015 – Тимофеев А.Ю. Сопrotивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны //

Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 238–271.

Переписка 1989 – Переписка В.И. Иванова и И.Н. Голенищева-Кутузова / подгот. текста и коммент. А. Шишкина // *Europa Orientalis*. 1989. VIII. С. 481–489.

Штранге 1949 – *Штранге М.М.* Народное движение Сопротивления в Верхней Савойе в 1941–1944 годах // *Вопросы истории*. 1949. № 8.

Лобачев 1997 – *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву, Београд, 1997.

Тимофејев 2012 – *Тимофејев А.* Савез совјетских патриота – антифашистичка организација руских емиграната у Србији 1941–1945 // *Токови историје*. (Београд). 2012. № 3. С. 257–277.

**Михаил ГОРИНОВ-мл.**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,  
Москва, Россия  
E-mail: mihail\_gorinov@mail.ru*

## **СУДЬБА УЧАСТНИКА АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ ВО ФРАНЦИИ Н.Н. РОЛЛЕРА**

Жизненный путь Николая Николаевича Роллера (1901–1973), одного из участников антифашистской борьбы во Франции, организатора подпольной типографии Союза русских патриотов, очень ярок и интересен. При этом он недостаточно изучен. Его фамилия удостоена фрагментарных упоминаний в литературе справочного характера [Волков 2004. С. 404; Российское зарубежье во Франции 2010. С. 635]. Роллеру посвящена небольшая статья В.П. Нечаева «Дорогой поиска», опубликованная в 2013 г. в журнале «Иные берега» [Нечаев 2013] и основанная на семейных материалах Марии Гильберт, племянницы жены Н.Н. Роллера Ольги Ильиничны Коган–Роллер (1906–1973). Между тем, в Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде 553 (Документальные материалы об участии советских граждан в движении Сопротивления в странах Западной Европы в период II мировой войны), хранится целое дело, посвященное этому необыкновенному человеку<sup>1</sup>. Документы этого дела (автобиографии, воспоминания, справки о трудовой деятельности, характеристики, членские билеты, фотографии) – ценный источник сведений о его судьбе. Эти материалы известны исследователям русского антифашистского Сопротивления во Франции, цитировались ими в своих трудах [Лебедеенко 2015. С. 185; Горинов 2015. С. 132; Вовк 2018; Вовк 2019], но еще не были объектом специального изучения.

Воспоминания Роллера – рукопись и машинописная копия<sup>2</sup>

<sup>1</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. 117 л.

<sup>2</sup> Там же. Л. 12–54. Тексты полностью идентичны.

— были написаны в 1965 г. и являются интереснейшим источником. Они охватывают следующие темы: эвакуация из Севастополя в 1920 г., шоферская эмигрантская среда Парижа 1920–1930-х гг., обстановка во французских лагерях и тюрьмах и деятельность Союза русских патриотов во Франции. Мемуары бывших русских эмигрантов стали писаться и готовиться к печати именно в 1960-е гг., поскольку в СССР после XX съезда КПСС 14–25 февраля 1956 г. настал период «оттепели». Бывшие эмигранты надеялись, что репрессий не будет, и будучи в пожилом возрасте, решили оставить потомкам свой жизненный опыт. Николай Роллер написал воспоминания, желая рассказать о том, как получилось, что он стал эмигрантом, как он жил за границей и что заставило его вернуться на родину. Наличие машинописной копии свидетельствует о том, что, скорее всего, воспоминания готовились к печати, но опубликованы так и не были.

Источником настоящей работы также служат находящиеся в Архиве Дома русского зарубежья, в фонде 25 («Русские эмигранты — участники французского Сопротивления») воспоминания и письма соратников Роллера (Г.Г. Клименюка, П.П. Пелехина), освещающие его роль в антифашистской борьбе, и собранные историком Г.А. Нечаевым вырезки из газет, раскрывающие жизненный путь сопротивленца.

Николай Роллер родился 28 декабря 1901 г. / 10 января 1902 г. в Новочеркасске, в семье Роллеров — служащего Новочеркасского областного правления, архитектора немецкого происхождения Николая Ивановича Роллера (1861–1922) и Анны Георгиевны, урожденной Осман (1871–1942). В семье было пятеро детей<sup>3</sup>.

В 1912 г. Николай поступил в новочеркасское

---

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 6 (автобиографии). У Николая Роллера было два брата — Георгий (1894–1952) и Федор (1908 — не ранее 1968) — и две сестры — Нина (р. 1896) и Валентина (р. 1898). Г.Н. Роллер был артиллерийским офицером, штабс-капитаном царской армии, участником I Кубанского (Ледяного) похода Добровольческой армии, в 1920 г. эвакуировался из Крыма во Францию, где состоял разнорабочим. Ф.Н. Роллер в 1925 г. выехал с матерью, уроженкой Риги, в Латвию, затем они переехали в Париж, там Федор работал на заводе «Ситроен». Нина (в замуж. Сергеева) и Валентина (в замуж. Лидле) уехали в Париж в 1923 г. Нина Николаевна работала портнихой, а Валентина Николаевна бухгалтером (Там же. Л. 11–11 об.).

Александровское реальное училище, которое окончил весной 1919 г. Летом того же года он поступил на механический факультет Новочеркасского политехнического института, но учиться там не стал. Николай с детства мечтал стать моряком. Узнав, что осенью 1919 г. в Севастополе открывается Морской корпус, подал туда документы и был принят. Прибыв в Севастополь летом 1919 г., был зачислен в 3-ю (младшую) роту гардемаринских классов. В корпусе Роллеру нравились навигация, кораблестроение, астрономия. По его свидетельству, гардемарины в политике не разбирались: большевиков боялись, к белогвардейцам относились без восторга, царские морские офицеры–преподаватели с их горором и чванливостью также не вызывали симпатий в их среде<sup>4</sup>.

В исторической литературе иногда встречается утверждение, будто Николай Роллер был участником Гражданской войны и воевал в Вооруженных силах Юга России [Волков 2004. С. 404; Российское зарубежье во Франции 2010. С. 635]. На деле его участие в Белом движении ограничилось тем, что летом 1920 г. он был отправлен в Керчь в рамках прохождения морской практики с рядом других сокурсников и определен на броненосец «Ростислав», который должен был охранять Керченский пролив от большевиков<sup>5</sup>. Но столкновений с противником не произошло.

В ноябре 1920 г. Роллер был эвакуирован вместе с армией П.Н. Врангеля из Севастополя в Константинополь на крейсере «Алмаз», где работал кочегаром, т.к. команда, настроенная революционно, разбежалась. Затем в составе севастопольского Морского корпуса был вывезен в Тунис, в город Бизерту<sup>6</sup>.

Весной 1921 г. Николай Роллер с группой товарищей-гардемаринов решили уйти из корпуса и заявили о желании начать самостоятельную жизнь. Среди них были те, с кем Николай сохранит дружбу на всю жизнь. Это Георгий Владимирович Шибанов (1900–1970) и Дмитрий Григорьевич Смирягин, с которыми он позже будет воевать в Испании, сидеть в тюрьмах и работать в подполье. Начальство расценило этот поступок как «бунт». Молодых людей разжаловали из гардемарин в матросы, отобрали форму, но в итоге были вынуждены отпустить, т.к. они успели

<sup>4</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 28–30.

<sup>5</sup> Там же. Л. 30.

<sup>6</sup> Там же. Л. 6, 32–34.



получить от французских властей разрешение на жительство в Тунисе. Роллер стал работать грузчиком в порту и перевозчиком железной руды. Тяжелый физический труд плохо оплачивался. Николай получал шесть франков в день, которых едва хватало на пропитание. Он переехал в город Сфакс, где занимался разгрузкой вагонов, а затем поступил матросом на французский рыболовецкий катер «Гортензия». Сохранилась характеристика, данная Роллеру капитаном катера: «Блестяще знает свой предмет и очень трудолюбив»<sup>7</sup>. Но в октябре 1921 г., когда катер пришел во французский порт Дьеп, компания, к которой он принадлежал, по настоянию профсоюза французских моряков уволила Роллера как иностранца, не имеющего права работать на флоте. Тогда он перебрался в Париж, окончил шоферские курсы, и с мая 1922 г. стал шофером такси. Его начальники (директор парижской Французской компании такси; управляющий Общества по эксплуатации машин в предместье Парижа Клиши) были «удовлетворены» его работой и отмечали в нем такие качества, как серьезность, трудолюбие, трезвость, честность и сообразительность<sup>8</sup>. Николай Николаевич хотел купить собственный автомобиль и работать на себя, но этим планам не суждено было сбыться.



Как следует из воспоминаний Н.Н. Роллера, под влиянием экономического кризиса, разразившегося во Франции в конце 1920-х — начала 1930-х гг., и связанного с ним падения доходов, он стал считать, что «правда состоит в борьбе с капитализмом на стороне революционного коммунистического движения». В 1930 г. он вступил в русскую секцию синдиката шоферов Всеобщей конфедерации труда и стал

*Николай Николаевич Роллер.  
1922 г. Париж. РГАСПИ.  
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 105*

<sup>7</sup> Там же. Л. 64. Роллер работал под руководством капитана «Гортензии» Демченко с 18 апреля по 3 октября 1921 г.

<sup>8</sup> Там же. Л. 65, 69.



*Русские шоферы Парижа. Н.Н. Роллер – первый слева. 1924 г. РГАСПИ.  
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 105 об.*

активным членом синдиката<sup>9</sup>.

С начала Гражданской войны в Испании Николай Николаевич был активным участником помощи республиканцам. Он отвозил к испанской границе закупленные для них автомобили, санитарные машины, грузовики с медицинским оборудованием и медикаментами. На границе их передавали испанцам<sup>10</sup>.

А в феврале 1937 г. Роллер уезжает в Испанию воевать на стороне республиканцев. Это был его первый опыт борьбы против европейского фашизма. В РГАСПИ хранится карта члена Ассоциации бывших добровольцев в Республиканской Испании Николая Роллера<sup>11</sup>. Он служил в автополку особого назначения, который вошел в состав 5-го корпуса под командованием генерала Хуана Гильото Леона Модесто (1906–1969) (впоследствии 5-я армия). Автополк состоял из двух эскадронов (по 40 автомашин). В одном из этих эскадронов Николай Николаевич был сначала

<sup>9</sup> Там же. Л. 3, 7.

<sup>10</sup> Там же. Л. 7.

<sup>11</sup> Там же. Л. 89–90. Из этого документа выясняется точная дата его въезда в Испанию – 19 февраля 1937 г. и время демобилизации – 14 октября 1938 г.



*Н.Н. Роллер в Испании. Крайний справа. 1937-1938 г. РГАСПИ.  
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 108*

сержантом и командовал отделением, а в ноябре 1937 г. был произведен в лейтенанты Испанской армии и стал командиром 2-го эскадрона. Полк постоянно находился на фронте при штабе 5-й армии и участвовал в боях под Брунете, Гвадалахарой, Теруэлем, Арагоной, занимаясь перевозкой войск, артиллерии, доставкой снарядов, эвакуацией раненых<sup>12</sup>. В битве при Брунете 6–25 июля 1937 г. погиб муж сестры Роллера Валентины Федор Лидле, комиссар автотранспорта 15-й интернациональной бригады. В автобиографической повести «Иду к тебе» А.Н. Кочетков (1912–1987), участник Гражданской войны в Испании, воевавший на Арагонском фронте, упоминал Роллера как одного из «чудесных ребят» (наряду с Георгием Шибановым, Дмитрием Смирягиным и Федором Лидле), предпринимавших яростные контратаки на позиции франкистов [Кочетков 2013. С. 36, 133].

В октябре 1938 г., при демобилизации интернациональных

<sup>12</sup> Там же. Л. 7, 43–44.

бригад, Николай Николаевич вернулся во Францию и стал работать в русской секции Комитета помощи бывшим испанским добровольцам при Союзе друзей советской родины<sup>13</sup>. Он был «парижским активистом» этого Союза, занимавшегося репатриацией и созданием положительного образа СССР за рубежом.<sup>14</sup>

В ночь на 1 сентября 1939 г. Роллер был арестован французской полицией. Началась II мировая война. После подписания договора о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г. активисты просоветских объединений рассматривались французскими властями как сторонники страны – союзника Гитлера. Роллер был заключен в каторжную тюрьму «Фрэн», затем в тюрьму «Санте». По его воспоминаниям, условия пребывания в тюрьме «Фрэн» были очень суровыми. В ожидании заключения в камеры арестованных помещали в душные железные шкафы, где было запрещено садиться, а на просьбы о воде тюремные надзиратели отвечали ударами. Перед выходом из камер на прогулки на головы заключенных надевался «кагул» – мешок с прорезями для глаз<sup>15</sup>.

В тюрьмах Роллер пробыл 42 дня. За это время он был предан военно-полевому суду с обвинением в шпионаже в пользу Советского Союза. Суд разбирал дело заочно и не нашел «состава преступления». Но МВД Франции перевело его как «особо опасного» иностранца, покушавшегося на безопасность французского государства, в дисциплинарный лагерь Верне<sup>16</sup>. Согласно справке, выданной начальником лагеря, Роллер был интернирован с 12 октября 1939 г., находился в отделении «С», бараке № 33<sup>17</sup>.

Летом 1940 г. произошла капитуляция Франции. Будучи в лагере, Николай Николаевич работал на кухне, заботился о других заключенных, приносил им остатки еды в консервных банках [Кочетков 2013. С. 219]. Здесь он был принят в члены Французской

---

<sup>13</sup> Там же. Л. 3.

<sup>14</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–2 об. (Пелехин П.П. Письмо Г.А. Нечаеву об организации «Союза возвращения на родину» и его дальнейшем преобразовании. 8 апреля 1967).

<sup>15</sup> Там же. Л. 45–46.

<sup>16</sup> Там же. Л. 8, 47.

<sup>17</sup> Там же. Л. 76.



*Н.Н. Роллер. 1941 г. РГАСПИ.  
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 111*

коммунистической партии<sup>18</sup>.

В марте 1941 г. в лагерь прибыла комиссия по набору рабочих для отправки в Германию. Немцы обещали дать там заключенным относительную свободу при условии не заниматься никакой пропагандой. Роллер был направлен на завод синтетического бензина «Лейна-Верке» вблизи города Галле. Жил в бараке с правом выхода в город. Совместно с другими товарищами, он занялся сбором средств, которые стали посылаться во Францию для помощи содержащимся в лагерях и тюрьмах и их семьям.

По истечении года работы заключенные могли получить двухнедельный отпуск. В 1942 г. у Николая Николаевича в Париже умерла мать. Его сестра Нина прислала документы об этом с требованием присутствовать во Франции для дележа «наследства». Наследства не было. Это была уловка, чтобы Николай смог получить визу и отпуск. В марте 1942 г. Роллеру удалось вернуться во Францию, где он перешел на нелегальное положение. Он нанялся рабочим на строительство укреплений Атлантического вала, там документов не спрашивали. Работающие и здесь отдавали часть денег для заключенных во французских лагерях, с которыми уже была налажена связь<sup>19</sup>.

В августе 1943 г. Роллер переехал в Париж. Он был одним из участников встречи 3 октября 1943 г. на квартире Георгия Шибанова, на которой была основана подпольная антифашистская организация Союз русских патриотов<sup>20</sup>. Ее

<sup>18</sup> Там же. Л. 47.

<sup>19</sup> Там же. Л. 48–49.

<sup>20</sup> Там же. Л. 8, 49.

организаторы и руководители (Д.Г. Смирягин, Г.Г. Клименюк, А.Н. Кочетков, П.П. Пелехин и др.) – друзья Роллера, бывшие бойцы интернациональных бригад, воевавшие в Испании – принадлежали к патриотическим и просоветски настроенным кругам эмиграции. Основными целями организации являлись: издание листовок и подпольной газеты «Русский патриот», оказание помощи советским военнопленным, организация их побегов из лагерей, формирование из них партизанских отрядов, антифашистская пропаганда среди формирований РОА [Лебедеко 2015. С. 185]<sup>21</sup>. Учитывая технические способности Роллера, работавшего шофером и командовавшего авто-полком, друзья поручили ему организацию подпольной типографии.

Согласно исследованиям А.Ю. Вовка, было две редакции газеты «Русский патриот». Первая существовала с октября 1943 г. и была разгромлена гестапо в середине марта 1944 г. Николай Роллер заведовал типографией именно в этот период. Вторая редакция была воссоздана Н.С. Качвой (1900–1982) и успешно действовала вплоть до 1945 г. [Вовк 2015. С. 154; Вовк 2017. С. 454–456].

Итак, первая редакция находилась в 15-м округе Парижа [Борисов 1947. С. 2]. Типографию же Роллер организовал в парижском предместье Эрбле (в 20 километрах к северо-западу от Парижа), в доме своей сестры и зятя Виктора и Нины Сергеевых<sup>22</sup>.

Это было героическое и смертельно опасное дело. Роллер сумел достать ротатор<sup>23</sup>, вместе с Дмитрием Смирягиным перевез его в дом своих родственников и установил в подвале. Ему было запрещено приезжать в Париж и встречаться с кем бы то ни было, кроме связанных. Бумагу и краски привозил Д.Г. Смирягин.

Николай Николаевич печатал газету в подвале, но это было нелегко: свет зажигать нельзя, пользовались лампой-коптилкой; дело происходило зимой, краска замерзала и слипалась, а руки мерзли. Возле домика, стоявшего возле железной дороги,

---

<sup>21</sup> Союз русских патриотов входил в состав организации «Main d' oeuvre immigrée» (МОИ; «Рабочая сила эмигрантов», созданная Французской компартией) как самостоятельная русская единица Сопротивления.

<sup>22</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60. Л. 8 (Клименюк Г.Г. Письма Г.А. Нечаеву о деятельности Г.Г. Клименюка и А.П. Тарасевской в Сопротивлении. Воронеж, 1962).

<sup>23</sup> Ротатор – копировальный аппарат, предназначенный для оперативного размножения текста (книг, газет) малыми и средними тиражами.

постоянно ходили немецкие патрули<sup>24</sup>.

Связные приезжали пригородным поездом на соседнюю станцию. Роллер лично встречался с ними в условленном месте (например, под мостом), каждый раз на новом, и обменивался материалами: получал восковки<sup>25</sup> следующего номера газеты и отдавал уже отпечатанный тираж. О месте нахождения типографии связным не было известно. Затем они отвозили полученные от Роллера свежие номера в Париж на распределительный пункт [Борисов 1947. С. 2]<sup>26</sup>. В основном, эту рискованную работу делали женщины-связистки.

Особенно активное участие в распространении газеты принимала Александра Петровна Тарасевская (по кличке «Тамара»), член Французской компартии и Союза друзей советской родины. Когда «Тамара» получала указание доставить восковки очередного номера газеты, она наворачивала их на руку четырехлетней дочери, а руку забинтовывала. Создавалось впечатление, что у девочки перелом руки. Затем мать брала дочь за другую руку, и они отправлялись за город, на условное место встречи с Роллером. Если в пути их останавливал полицейский и прикасался к «больной» руке девочки, последняя демонстративно выкрикивала «от боли». Полученные у Роллера материалы А.П. Тарасевская прятала себе под одежду, представляясь беременной, и продолжала свой путь в центр Парижа. В вагоне 1-го класса даже немецкие офицеры уступали ей место<sup>27</sup> [Нечаев 1964. С. 5]. В районе вокзала Сен-Лазар ее встречал другой курьер, который отвозил материалы на склад, откуда шло распределение по тройкам Союза русских патриотов<sup>28</sup>.

---

<sup>24</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 9, 50.

<sup>25</sup> Восковка — макет-трафарет следующего номера, изготовленный на восковой прозрачной бумаге рукописным или машинописным способом.

<sup>26</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2 (Клименюк Г.Г. «За работой». Воспоминания. Воронеж, 1962); РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 9, 50.

<sup>27</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60. Л. 4. После окончания Второй мировой войны А.П. Тарасевская вернулась в СССР вместе с мужем, членом Союза русских патриотов Георгием Герасимовичем Клименюком (1902–1979) и жила в Воронеже, работала в гостинице «Воронеж». Ее дочь (падчерица Г.Г. Клименюка) стала инженером, строила Карагандинскую ГРЭС–2 в Казахстане.

<sup>28</sup> Г.Г. Клименюк в своих воспоминаниях указывал некоторые конкретные места в Париже, куда тройки Союза привозили газету. Библиотека одной из шоферских организаций, столовую которой посещали власовцы.

Несмотря на большие трудности и опасность, работники «Русского патриота» обеспечивали регулярный выпуск газеты. Она выходила на двух или четырех полосах тиражом 300–500 экземпляров. Первый номер «Русского патриота» появился на свет 7 ноября 1943 г. В нем были выражены программные идеи Союза русских патриотов. Всего первая редакция выпустила четыре номера. Газета освещала ход боевых действий на советско-германском фронте, призывала русских эмигрантов помогать соотечественникам, разоблачала лиц, служивших у немцев [Горинов 2015. С. 135, 137]. В типографии «Русского патриота» печатались также листовки, бюллетени Совинформбюро, прокламации и воззвания к российским эмигрантам и советским пленным [Горинов 2015. С. 137].

В марте 1944 г. гитлеровцам удалось нанести удар по Союзу русских патриотов. Они внедрили в него провокатора. По свидетельству Роллера, им оказался приехавший из города Шербурга «власовец», считавшийся «верным» Союзу человеком<sup>29</sup>. Была арестована вся редакция «Русского патриота». Роллеру и Смирягину пришлось тут же заметать следы «типографии»; уничтожили восковки, бумагу, краски, а ротатор разобрали на части. Роллер уехал от сестры, жил у знакомых на чердаке [Нечаев 1964. С. 5]<sup>30</sup>.

Руководитель Союза русских патриотов Н.С. Качва вскоре возобновил издание «Русского патриота» уже с новыми сотрудниками и устройством новой типографии<sup>31</sup>. Была усилена конспирация, дисциплина. За печатание и распространение номеров стали отвечать разные группы людей. К 1 мая 1944 г. вышел 5-й номер газеты [Борисов 1947. С. 2; Горинов 2015. С. 136–137; Вовк 2017. С. 455–457].

Что касается Николая Николаевича, то он продолжал оставаться на нелегальном положении. О его аресте нет никаких документальных данных. Роллер вышел из подполья во время освобождения Парижа 17–28 августа 1944 г. По свидетельству

---

Храм Трех Святителей на ул. Петель. Завод Круппа, на котором работали советские военнопленные (АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 59. Л. 1).

<sup>29</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 50. Л. 50.

<sup>30</sup> Там же. Л. 51.

<sup>31</sup> После ареста М.М. Бренстедта в марте 1944 г. газету «Русский патриот» редактировал Н.В. Борисов.



**Союз Русских Патриотов**  
во Франции  
4, Rue de Galliera. KLE 94-20, 94-21, 94-22

**ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ**  
№ 14

Фамилия Роллер  
Имя и отч. Николай Николаевич  
Год рождения 28/II 1901  
Место рождения Новоурасск  
Профессия шофер  
Адрес 21, rue des Bateliers  
Clichy s/S.  
Время поступления в Союз 1/VIII 1943  
Председатель: [подпись]  
Секретарь: [подпись]

1945

Январь	Февраль	Март
Апрель	<u>Союз переименован в Союз русских патриотов и переименован</u>	
Июль	Август	Сентябрь
Октябрь	Ноябрь	Декабрь

Примечания:

Членский билет Н.Н. Роллера. 1945 г. РГАСПИ.

Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 83-84

А.Н. Кочеткова, «бессменный техник-первопечатник Роллер» строил баррикады, а также был участником захвата резиденции профашистского Управления по делам русской эмиграции на улице Гальера [Кочетков 2013. С. 326].

После освобождения Парижа Роллер продолжал работать в Союзе русских патриотов. После первого легального заседания Союза 17–18 декабря 1944 г. он был избран в его ЦК, а также стал казначеем парижского комитета Союза [Хроника 2000. С. 66, 76, 143–144]. В марте 1945 г. организация была преобразована в Союз советских патриотов. Николай Николаевич являлся делегатом съездов Союза 12 октября 1945 г. и 25 апреля 1946 г. от парижского комитета Союза<sup>32</sup>.

Воспользовавшись указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных Российской империи, а также лиц, утративших

<sup>32</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 50. Л. 56 об., 88, 91.

советское гражданство, проживающих на территории Франции», он стал советским гражданином. Работал шофером при посольстве СССР<sup>33</sup>.

А уже в декабре 1946 г. Роллер и его супруга Ольга Ильинична (урожденная Коган) прибыли в Одессу на теплоходе «Россия». Они получили разрешение на жительство в городе Боровск Калужской области, где Николай Николаевич стал работать в леспромхозе начальником автомобильного и гужевого транспорта<sup>34</sup>. 9 февраля 1947 г. он принял участие в выборах в Верховный Совет РСФСР<sup>35</sup>.



*Н.Н. Роллер. 1945 г. РГАСПИ.  
Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 111*

В опубликованном в начале 1947 г. в «Известиях» письме к остававшимся во Франции товарищам — членам Союза советских патриотов — Роллер положительно оценивал свою жизнь в СССР: он получал двойной продуктовый паек и рабочие командировки в Москву. В Боровске ему даже предложили ссуду на постройку собственного дома<sup>36</sup>. Но он принял решение не оставаться в этом городе.

В конце 1947 г. Роллеры переехали в Москву. Ольга Ильинична состояла переводчицей в Совинформбюро. Николай Николаевич работал в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных: сначала электромонтером, затем главным администратором концертного зала до выхода на пенсию в 1962 г.<sup>37</sup> Далеко не у всех «возвращенцев» было право жить в Москве. Скорее всего, разрешение на

<sup>33</sup> Там же. Л. 9.

<sup>34</sup> Там же. Л. 4–4 об., 9.

<sup>35</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 105. Л. 21 (Статьи о русских участниках Сопrotивления во Франции. Газетные вырезки. 1946–1948 гг.).

<sup>36</sup> Роллер Н.Н. Письма с Родины // Там же. Л. 21.

<sup>37</sup> РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

жительство в столице было связано с тем, что Роллер являлся особо проверенным советскими спецслужбами и сочтен надежным. А возможно, он мог оказаться полезен и сотрудничал с ними, оказывая услуги на своей должности. Скончался Н.Н. Роллер 15 февраля 1973 г. [Нечаев 2013. С. 143].

Таким образом, Николай Николаевич Роллер принял деятельное участие в борьбе с европейским фашизмом: сначала в годы Гражданской войны в Испании, а затем в рамках Союза русских патриотов во Франции. В обоих случаях он смог по максимуму использовать свои профессиональные навыки и техническое мастерство. Н.Н. Роллер представляется яркой личностью – активным, смелым человеком, готовым смотреть в лицо опасности, не боящимся идти на риск и брать на себя ответственность. Ему свойственны исключительный гуманизм, готовность в любой ситуации прийти на помощь товарищам (вспомним осуществлявшийся им сбор средств для помощи заключенным в лагерях и тюрьмах). Решавшаяся им задача создания подпольной типографии и распространения первых выпусков газеты «Русский патриот» являлась одной из наиболее трудных задач в условиях немецкой оккупации. В особенности на начальном этапе, когда приходилось все начинать с нуля. И такие личные качества Николая Николаевича, как кропотливость, трудолюбие, терпение, смысленность, позволили успешно эту задачу решить. И хотя созданная Роллером типография просуществовала небольшой срок (не по его вине), его опыт конспиративной работы был, несомненно, оценен, проанализирован и использован руководством Союза русских патриотов в дальнейшей борьбе с фашизмом.

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

АДРЗ – Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

## ЛИТЕРАТУРА

Борисов 1947 — *Борисов Н.В.* Наше прошлое // Советский патриот. 1947. № 149. С. 2.

Вовк 2015 — *Вовк А.Ю.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам Архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 145–157.

Вовк 2017 — *Вовк А.Ю.* Основание и издание газеты «Русский патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления // Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.): сб. науч. тр. М., 2017. С. 452–457.

Вовк 2018 — *Вовк А.Ю.* Русский эмигрант во французской тюрьме и лагере для «нежелательных иностранцев» Верне // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 3. С. 119–130.

Вовк 2019 — *Вовк А.Ю.* Русские бойцы интернациональных бригад и члены эмигрантских организаций в лагерях Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 2 (76).

Волков, 2004 — *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004.

Горинов 2015 — *Горинов М.М.* Участник движения Сопротивления во Франции Н.С. Качва (по материалам Архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 130–144.

Кочетков 2013 — *Кочетков А.Н.* Иду к тебе. 1936–1945. New York, 2013.

Лебеденко 2015 — *Лебеденко Р.В.* Участие российской эмиграции в движении Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 г. / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 182–187.

Нечаев 1964 – *Нечаев Г.А.* Люди с горячим сердцем // *Голос Родины*. 1964. № 8 (779). С. 5.

Нечаев 2013 – *Нечаев В.П.* Дорогой поиска // *Иные берега*. 2013. № 4. С. 137–143.

Российское зарубежье во Франции, 2010 – Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. Т. 2: Л–Р / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010.

Хроника 2000 – Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция. Т. 5. 1940–1954 / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж; М., 2000.

**Алексей ВОВК**  
ЧОУ «Пироговская школа»,  
Москва, Россия  
E-mail: lewa84@mail.ru

## **ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОВИНЦИИ. СЛУЧАЙ ЭМИГРАНТА ГЕОРГИЯ ШЕМЕТИЛЛО**

История участия российской эмиграции во французском Соппротивлении (Résistance) остается недостаточно изученной несмотря на то, что в последние десятилетия постоянно проводятся конференции, семинары, публикуются воспоминания участников движения. Исследования по теме охватывают антифашистскую практику как организаций, состоявших из эмигрантов, так и смешанных групп и отдельных фигур [Базанов 2015, Вильде 2005, Викторова 2004, Вовк 2015, 2017, 2019, Горинов 2015, Гузевич 2012, Ковалев 2006, Костицын 2017, Кочетков 2013, Кривошеина 2015, Ликвинцева 2018, Флам 2005, Решетников 2019, Рощин 2015, Урицкая 2015, Pavlova 2015]. Тем не менее в историографии часто представлен набор одних и тех же имен и сюжетов, нередко работы базируются на некритическом восприятии источников (в основном мемуарного характера). К тому же основная часть исследований посвящена Соппротивлению в столичном регионе, на севере и востоке Франции, где проживало много эмигрантов и существовали лагеря для советских военнопленных и восточных рабочих, с эмигрантами контактировавших.

Но что происходило в «Свободной зоне», например, в мегаполисах юга – Марселе и Лионе? Несмотря на наличие русских колоний, крупных подпольных организаций, полностью состоящих из эмигрантов, исключая лионский отдел СРП, здесь не сложилось, а об их деятельности известны в основном отрывочные сведения [Даманская 2006, Ковалев 2006, Кривошеин 1946, Кривошеин 1972, Массип 2010, Турыгина 2016, Урицкая 2015,

Laroche 1965, Courtois., Peschanski, Rayski 1989, Pavlova 2015]. Как правило, авторы ограничиваются упоминанием имен российских резистантов, иногда перечисляя их действия: нарушение линий связи, спасение и помощь беглецам. Поэтому цельного представления о российском следе в Соппротивлении региона не сложилось. Безусловно, заполнению этой лакуны будет способствовать изучение участия в подполье Г.Ф. Шеметилло. Его воспоминания известны специалистам, на одном из их вариантов основана главка «В южной зоне Франции» в очерке И.А. Кривошеина [Кривошеин 1972. С. 287–289], на основании которого некоторые современные исследователи даже делают вывод о руководстве Шеметилло «сетью русских эмигрантских организаций» [Урицкая 2015. С. 140]. Это, безусловно, ошибка. Внимательное чтение мемуаров Шеметилло и критическое к ним отношение позволят и лучше узнать судьбу нашего соотечественника, и составить представление о российских резистантах юга.

Нам известны три варианта мемуаров Г.Ф. Шеметилло, сохранившихся в его личном деле в Казанском государственном медицинском университете<sup>1</sup>, в фонде «Советского комитета ветеранов войны» (СКВВ) в ГАРФ<sup>2</sup>, в фонде, собранном историком и журналистом Геннадием Нечаевым «Русские эмигранты – участники французского Соппротивления» в архиве ДРЗ<sup>3</sup>. Тексты объединены временем написания (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) и стилем изложения, отличия заключаются в объеме и противоречии ряда сведений (например, о собственном аресте).

Несколько слов о центральной фигуре нашей работы. Георгий Феофилович Шеметилло (1908–1988) родился в селе Бережанка на Вольни, отошедшей в 1921 г. Речи Посполитой. Закончил русскую гимназию в Луцке, продолжил обучение в Варшаве, Праге и с 1932 г. – в Париже. Такая траектория для непольскоязычного и православного в межвоенной Польше неувидительна, – не-поляки подвергались дискриминации, выдавливались из страны [Ёлкин

---

<sup>1</sup> Архив КГМУ. Личное дело Шеметилло Г.Ф. Л. 6–60б. (документ любезно предоставлен сотрудницей КГМУ Ивановой Р.Г.).

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Воспоминания участников партизанской борьбы во Франции. Л. 129–136.

<sup>3</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–42.

2014. С. 139–140]. Во Франции Шемет (а он берет именно такой псевдоним) получает известность в богемных кругах русского Парижа, его имя мелькает в хронике: спектакли драматической студии Объединения русских студентов «Фигляр» В.И. Моревой, собрания музыкально-артистического объединения «Ассамблея», «литературные среды» в квартире А. Гингера и А. Присмановой. Наконец, выходит сборник его стихов «Осколки». Добавим, что к Шемету тепло относились писатели И. Бунин и Г. Адамович.

С началом Второй мировой войны и последующей капитуляцией Франции Шеметилло уезжает в «Свободную зону», в Марсель. Георгий работает экспедитором в издательстве, учится на экономическом и филологическом отделениях в университетах Марселя и Лиона; в 1943 г. женится на Валентине Борисовне Мордухович (1910–1991). К этому периоду относится участие Шемета в движении Сопротивления (коммунистическое крыло – FTP-MOI) в крупных городах юга – Марселе, Монпелье и Лионе.

После войны Шеметилло способствовал репатриации советских граждан; руководил лионским отделением Союза советских патриотов, был избран в Центральное правление этой организации, работал секретарем. С началом «холодной войны» и противодействия французских властей совпатриотам Союз был запрещен, газета закрыта, а руководство выслано в СССР. В марте 1948 г. в числе последних оказались и супруги Шеметилло. Георгий Феофилович жил в Казани, преподавал французский язык в школе и медицинском институте (университете), жена Валентина после развода переехала преподавать в Ленинград и в 1974 г. смогла вернуться во Францию. Благодаря ее стараниям выходит второй сборник стихов Шемета «Дорога дальняя». Увы, к этому времени Георгий Феофилович уже скончался<sup>4</sup>.

После поражения Франции в 1940 г. и подписания капитуляции примерно треть страны не была оккупирована Германией. Здесь возникло Французское государство со столицей в г. Виши во главе с маршалом Петеном, часто называемое «Свободной», «Южной» зоной или попросту – «Виши». В ноябре

---

<sup>4</sup> Биографические сведения приводятся по: [Геллер 1990; Мнухин 1995–1997; Мнухин 2008; Шеметилло 1989]; АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94 (Материалы к биографии Г.Ф. Шеметилло). Л. 1–3; Архив КГМУ. Личное дело Шеметилло Г.Ф. Л. 1–27.



1942 г. в нее были введены итальянские и немецкие войска, находившиеся здесь вплоть до освобождения страны в сентябре-декабре 1944 г. Кроме формальной независимости юг отличало обилие беженцев из оккупированных Германией стран, а также антифашистов, евреев<sup>5</sup>, граждан Рейха и французов, иностранцев (для последних из числа «подозрительных и нежелательных» еще с довоенного времени здесь были устроены лагеря). С августа 1940 г. Марсель был буквально наводнен беженцами [Azéma, Wiewiorka 2004. P. 223], в их числе был и Георгий Шеметилло. Издательство, в котором он работал экспедитором, перебралось в «Свободную зону».

Что касается российских эмигрантов, то идейно они были разделены на «пораженцев» и «оборонцев». Одни считали, что необходимо продолжать войну с коммунистами для освобождения России и использовать для этого любые возможности; другие утверждали, что страну необходимо защищать независимо от установленного в ней режима. 22 июня 1941 г. по всей стране, в том числе и в Марселе<sup>6</sup>, прокатилась волна арестов русских: «Подавляющее большинство эмигрантов и украинцев было скоро выпущено на свободу, а советские граждане были размещены в лагерях, в которых уже томились, медленно умирая с голоду, интернированные “красные испанцы”<sup>7</sup>. Это событие и, главное, нападение Германии на СССР, привели в эмигрантской среде к росту просоветских настроений, желанию действовать. Так, летом 1941 г. Г.Ф. Шеметилло с помощью коллег-студентов знакомится с болгарским врачом-коммунистом Моновым<sup>8</sup>. Обладая большими связями в среде рабочих-иммигрантов, Монов

---

<sup>5</sup> Несмотря на действия дискриминационных по отношению к евреям законов («Statut des Juifs» и другие) и функционирование Комиссариата по делам евреев, Марсель рассматривался последними и как убежище (30 000 человек в 1941 г., примерно 10 % от всех евреев Франции), и как транзитный пункт для бегства из страны [Ryan 1996. P. 10, 34, 35].

<sup>6</sup> В 1937 г. здесь проживало 1,5 тысячи русских [Турыгина 2016. С. 50].

<sup>7</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

<sup>8</sup> Монов Иван (1910, Селяновцы-Раховско, Болгария – 1946?). Врач, проживал в Монпелье. В 1939–1940 гг. доброволец во французской армии, участник Сопротивления. Защитил диссертацию на медицинском факультете университета Монпелье 10.3.1944. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

собрал две группы в Монпелье и Марселе, в последнюю вступил Шемет. Первоначально активность моновцев заключалась в поддержке коммунистов-иностранцев: помощь с документами, устройство на работу. Постепенно деятельность становилась масштабнее – подпольщики стали принимать участие в саботаже, порче железнодорожных стрелок и линий телеграфа. Обязанностью Георгия было составление сводок ТАСС и Би-Би-Си (его знакомый, бежавший из Австрии еврей-журналист имел на работе доступ к хорошему радиоприемнику), их перевод. Размноженные сводки разбрасывались ночью по городу, оставлялись самим Шеметом в университете и в студенческой столовой, отправлялись в провансальские города. При этом описание работы сопровождается утверждением, что среди низших служащих издательства «было нетрудно получать полезные сведения о настроениях в составе правительства, о министерских комбинациях, о намерениях правительства и его связях с немецким командованием, наконец, о некоторых секретных мероприятиях, подготовляемых или проводимых немцами»<sup>9</sup>. На наш взгляд, это явное преувеличение.

Последовательно жизнь в оккупированной и «Свободной» зонах становилась тяжелее – массовые немецкие реквизиции энергоресурсов и бомбардировки союзников сочетались с холодными зимами. Например, зимой 1942 г.: «Ни дома, ни жители не были подготовлены к необычной в этих краях зиме – камины плохо обогревали комнаты, не хватало угля, люди дрожали в тонких пальто и легких ботинках. Начались серьезные продовольственные затруднения, у магазинов стояли очереди. Немцы усиленно грабили страну и увозили в Германию все, что можно было увезти». Нехватка продуктов, отмечаемая многими специалистами [Бурлаков 2013а. С. 316–317, Azéma, Wieviorka 2004. P. 224], вела к росту недовольства. Дополнительными факторами, способствующими развитию Сопrotивления, были репрессии и мобилизация на работы в Рейх. Так как к марту 1942 г. было завербовано всего 140–150 тысяч французов, то с сентября 1942 г. для обеспечения Германии рабочей силой во Франции была объявлена трудовая повинность. За последующие 2 года в Рейх

---

<sup>9</sup> ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 130 об.

было отправлено 646421 человек, что вместе с французскими пленными составило 1,3 млн. рабочих [Bories-Sawala 2010. P. 37, 43]. Население уезжало в Германию неохотно, поэтому власти начали настоящую охоту за рабочей силой, что спровоцировало бегство молодежи в леса. Ввод войск вермахта в ноябре 1942 г. на территорию Французского государства и силовые акции не способствовали популярности вишистов и немцев. Например, в Германию выдавались беженцы-иностранцы<sup>10</sup> [Badia 1994. P. 20-23], а в январе – феврале 1943 г. в районе Старого порта Марселя – «приюте гангстеров, проституток, контрабандистов и марсельской бедноты»<sup>11</sup> – прошла облава. Задерживались евреи (позже депортированы в лагерь Компьень), взрывались жилые кварталы, а 20 тыс. человек были выселены в неподготовленный к наплыву людей лагерь Каис [Azéma, Wiewiorka 2004. P. 226]. В этих условиях ропот стал сменяться активным противодействием, и, учитывая поражение немцев под Сталинградом, в «Свободной зоне» подпольные организации стали увеличиваться.

Развитию движения Сопротивления на юге Франции способствовали устройство лагерей для восточных рабочих и прибытие осенью 1943 г. восточных батальонов, сформированных из советских граждан<sup>12</sup>. Низкий моральный дух восточных частей во Франции, нестабильная обстановка в батальонах, неверие многих солдат в немецкое превосходство над союзниками и пренебрежительное отношение немцев не способствовали желанию воевать на чужой земле за чужие интересы. В батальонах процветали сдача в плен и дезертирство [Гилязов 2009. С. 75, 292–299; Дробязко 2004. С. 218–219, 221, 224–226; Coudry 1995. P. 8]. В этом значительную роль сыграли российские эмигранты. Так, знающий четыре славянских языка Шеметилло помогал военнопленным в их контактах с резистантами.

Работа с советскими гражданами в основном заключалась в

---

<sup>10</sup> Из депортированных в 1942–1944 гг. из Франции 75721 еврея 30000 человек были выданы из «Свободной зоны» [Badia 1994. P. 22].

<sup>11</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 16.

<sup>12</sup> Так называемые «восточные батальоны». Встречается употребление терминов «добровольческие части», «части РОА», «власовцы». На Средиземноморском побережье и на линии от Бордо до Лиона находилось 17,5 тысяч солдат из восточных частей, которые в июне 1944 г. составляли десятую часть всех оккупационных сил [Coudry 1995. P. 8].

помощи беглецам, которых местные жители укрывали на фермах и квартирах, добывали одежду и переправляли в партизанские отряды. Свое жилье предоставили и супруги Шеметилло, чья марсельская квартира обладала рядом преимуществ: расположение дома рядом с православной церковью, около которой русская речь не была редкостью, малое количество соседей и умение хозяев не задавать вопросы. Обычно беглец сообщал: «Я к вам от Ивана. Он здоров и велел кланяться Вам» и оставался на несколько дней<sup>13</sup>. Единственный, кто прожил у Шемета 10 дней – бежавший позднее в сторону испанской границы лейтенант Фролов.

Еще один контакт с группой советских граждан был налажен благодаря их случайному знакомству в поезде с Моновым. Он позвал на встречу Шеметилло, который, рискуя, продемонстрировал польский паспорт и семейные фотографии с Украины, чтобы доказать свое происхождение. Этой группе также стали передаваться радио-сводки о положении на фронтах, взамен получались сведения о передвижении немцев и ходе оборонительных работ на средиземноморском побережье<sup>14</sup>.

Случалось, что и советские солдаты связывали различные группы Сопротивления. Встреча Шеметилло с советскими солдатами, работавшими в гараже (младший лейтенант-москвич Николай Семенов и сержант Костя), позволила познакомиться с местным коммунистом Романом Флери. Тот «вел большую разведывательную и организационную работу... среди военнопленных. Так как он не знал языка, ему был необходим русский переводчик»<sup>15</sup>. Конечно, такая работа была опасна, Шемет отмечает большое количество предателей среди восточных войск, поэтому «провалы во время работы в частях РОА были не так уже редкими»<sup>16</sup>. В целом для марсельского подполья Шеметилло стал находкой, его работа с военнопленными подтверждается

---

<sup>13</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 18.

<sup>14</sup> Там же. Л. 9. Укрепление обороны Средиземноморья («Средиземноморский вал» (фр.: «Le mur de la Méditerranée», нем: «Südwall») началось после оккупации «Свободной зоны», т.е. с ноября 1942 г. Укрепления шли вдоль берега моря на протяжении 864 км. от границы с Испанией до границы с Италией. Вал достроен не был.

<sup>15</sup> ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 133.

<sup>16</sup> Там же. Л. 132 об.

выданными свидетельствами Флери и Монова<sup>17</sup>.

Помощь советским солдатам и шире – депортированным, беглецам и вообще нуждающимся оказывали и другие российские эмигранты. Например, бывший российский генконсул Марселя и уполномоченный Земгора Л.П. Гомелла выдавал фиктивные справки, на основании которых можно было получить французские документы<sup>18</sup>.

Другой эмигрант, отец Валентин Бакст, создал благотворительное общество «Добрый самаритянин». Недалеко от квартиры Шеметилло находился гараж с пристройкой – церковь и дешевая столовая с бесплатными обедами для больных и стариков. Здесь помогали всем нелегалам: евреям, бойцам интербригад и позднее советским военнопленным. Им выдавались получаемые через своих людей в префектуре документы (например, свидетельства о крещении, подтверждавшие «арийское происхождение»). С некоторых богатых евреев Бакст брал деньги на подкуп чиновников и покупку продовольствия, однако Шемет оговаривается: «Мы не раз получали от Бакста документы и карточки для советских военнопленных и получали без какого-то бы ни было вознаграждения»<sup>19</sup>. Другими источниками существования «Самаритянина» были помощь муниципалитета, частных благотворителей, но в основном продажа обильных и «безтикеточных» обедов по ценам черного рынка. По словам Шеметилло, прихожане осуждали такую практику, но без нее «Добрый самаритянин» не смог бы оказывать помощь – черный рынок стал для населения главным нелегальным источником продовольственных и промышленных товаров [Бурлаков 2013b. С. 332–343].

Шемет приводит сведения о предназначенной для беглецов даче-лагере Бакста, просуществовавшей до разгрома милицией в 1944 г.<sup>20</sup> По словам старых русских лионцев, семье жены-француженки о. Валентина принадлежал дом в горах Севенн (75 км. севернее Монпелье), где укрывались беглецы. Также лионцы сообщили, что «это достаточно дикая местность, где с 18-го века

<sup>17</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 1, 2.

<sup>18</sup> ГАРФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 130 об.

<sup>19</sup> Там же. Л. 132.

<sup>20</sup> Там же. Л. 131, 132.

прятались протестанты. Во время войны там было только 2 постоянных жителя, а о. Валентин и ещё один человек приезжали из Марселя. Дорога оканчивалась за 5 км. <до деревни>, и <до дома> добирались горной тропой»<sup>21</sup>.

Интересно, что в годы войны Шеметилло встречал старых знакомых по литературным кругам, – на вилле в Грассе жили известные писатели И.А. Бунин и Л.Ф. Зуров. Им Шеметилло помогал в приобретении письменных принадлежностей и еды [Геллер 1990. С. 224, 227]. Конечно, Бунина и Зурова нельзя назвать подпольщиками, но Спротивлению и судьбе русских пленных они, безусловно, сочувствовали. Зуров привел работавших в пекарне пленных на виллу к Бунину, который оставил запись: «16.7.<1944>. Воскр. <...> татарин Федя, другой татарин и самарский солдат. Вообще русские пленные у нас часто все лето» [Бунин 2016. С. 453].

В марте 1944 г. Монов был арестован и поэтому Валентина и Георгий Шеметилло уехали из Марселя в Клермон-Ферран, куда также было переведено издательство Георгия. Однако, получив вскоре вызов в полицию, супруги бежали в Лион, в котором провели несколько месяцев. С Лионом Георгий был связан учебой (с 1942 г. он числился студентом филологического отделения местного университета<sup>22</sup>); но не исключено, что «столица Спротивления»<sup>23</sup> привлекала другим. Плотность населения, размеры города, транспортная инфраструктура и близость Швейцарии способствовали активным действиям подполья [Douzou 2016]. Необходимо сказать, что после серьезных ударов, полученных парижскими FTP-MOI в течение 1943 г., организация попала в парадоксальную ситуацию. Ее центр серьезно ослаб, но различные секции иностранцев, наоборот, усиливались. Некоторые из них (немецкая, еврейская) переместились в Лион [Courtois., Peschanski, Ryski 1989. P. 389, 395, 396].

В русском зарубежье Лион стоял особняком, перед войной в нем и пригородах проживало примерно 3–5 тысяч человек, которых можно отнести к русским эмигрантам (многие из них были заняты в текстильной промышленности). По числу событий,

<sup>21</sup> Сообщил В.Д. Голованов (Лион).

<sup>22</sup> Архив КГМУ. Л. 4–4об.

<sup>23</sup> Так Лион охарактеризовал генерал де Голль. Выражение используется французскими историками.

проводимых в колонии, этот город занимал после Парижа и Ниццы третье место [Мнухин 2004]. В годы войны положение русских лионцев было сложным – действовали направленные против иностранцев ограничения, принятые прежними властями Франции, а после ее поражения – дискриминационные правила вишистов. Безработица, аресты 22 июня 1941 г., бюрократическая волокита с пропусками привели к оттоку трудоспособных лионцев в Германию [А.В. 1942. С. 3], но и оставшихся затронуло разделение на «пораженцев» и «оборонцев». Из последних нам известно о лионской группе В. Нарсесяна и В. Подгорного, группе младороссов Иванова-Тринадцатого [Кривошеин 1946. С. 39; Массип 2010. С. 441].

Крупной фигурой лионского Соппротивления был Алексей Шапошников<sup>24</sup>. Еще в довоенное время он сотрудничал с коллегой-шофером Николаем Качвой, лидером лионского отдела СДСР. Именно Качва по поручению руководства в конце 1943 г. привлек старого товарища Шапошникова к сотрудничеству с СРП, самой крупной эмигрантской подпольной группой. Шапошников распространял антинацистские листовки, занимался пропагандой среди солдат восточных батальонов<sup>25</sup>, хранил взрывчатку, помогал беглецам одеждой<sup>26</sup>. Однако при организации одного из побегов он был схвачен, передан гестапо и казнен 20 августа 1944 г. в числе других 120 задержанных недалеко от Сен-Жени-Лаваль. Позднее в Лионе на доме, в котором жил А.А. Шапошников, была установлена мемориальная доска<sup>27</sup>.

В Соппротивлении участвовала семья Захарьевых (Захаровых)<sup>28</sup>, Николая и Марьяны, «оборонцев» с довоенным стажем. Захарьев, пользуясь служебными командировками,

<sup>24</sup> Шапошников Алексей Алексеевич (1893, Екатеринослав – 1944, Сен-Жени-Лаваль, ок. Лиона), участник гражданской войны в России, эмигрант. В Лионе с 1925 г., шофер такси, член СДСР. Женат, двое детей. Участник Соппротивления, расстрелян.

<sup>25</sup> В Лионе находился штаб Кадровой добровольческой (восточной) дивизии, а ее части (армяне, туркестанцы, русские, казаки, татары, украинцы) были расквартированы по всему департаменту.

<sup>26</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 13-13 об.

<sup>27</sup> Подробнее о памяти о погибших см. сайт мэрии Сен-Жени-Лаваль (URL: <https://www.saintgenislaval.fr/376-commemoration-du-20-aout-1944-au-fort-de-cote-lorette.htm> (дата обращения 01.06.2020))

<sup>28</sup> Р.И. Урицкая ошибочно указывает гибель семьи в Бухенвальде [Урицкая 2015. С. 153]. Захаров Николай (1896, Севастополь – 1947, Клинцы).

имел возможность для «самой страстной, безудержной антигитлеровской пропаганды»<sup>29</sup>, перевозил листовки и оружие. Однако в августе 1943 г. был арестован, заключен в тюрьму Монлюк и отправлен в Бухенвальд. Его жена Марьяна укрывала беглецов (именно в ее квартире жили Шеметилло), вместе с Валентиной Шеметилло помогала спастись узникам тюрьмы Монлюк. Так, через сутки после первого ухода немцев из Лиона в 1944 г. и освобождения заключенных, в город вошли новые отступающие части вермахта. Опасаясь репрессий, бывших заключенных прятали в домах, больницах, монастырях. Не обошлось и без комичных эпизодов: «Почтенные настоятели мужских монастырей отказывались впустить в стены монастыря женщин, бывших заключенных Монлюка и приходилось за несколько минут до комендантского часа бегать по всему Фурвьер<sup>30</sup> в поисках женского монастыря, который мог принять несчастную женщину. Когда же обнаруживали такой монастырь, то там находили группу бывших заключенных – мужчин, которые вынуждены были искать другого пристанища, т.к. игуменья не пускала их в женский монастырь»<sup>31</sup>. После освобождения Н. Захарьев вернулся во Францию, а затем вместе с женой уехал в СССР.

О других российских резистантах департамента Роны известно не так много. Муромцев, Михайлов, Соколов помогали военнопленным. Алексей Марченко – член СДСР, вместе с Шапошниковым занимался военнопленными; репатриант. Гавриил Алпатов и его жена укрывали пленных, взрывали линии высоковольтной передачи. Работая на ферме около аэродрома Брон Алпатов портил провода телеграфа и однажды попал в сложную ситуацию: «Ферма была окружена немецкими солдатами. Вошедший офицер спросил хозяина: “Когда кончится вредительство?” Ферма была богатой, а хозяева слыли сотрудничающими с немцами. Хозяйка ответила: “Нас ненавидят, т.к. мы люди богатые и хорошо живем с вами. Кто-то старается нас спровоцировать, вероятно, коммунисты”. Офицер спросил – все ли рабочие французы, на что хозяйка ответила утвердительно,

<sup>29</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 32.

<sup>30</sup> Часть города, в которой расположены крупнейшие католические учреждения и находится подворье кардинала.

<sup>31</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 34.



хотя Алпатовы были русскими. Это был не альтруизм, – хозяйева спасали и свою шкуру»<sup>32</sup>. Этот случай иллюстрирует не только героизм резистантов, но и переплетение сложных отношений подпольщиков и лиц нейтральных или сочувствующих немцам.

Небезынтересны судьбы семьи Сулима<sup>33</sup>. Отец, член компартии, помогал военнопленным, скрывал их и отправлял в отряд сына, осуществлял связь группы Шапошникова с ФКП<sup>34</sup>; его жена также участвовала в Сопротивлении [Мнухин 2008], а сын, Эли-Фернан-Андре<sup>35</sup>, был лейтенантом ФФИ под псевдонимом «Ришар» [Permezal 1995. P. 443, 444]. Любопытно, что Сулима-младший «по-русски не говорил, но считал себя советским»<sup>36</sup>.

Конечно, подпольщики и партизаны несли потери. Кроме Шапошникова были расстреляны Н. Терешко<sup>37</sup> и Яценко, погибли родившиеся уже во Франции молодые Константин Иванов и Олег Качва<sup>38</sup>. Подробности смерти последнего известны – в бою у Пюзиняна 1-й Ронский полк ФФИ понес потери, 23 человека погибло<sup>39</sup>.

В чем именно заключалась подпольная работа Шемета в Лионе неизвестно. Судя по приводимым им сведениям, он знал многих резистантов, однако такой авторитетный человек, как лидер СРП Николай Качва отзывался о Шемете нелестно и сомневался в его активных действиях в годы войны<sup>40</sup>. Так или иначе, в июне или июле 1944 г.<sup>41</sup> – Шеметилло точно не помнит – он вернулся в Марсель. Квартира была разгромлена после налета

---

<sup>32</sup> Там же. Л. 35.

<sup>33</sup> Шеметилло, а вслед за ним и Кривошеин с Урицкой пишут «Сулема».

<sup>34</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.

<sup>35</sup> Сулима Павел (1897, Изюм – ?); его жена Т.А. (? – после 1959, Лион), церковный деятель; их сын Elie Fernand André Soulima (1924, Дьелефи – 2007, Сен-Фуа-ле-Лион), карикатурист.

<sup>36</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 41.

<sup>37</sup> Возможно, имеется в виду убийство жителя Сан-Жан-Бонифона (60 км. к юго-западу от Лиона) Teresko Nicolas в декабре 1943 г. (ADR 3808 W 803).

<sup>38</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 35.

<sup>39</sup> Качва Олег (Katchva Aleg, 1926, Лион – 1944, Пюзинян, 69 Рона). Племянник Н.С. Качвы. Солдат 1-го Ронского полка ФФИ, погиб 31.08.1944. [La base].

<sup>40</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.

<sup>41</sup> ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 134; Архив ДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 23.

авиации союзников: «Одна из бомб взорвалась во дворе и дом, а в частности, – моя квартира сильно пострадали – вырвало взрывной волной окна и двери, упали внутренние, некапитальные стены. Никто из живущих в доме не пострадал, но стал он необитаемым»<sup>42</sup>. Но в этом было преимущество – можно было жить, не опасаясь визита оккупантов. Восстановив контакт с Р. Флери, Шемет «через месяц после отъезда дрался на баррикадах»<sup>43</sup>. 15 августа 1944 г. в ходе операции «Драгун», союзники высадились на побережье и стали наступать на Марсель и Тулон. 21 августа в Марселе началась всеобщая забастовка, переросшая в восстание. После недели боев немецкие части, остававшиеся в городе, капитулировали. Восставшие были малочисленны и плохо вооружены: «они не могли задержать немецкие отряды. Основная задача состояла в том, чтобы немцы не задерживались в Марселе, не смогли создать из него опорный пункт»<sup>44</sup>, – вспоминал позже Шемет. Он видел успех «Драгуна» в сдаче без боя морально разложенных солдат восточных батальонов<sup>45</sup>, которые якобы составляли «основную опору обороны побережья»<sup>46</sup>. Другие подпольщики, отмечавшие помощь в восстании распропагандированных армянских батальонов, в оценках скромнее [Laroche 1965. P. 249].

На этом участие в Соппротивлении Жоржа Шемета, Георгия Шеметилло завершилось. Уже находясь на родине, своими воспоминаниями он внес вклад в сохранение памяти об антинацистской борьбе. Обобщая опыт своих товарищей и свой собственный, Шемет отметил особенности лионского и марсельского подполья, именуемого им «городское маки». Во-первых, резистанты не вели широкомасштабных боевых действий, они использовали другие способы борьбы: нападение на патрули, налеты на посещаемые немцами кафе, порча средств связи и железнодорожных стрелок, и даже напоминание о поражениях вермахта надписью на стенах «Сталинград». В городе группы не могли быть многочисленными, они насчитывали 3–5 человек и обычно не знали личного состава «соседей». Успех уличной

---

<sup>42</sup> АДРЗ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 94. Л. 24.

<sup>43</sup> Там же. Л. 33.

<sup>44</sup> Там же. Л. 25.

<sup>45</sup> Там же. 24.

<sup>46</sup> ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 404. Л. 134 об.

акции зависел от разных факторов. Например, в Лионе этому способствовала старинная застройка. В центре города 230 улиц связаны «трабулями»: «Надо только войти в дом, подняться на второй этаж, спуститься вниз, повернуть по темному проходу вправо или влево, войти во внутренний дворик, пересечь его, чтобы попасть в запутанный лабиринт другого дома и, выйдя, очутиться на широкой большой улице, до которой не дойти обычным путем за 10-15 минут»<sup>47</sup>. Во-вторых, в Сопروتвлении тесно сотрудничали и иностранцы (армяне, испанцы, итальянцы, поляки, евреи, русские), и представители разных партий. В-третьих, большую роль в разложении восточных батальонов сыграли резистанты, среди которых были и русские эмигранты.

### **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

АДРЗ – Архив Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына  
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации  
КГМУ – Казанский государственный медицинский университет  
СДСР – Союз друзей советской родины  
СРП – Союз русских патриотов  
ФКП – Французская коммунистическая партия  
ФФИ (FFI) – Французские внутренние силы  
ADR – Archives départementales du Rhône  
FTP-MOI – Francs-tireurs et partisans - main-d'œuvre immigrée

### **ЛИТЕРАТУРА**

А.В. 1942 – А.В. Русские в «свободной» зоне // Парижский вестник. 1942. 14 июня. № 1.

Базанов 2015 – Базанов П.Н. Забытый герой Сопротвления – князь Сергей Сергеевич Оболенский // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.

Бунин 2016 – Бунин И.А. Устами Буниных. Т. II (1920–1953). М.; Берлин, 2016.

Бурлаков 2013а – Бурлаков А.Н. Из повседневной жизни французов

---

<sup>47</sup> Там же. Л. 27.

во времена немецкой оккупации (1940 – 1944 гг.) Статья первая: Борьба за выживание // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Выпуск IV. М., 2013.

Бурлаков 2013b – *Бурлаков А.Н.* Из повседневной жизни французов во времена немецкой оккупации (1940 – 1944 гг.) Статья вторая: черный рынок и вокруг него // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Выпуск IV. М., 2013.

Вильде 2005 – *Вильде Б.* Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. М., 2005.

Викторова 2004 – Жизнь и житие священника Димитрия Клепинина. 1904–1944 / сост. Т.В. Викторова, Н.А. Струве. М., 2004.

Вовк 2015 – *Вовк А.Ю.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.

Вовк 2017 – *Вовк А.Ю.* Основание и издание газеты «Русский патриот»: из истории русскоязычной печати французского Сопротивления // Издательское дело российского зарубежья (XIX – XX вв.): сб. науч. тр. М., 2017.

Вовк 2019 – *Вовк А.Ю.* «В 1943 году я вошел в контакт французской подпольной организации...»: русский эмигрант Владимир Тарасов во французском Сопротивлении // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 214–224.

Геллер 1990 – История двух писем И.А. Бунина к Г.Т. Шеметилло / публ. Т.А. Геллер // Русская литература. 1990. № 4.

Гилязов 2009 – *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». М., 2009.

Горинов 2015 – *Горинов-мл. М.М.* Участник движения Сопротивления во Франции Н.С. Качва (по материалам Архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14-15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.

Гузевич 2012 – *Гузевич Д.Ю.* Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы. История и память. Париж; Новосибирск, 2012.

Даманская 2006 – *Даманская А.* На экране моей памяти. Таубе-Аничкова С. Вечера поэтов в годы бедствий / публ. О. Р. Демидовой. СПб., 2006.

Дробязко 2004 – *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М., 2004.

Ёлкин 2014 – *Ёлкин А.И.* В поисках лучшей доли: русские студенты-эмигранты в Польше в 20-30-е гг. XX в. // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Історія. 2014. Вип. 48.

Ковалев 2006 - *Ковалев М.В.* Участие русской эмиграции во Франции в борьбе с фашизмом // Военно-исторические исследования в Поволжье: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2006.

Костицын 2017 – *Костицын В.А.* Мое утраченное счастье...: воспоминания, дневники / сост. В. Л. Генис. М., 2017.

Кочетков 2013 – *Кочетков А.Н.* Здравствуй, Франция! // Иду к тебе. 1936–1945. Forest Hills, 2013.

Кривошеин 1946 – Отчет о резистантской работе И.А. Кривошеина // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1946. № 1.

Кривошеин 1972 – *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972.

Кривошеина 2015 – *Кривошеина К.И.* Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней. М., 2015.

Ликвинцева 2018 – *Ликвинцева Н.В.* Мать Мария (Скобцова). М., 2018.

Массип 2010 – *Массип М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М., 2010.

Мнухин 2004 – *Мнухин Л.* Русские эмигранты в Лионе: 1920–1945 // Конференция «Первые встречи Института Восток-Запад», Lyon, ENS LSH, 2–4 декабря 2004 г. URL: [http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php?id\\_article=65](http://russie-europe.ens-lsh.fr/article.php?id_article=65) (дата обращения: 01.05.2020).

Мнухин 2008 – Российское зарубежье во Франции, 1919-2000: биограф. слов.: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008. URL: <http://www.dommuseum.ru/old/?m=dist> (дата обращения: 01.05.2020)

Флам 2005 – *Флам Л.С.* Вики. Княгиня Вера Оболенская. М., 2005.

Решетников 2019 – *Решетников С.В.* Русские эмигранты-сопротивленцы против восточных батальонов вермахта во Франции (1943–1944) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1(16).

Роцин 2015 – *Роцин Н.Я.* Парижский дневник / сост. Л.Г. Голубева. М., 2015.

Турыгина 2016 – *Турыгина Н.В.* Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. СПб., 2016.

Урицкая 2015 – *Урицкая Р.И.* Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г.: Они любили свою страну... СПб., 2015.

Шеметилло 1989 – *Шеметилло В.Б.* Послесловие // Шемет Г. Дорога дальняя. Вторая книга стихов. Париж, 1989.

Azéma, Wiewiorka 2004 – *Azéma J.-P., Wiewiorka O.* Vichy, 1940–1944. P., 2004.

Badia 1994 – *Badia G.* 1940–1944, quand Vichy livrait à Hitler les étrangers réfugiés en France // Hommes et Migrations. 1994. Avril. № 1175: De la guerre à la décolonisation. La mémoire retrouvée.

Bories-Sawala 2010 – *Bories-Sawala H.E.* Dans la gueule du loup: Les français requis du travail en Allemagne. Villeneuve d'Ascq, 2010.

Coudry 1995 – *Coudry G.* Soldats de Vlassov et détachements soviétiques en France (1943–1945) // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1995. № 39-40: Lendemain de libération. Lendemain de guerre.

Douzou 2016 – *Douzou L.* La Résistance à Lyon (1940–1944) // Lyon dans la Seconde Guerre mondiale. Rennes, 2016. URL: <https://books.openedition.org/pur/46931> (дата обращения: 01.05.2020)

La base – La base Sépultures de guerre URL: [https://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/arkotheque/client/mdh/sepultures\\_guerre/detail\\_fiche.php?ref=2381394](https://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/arkotheque/client/mdh/sepultures_guerre/detail_fiche.php?ref=2381394) (дата обращения: 01.05.2020)

01.05.2020)

Laroche 1965 – *Laroche G.* On les nommait des étrangers. Les immigrés dans la Résistance. P., 1965.

Pavlova 2015 – *Pavlova A.* Les Russes et les Soviétiques en France durant la Seconde guerre mondiale: entre collaboration et résistance. Histoire. 2015.

Permezel 1995 – *Permezel B.* Résistance à Lyon: 1221 noms. Lyon, 1995.

Courtois, Peschanski, Rayski 1989 – Courtois S., Peschanski D., Rayski A. Le sang de l'étranger: les immigrés de M.O.I. dans la Résistance. P., 1989.

Ryan 1996 – *Ryan Donna F.* The Holocaust & the Jews of Marseille: the enforcement of anti-Semitic policies in Vichy France. Urbana and Chicago, 1996.

## **Константин СЕМЁНОВ**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,  
Москва, Россия  
E-mail: semenov@domrz.ru*

### **АЛЕКСАНДР УГРИМОВ И ДУРДАНСКАЯ ГРУППА СОПРОТИВЛЕНИЯ**

Участие русской эмиграции в движении Сопротивления во Франции с каждым годом становится все более актуальной темой [Российская эмиграция 2015]. Ученые по крупицам восстанавливают борьбу наших соотечественников с фашизмом. Как правило, внимание исследователей сосредотачивается на действиях русских сопротивленцев в Париже, где располагались наиболее известные организации – группа Музея человека<sup>1</sup>, благотворительная и культурно-просветительская организация «Православное дело»<sup>2</sup>, Союз русских патриотов<sup>3</sup>. Документы архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына раскрывают деятельность еще одной русской антифашистской группы, действовавшей в небольшом

---

<sup>1</sup> Группа Музея человека – антифашистская группа в Париже. Существовала с лета 1940 г. по март 1941 г., издавала газету «Сопротивление» (Resistance), название которой дало имя всему антифашистскому движению в Западной Европе.

<sup>2</sup> «Православное дело» – благотворительная и культурно-просветительская организация, созданная матерью Марией (см. ниже), о. Димитрием Клепининым и П.С. Лопухиным в Париже в 1935 г. С началом немецкой оккупации занималась помощью нуждающимся эмигрантам и французам, помогала евреям, занимала антифашистскую позицию. Разгромлена в феврале 1943 г., все руководители организации арестованы.

<sup>3</sup> Союз русских патриотов во Франции – подпольная антифашистская организация, созданная в октябре 1943 г. в Париже. Издавал подпольную газету «Русский патриот», выделял своих членов для связи с советскими партизанскими отрядами во Франции. Генеральный секретарь – Н.С. Качва. Весной 1944 г. 15 членов организации были арестованы немцами. В марте 1945 г. СРП объединился с Союзом друзей Советской России в Союз советских патриотов, в 1947 г. преобразованный в Союз советских граждан.



французском городке Дурдан. В фонде 25 «Русские эмигранты-участники французского Сопrotивления (Résistance) хранятся воспоминания двух руководителей этой группы – Александра Александровича Угримова «О дурданском подполье»<sup>4</sup> и Василия Федоровича Шашелева «Дурданская группа»<sup>5</sup>.

3 сентября 1939 г., соблюдая свои обязательства перед Польшей, Французская республика объявила войну Германии. Однако вопреки польским надеждам войска Франции не устремились на помощь своему союзнику. Началась «Странная война» – *Drôle de Guerre*.

Разгромив Польшу и захватив Данию с Норвегией, немцы начали готовиться к вторжению во Францию и страны Бенилюкса. 10 мая 1940 г. немецкие войска начали наступление на Западном фронте. К середине мая немецкая армия, пройдя страны Бенилюкса, вышла на границы Франции. К этому времени в рядах французской армии находилось около 10 000 белоэмигрантов и их сыновей,

---

<sup>4</sup> Угримов Александр Александрович (1906–1981) – инженер-агроном, преподаватель и общественный деятель. В 1922 г. вместе с семьей выслан из Советской России на «философском пароходе». Активный член движения младороссов с 1929 г. В 1930-е работал научным сотрудником. В 1937 г. вышел из партии младороссов. В 1940 г. переехал в Дурдан и стал начальником производства на местной мельнице. Во французском Сопrotивлении известен как Андре Жиру. После войны проживал в Аннеси. В 1946 г. награжден Военным крестом. Один из организаторов и товарищ председателя Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции (1946), участник 4-го съезда Союза советских патриотов в Париже (1947). В ноябре 1947 г. выслан из Франции в СССР. Проживал в Москве. В 1948 г. арестован и осужден на 10 лет. Срок отбывал в Воркуте, работая на шахте. В 1954 г. освобожден, проживал в Москве, с 1966 г. близкий друг и помощник А.И. Солженицына. Автор воспоминаний «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту (М., 2004). Указанный текст его воспоминаний хранится в: АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 85.

<sup>5</sup> Шашелев Василий Федорович (1898–1981). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Осенью 1920 г. подпоручик 3-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Эвакуирован в составе Русской армии из Крыма, галлиполиец. В 1922–1923 гг. работал на шахтах в Болгарии. С 1924 г. – во Франции. К 1931 г. библиотекарь Общества галлиполийцев в Париже. Позже активный участник младоросского движения. Друг А.А. Угримова, участник дурданской группы и организатор ее парижской ячейки. В 1945 г. награжден медалью Сопrotивления. В 1946 г. принял советское гражданство, в 1951 г. выслан из Франции как советский гражданин. Из-за отсутствия советской визы 4 года прожил с семьей в ГДР. Вернулся в СССР в 1955 г., направлен на работу в Тамбов, где и скончался. Указанный текст его воспоминаний хранится в: АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 88.

как мобилизованных, так вступивших в армию добровольцами [Вырубов 1991. С. 3]. 14 июня 1940 г. немецкие войска вошли в Париж. Через два дня премьер-министром Франции был назначен герой Первой мировой войны маршал Анри Филипп Петен, сторонник перемирия с Германией и разрыва с Великобританией. На предложение своих министров эвакуировать правительство в Британию он ответил, что правительство должно остаться во Франции чтобы «вместе с народом нести его несчастье» [Семиряга 2000. С. 155].

17 июня 1940 г. маршал Петен обратился к Гитлеру с предложением перемирия, в тот же день генерал Шарль де Голль вылетел из Франции в Великобританию. 18 июня 1940 г. он обратился по радио к своим согражданам и призвал к продолжению борьбы. Так родилось движение «Свободная Франция» (*la France libre*), вооруженные силы движения получили название Французские силы освобождения (*Forces françaises libres*).

Мирное соглашение, содержащее 24 статьи, было подписано 22 июня 1940 г. [Семиряга. 2000. С. 191] Франция была разделена на оккупированную (северную) и неоккупированную (южную) зоны. Оккупированная зона управлялась главой немецкой военной администрации, а неоккупированная – маршалом Петеном. Париж находился в оккупированной зоне, поэтому столицей маршала стал город Виши, по названию которого и стала называться неоккупированная зона – Вишистская Франция.

Едва подписали перемирие, а в обеих зонах начали возникать антифашистские организации, в том числе созданные и из иностранцев, проживавших во Франции. Как и в других странах, формирование антифашистских групп шло по партийному признаку. В оккупированной зоне было образовано несколько подпольных организаций – Гражданская и военная организация (*Organisation civile et militaire*), Освобождение «Север» (*Libération Nord*), «Те, кто от Освобождения» (*Ceux de la Libération*) и др. Французская коммунистическая партия создала Национальный фронт и его вооруженное крыло – франтиреры и партизаны Франции (*Francs-Tireurs et Partisans Français*). В неоккупированной зоне были образованы Освобождение «Юг» (*Libération Sud*), франтирер (*Francs-Tireur*) [Jurado 1995. P. 20].

В оккупированной зоне центром сопротивления оккупантам

стал Париж. В августе-сентябре 1940 г. в парижском Музее человека при участии русских эмигрантов Бориса Вильде и Анатолия Левицкого была образована антифашистская группа, распространявшая листовки с призывами продолжать борьбу. Подпольщики начали издавать газету «Сопротивление» (Résistance). Первый номер увидел свет 15 декабря 1940 г., его передовица призывала: «Сопротивляться! Именно этот крик исходит из Ваших сердец повсюду... Это крик всех, кто не смирился, кто хочет выполнять свой долг» [Ковалев 2006. С. 216]. Так, газета, издававшаяся бывшими русскими эмигрантами, дала название антифашистскому движению в Европе.

Еще накануне французского поражения в оборонческом<sup>6</sup> крыле русской диаспоры сложились кружки и группы, осуждавшие нацистов и предвидевшие германо-советскую войну. Не был исключением и инженер А.А. Угримов, заявлявший: «Мы против коммунизма и диктатуры ВКП(б) в России. Но если случится война, то я и мои друзья будем на стороне советской власти бороться против врагов России и будем стараться, где бы мы ни находились, сделать все возможное для победы» [Угримов 2004. С. 524].

Условно эмигрантские антифашистские очаги можно было разделить на группы интеллектуально-религиозного сопротивления и сторонников силовых действий. По воспоминаниям Угримова, один из таких интеллектуальных кружков образовался еще в дни Мюнхенского сговора<sup>7</sup>. Инициатором его создания был И.И. Фондаминский<sup>8</sup>. Среди участников встреч и обсуждений

---

<sup>6</sup> Оборонцы — эмигранты, провозглашавшие защиту Родины от внешнего врага главным принципом патриотизма, осенью 1935 г. образовали Союз оборонцев, в феврале 1936 г. преобразованный в Русское эмигрантское оборонческое движение, заявившее в своей программе: «Оборонец — тот, кто при всех условиях ставит защиту своей Родины выше политических разногласий с властью». Имелся печатный орган «Голос отечества» и Дом оборонца в Париже. Активисты РЭОД в 1941 г. в лагере Верне объединились с Союзом друзей Советской Родины.

<sup>7</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

<sup>8</sup> Фондаминский Илья Исидорович (1880–1942) — общественно-политический деятель, редактор, издатель. Эсер. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Основатель и соредатор журнала «Современные записки». Член Союза русских писателей и журналистов. 22 июня 1941 г. арестован и помещен в Компьенский лагерь. В 1942 г. переведен в лагерь Дранси, затем в Освенцим, где и погиб. В 2004 г. канонизирован Константинопольским

были будущие сопротивленцы – Б.В. Вильде, В.И. Алексинский, В.Л. Андреев, Б.В. Сосинский и мать Мария<sup>9</sup>. Странники вооруженной борьбы объединялись вокруг ветеранов гражданской войны в Испании (1936–1939) и Союза друзей советской родины<sup>10</sup>.

Нападение Германии на Советский Союз повлекло за

---

патриархатом.

<sup>9</sup> Алексинский Владимир Иванович (1910–1955) – инженер-аграном, журналист. Эмигрировал во Францию в 1923 г. Входил в кружок И.И. Фондаминского. Публиковался в различных журналах. В 1939–1940 гг. служил во Французской армии. В 1942 г. вступил в войска «Свободной Франции», участвовал в боях в Африке, Италии и Франции. С 1946 г. член правления Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления; Андреев Вадим Леонидович (1903–1978) – поэт, прозаик. Сын писателя Леонида Андреева. В эмиграции во Франции. Входил в кружок И.И. Фондаминского, печатался в различных журналах. 15 декабря 1944 г. арестован немцами и заключен в тюрьму Боярдвиль. В 1949–1959 гг. проживал в США, затем - в Швейцарии; Сосинский (Сосинский-Семихат) Владимир (Бронислав) Брониславович (1900–1981) – писатель, журналист. Участник Гражданской войны в России в составе эскадрона 3-го Елисаветградского гусарского полка ВСЮР и Русской армии. Эвакуирован из Крыма весной 1920 г. С 1924 г. проживал во Франции, занимался литературной деятельностью. Организовал собственную типографию, позже был директором Франко-славянской типографии. В 1939–1940 гг. служил в составе 21-го Маршевого иностранного полка, был ранен и взят в плен. Бежал из лагеря. С 1943 г. участник Сопротивления на острове Олерон. Награжден Военным крестом. С 1944 г. член СРП. Получил советский паспорт и в 1947 г. переехал в Нью-Йорк. Работал заведующим стенографическим отделом аппарата ООН. В 1960 г. вернулся в СССР, проживал в Москве. В 1985 г. награжден медалью «За боевые заслуги»; Мать Мария (Скобцова Елизавета Юрьевна, ур. Пиленко, в 1-м браке Кузьмина-Караваева, 1891–1945) – поэт, публицист, общественно-религиозный деятель. В 1920 г. эвакуирована в Константинополь, затем переехала в Королевство сербов, хорватов и словенцев. С 1924 г. проживала в Париже. Секретарь Религиозно-философской академии, активный член РСХД. В 1932 г. приняла монашеский постриг. В 1935 г. совместно с И.И. Фондаминским, Г.П. Федотовым и Т.Ф. Пьяновым создала в Париже благотворительную организацию «Православное дело». Участвовала в спасении евреев от депортаций. 9 февраля 1943 г. арестована в Париже. Погибла в концлагере Равенсбрюк. В 2004 г. канонизирована Константинопольским патриархатом.

<sup>10</sup> Союз друзей советской Родины – просоветская политическая организация, образованная в 1924 г. как Союз возвращения на Родину (Совнарод). Зарегистрирован французскими властями в 1925 г. Центральное правление в Париже, отделения – в девятнадцати провинциях Франции. В 1937 г. преобразован в Союз друзей советской Родины. В сентябре 1939 г. большинство членов организации были арестованы французскими властями.

собой активизацию антифашистской деятельности французских коммунистов. Стоит оговориться, что борьба с гитлеровцами в западных странах шла со значительно меньшим ожесточением, чем в СССР и Восточной Европе. В 1941–1942 гг. в Западной Европе практически отсутствовали значительные вооруженные отряды Сопротивления и организованные нападения на крупные немецкие отряды. Не была исключением и Франция. Как верно отмечает Р.Л. Урицкая, «в то время, когда в Англии вокруг генерала де Голля формировались силы Свободной Франции, в самой Франции не было и намека на какую-либо централизованную организацию Сопротивления» [Урицкая 2010. С. 150].

В среде русской эмиграции гитлеровская агрессия против Советского Союза вызвала рост патриотических чувств и дополнительно стимулировала участие в антифашистской борьбе. Правда и в эмигрантских группах в этот период проходили лишь встречи и совещания<sup>11</sup>.

Среди русских участников французского Сопротивления заметную роль играли члены партии младороссов<sup>12</sup>. Младороссы или бывшие члены их движения образовали шесть подпольных групп во Франции: дурданская – А.А. Угримова, лионская – К.К. Иванова-Тринадцатого<sup>13</sup>, парижская – В.Ф. Шашелева, пиренейская – К.С. Элиты-Вильчковского<sup>14</sup> и С.С. Оболенского<sup>15</sup>,

---

<sup>11</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.

<sup>12</sup> Младороссы – социал-монархическое движение русской эмиграции, образовано на молодежном съезде в 1923 г. в Мюнхене как Союз «Молодая Россия». В 1925 г. переименован в Союз младороссов, в 1934 г. – в Младоросскую партию. В 1942 г. партия распущена.

<sup>13</sup> Иванов-Тринадцатый Константин Константинович (1922–1944) – внук контр-адмирала К.П. Иванова-Тринадцатого. Служил в частях «Свободной Франции», старший сержант, награжден военной медалью и Военным крестом. Погиб от полученных ран.

<sup>14</sup> Элита-Вильчковский Кирилл Сергеевич (1904–1960) – публицист, общественный деятель. Генеральный секретарь Союза младороссов, заместитель председателя. В 1939 г. арестован, после освобождения участник Сопротивления. После войны читал лекции в Католическом университетском центре в Париже.

<sup>15</sup> Оболенский Сергей Сергеевич (1908–1980) – князь, политический деятель, главный идеолог младороссов. В 1933–1934 гг. секретарь в Исследовательском центре аграрной экономики Восточной Европы в Берлине. Член Союза младороссов, с 1928 г. руководил очагом младороссов в южной Германии. В 1935 г. переехал в Париж. Секретарь Политического совета по политической части. В июне 1941 г. в посольстве

провансальская — Третьякова, савойская — П. Зисермана<sup>16</sup> [Базанов 2015. С. 124; Массип 2010. С. 441]. Наиболее значимы были пиренейская и дурданская группы.

Летом 1941 г. инженер Угримов проживал в городке Дурдан, расположенном в 45 км от Парижа. Александр Александрович возглавлял производство на небольшой кооперативной мельнице на окраине Дурдана. Мельница стояла на реке Орж и представляла собой целый комплекс зданий — старое помещение мельницы, переделанное под склад и мастерские, новая пристройка с конторой и квартирой Угримовых и новый производственный корпус, располагавшийся напротив пристройки. Неподалеку от мельницы располагался густой лес. Месторасположение мельницы как нельзя более подходило для конспиративной работы.

За год работы на мельнице Угримов показал себя прекрасным организатором производства, что отметил его руководитель: «господина Угримова можно поставить в ряд самых лучших технических директоров мельниц, которые когда-либо встречались во Франции» [Угримов 2004. С. 11]. Процветание производства и избыток продукции, в дальнейшем, позволили Угримову помогать нуждающимся французам.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало у многих эмигрантов всплеск патриотических чувств, теперь война касалась каждого: «22-го июня все стало ясным. От антигитлеровских разговоров надо было переходить к действию», — писал участник Дурданской группы В.Ф. Шашелев<sup>17</sup>. В самом Дурдане многие французы из окружения Угримова выражали ему сочувствие и надежду, что Советский Союз устоит в схватке с Германией. В своих

---

СССР в Париже пытался записаться добровольцем в РККА. Проживал в Турене и По. В начале 1944 г. присоединился к Сопrotивлению. Летом 1944 г. вернулся в Париж. Член СРП, глава его культурно-просветительского отдела, сотрудник газеты «Русский патриот».

<sup>16</sup> Зисерман Павел (ум. 1943) — участник Сопrotивления. Накануне Второй мировой войны работал в туристическом агентстве в Брюсселе. 22 июня 1941 г. арестован немцами, заключен в лагерь в г. Малинь. Весной 1942 г. освобожден, летом переехал в Париж, затем — в Марсель и Гренобль. В последнем был арестован французской полицией и помещен в лагерь. Бежал в Швейцарию. В 1943 г. вернулся во Францию и присоединился к Сопrotивлению. 23 декабря 1943 г. погиб в бою с немцами под Бонвилем, прикрывая отход своего отряда.

<sup>17</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1 Д. 88. Л. 1.

мыслях Угримов сравнивал немецкое вторжение с нашествием французов в 1812 г. и предрекал захватчикам скорый конец: «И вот перед моим, так сказать, двойным взором стали продвигаться вглубь России две армии: пешая Наполеона и моторизованная Гитлера. И очень скоро я убедился, что первая шла скорее, увереннее, чем катилась вторая. И опять Смоленск, но здесь вдруг “блицкриг” и дал первую трещину. Вот тут-то окрепла моя вера в победу и не оставляла меня уже больше никогда, тем более после разгрома гитлеровцев под Москвой» [Угримов 2004. С. 554–555]. Еще один будущий участник Дурданской группы уже до начала войны выразил свои сокровенные мысли о защите Родины: «... Именно оборону отечества от внешних врагов и сохранение его целостности мы и считаем первейшими и важнейшими задачами» [Попандопуло 1938. С. 10].

Немецкая оккупация Франции и переживания за Родину заставили А.А. Угримова перейти к активным действиям. Еще в первый год оккупации Александр Александрович выявил среди своих друзей и знакомых антифашистски настроенных эмигрантов. Как правило, они были знакомы Угримову еще по младоросской партии. В 1942 г. на квартире Угримова было образовано организационное ядро русской группы Сопrotивления. В его состав вошли А.А. и И.Н. Угримова<sup>18</sup>, прибывшие из Парижа В.Ф. Шашелев и В.А. Попандуполо<sup>19</sup>. А.А. Угримов сыграл главную роль в организации группы, что подтверждают воспоминания и В.Ф. Шашелева<sup>20</sup>. На одном из собраний было решено установить контакт с местными организациями Сопrotивления для совместной борьбы. Помимо решения этой задачи на плечи

---

<sup>18</sup> Угримова (ур. Муравьева) Ирина Николаевна (1903–1994) – театральная художница. В 1925 г. выехала на учебу за границу, в 1929 г. окончила Берлинскую театральную-декоративную высшую школу. Выехала во Францию, работала в Париже в художественно-прикладных мастерских. В 1930-е гг. член младоросской партии. С 1932 г. замужем за А.А. Угримовым. В этом браке в 1934 г. родилась дочь Татьяна. Репатрировалась в СССР в 1948 г., арестована и приговорена Особым совещанием к 8 годам ИТЛ. Реабилитирована в 1954 г., проживала в Москве с мужем и дочерью, работала художником по театральным костюмам.

<sup>19</sup> Попандопуло Всеволод Антонович (р. 1901) – журналист. Активный член партии младороссов. В 1937 г. покинул партию и создал монархическую группу «Русский временник». Вместе с братом входил в Дурданскую группу. В 1947 г. был выслан из Франции в СССР.

<sup>20</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1 Д. 88. Л. 1.

А.А. Угримова легла работа по созданию ячейки непосредственно в Дурдане.

Установить связь с французским Сопротивлением в Дурдане оказалось непростой задачей – резистанты соблюдали строгую конспирацию, а личных знакомств с местными коммунистами у Угримова не было. Для установления связи с представителями Сопротивления Александр Александрович пошел на рискованный шаг – нелегально<sup>21</sup> переправился в неоккупированную зону и отправился в городок Шабри, где проживали его родители, друзья и знакомые французские коммунисты. Однако вопреки надеждам установить контакт с резистантами не удалось, и Угримов вернулся в Дурдан.

16 февраля 1943 г. в оккупированной зоне была введена всеобщая трудовая повинность [Finnetore 2013. Р. 64]. После чего угон французской молодежи на работу в Германию достиг внушительных масштабов. Помимо французской молодежи немцы использовали в качестве рабочих около восьмисот тысяч французских военнопленных [Семиряга 2000. С. 650]. Некоторые рабочие отказывались возвращаться в Германию после отпуска и уходили в горы либо переходили на нелегальное положение. Молодежь также активно уходила в леса, пополняя отряды Сопротивления, которые получили название маки<sup>22</sup>.

С помощью работников мельницы Угримов наладил выпуск фальшивых документов, осуществлял снабжение продовольственными карточками и продуктами прятавшихся от немцев французов, а позже и советских военнопленных. Про это время А.А. Угримов сказал: «Второй этап в развитии массового сопротивления – пассивное действие переходило в активное» [Угримов 2004. С. 556].

Избытки продукции попадали не только к французам, но и к нуждающимся русским эмигрантам. Несколько раз зерно и мука отправлялись в Париж для организации «Православное

---

<sup>21</sup> 4 октября 1940 г. немецкие власти запретили французам переходить из оккупированной в неоккупированную зону.

<sup>22</sup> Маки (maquis) – от французского слова маквиса, означающего заросли кустарников и низких деревьев на возвышенностях. Самоназвание вооруженных отрядов в горной местности Франции, образованных из скрывающихся от оккупантов французов. Отряды маки преобладали в Бретани и Южной Франции.



дело», однажды в Дурдан за продуктами приезжала и мать Мария, дополнительно, в оккупированную столицу Франции продовольствие доставлялось через В.Ф. Шашелева и И.А. Кривошеина<sup>23</sup>. Помощь французскому населению сыграла важную роль в установлении контактов с движением Сопротивления: рабочие мельницы, имевшие связь с ресистансом, поручились за Угримова и он вышел на прямой контакт с лидером сопротивленцев в Дурдане Марселем Блюто (Bluteau), работавшим в гараже города. Руководство дурданского Сопротивления подтвердило автономность русской группы и выразило заинтересованность в существовании парижского отделения (Шашелев и Попандуполо), с помощью которого можно было осуществлять быструю связь с оккупированной столицей Франции.

Начало подпольной работы вызвало оживление в дурданской группе и ее парижском отделении. К группе присоединились Г.К. Отфиновский<sup>24</sup>, С.А. Попандуполо<sup>25</sup>,

---

<sup>23</sup> Кривошеин Игорь Александрович (1899-1987) – инженер-электротехник, общественный деятель. В эмиграции во Франции. Окончил физико-математический факультет Сорбонны (1922), Высшую электротехническую школу с дипломом инженера (1923). С 1928 г. работал инженером в Клиши на заводе «Братья Лемерсье». Был близок к движению младороссов. 22 июня 1941 г. арестован гестапо и заключен в лагерь Компьен, освобожден через два месяца. Вместе с матерью Марией (Скобцовой) стал создателем Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьен. 12 июня 1944 г. арестован, приговорен к пожизненному заключению. Содержался в концлагерях Бухенвальд и Дахау. Вернулся во Францию в 1945 г. Осенью 1945–1946 гг. занимался созданием СРДПУС. Избран председателем Содружества, инициировал сбор материалов об участии русских в борьбе против нацизма. В 1946 г. обратился за советским гражданством. 15 августа 1947 г. под его руководством состоялся съезд Союза советских граждан. 25 ноября 1947 г. арестован французской полицией и выслан в СССР. 20 сентября 1949 г. арестован и приговорен к десяти годам ИТЛ. Работал инженером под Москвой на объекте № 8 (спецтюрьма № 16), затем в Озерлаге в Тайшете. 30 июня 1954 г. реабилитирован и освобожден. В 1974 г. вернулся в Париж.

<sup>24</sup> Отфиновский Георгий (Юрий) Константинович (1905–1983) – инженер-авиаконструктор. В эмиграции проживал во Франции. Член младоросской партии. После войны консультант фирмы «Феррадо», затем ведущий авиаконструктор фирмы «Кодро».

<sup>25</sup> Попандуполо Сергей Антонович (Антониевич) (р. 1898) – активный член Союза младороссов, брат В.А. Попандуполо. С 1923 г. в эмиграции во Франции. В 1937 г. покинул партию и присоединился к монархической группе «Русский временник». С 1945 г. член Союза советских патриотов.

советский военнопленный Б.И. Волынцев<sup>26</sup> и близкий знакомый Уgrimova француз Раймон Кальвель<sup>27</sup>. Количество русских эмигрантов входивших в состав группы возросло до 20 человек [Гладкий 1997. С. 80]. В парижском отделении были образованы три ячейки во главе с В.Ф. Шашелевым, Г.К. Отфиновским и В.А. Попандуполо. В них вошли С.А. Булацель, К.Ю. Варягин, А.И. Васильев, Н.А. Полторацкий, С.А. Снарский и Д.П. Тарасенков<sup>28</sup>.

<sup>26</sup> Волынцев Борис Иванович — советский военнопленный. В 1946 г. награжден Военным крестом. В Обобщенном банке данных «Мемориал» значится Волынцев Борис Степанович 1921 г.р., украинец, попавший в немецкий плен в конце 1941 г. в Смоленской области. До пленения являлся военфельдшером в 29-й армии Западного фронта. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=2843366> (режим доступа 01.04.2020).

<sup>27</sup> Кальвель Рамон (Calvel Raymond, 1913–2005) — инженер. Участник кампании 1939–1940 гг., награжден Военным крестом, в 1940–1943 гг. в немецком плену. После освобождения Франции повторно награжден Военным крестом. Видный специалист хлебопекарного дела, автор 400 публикаций по технологии выпечки хлеба.

<sup>28</sup> Булацель Сергей Александрович (1905–1970) — активный член Союза младороссов, общественный деятель. В эмиграции с 1919 г. С 1925 г. жил во Франции. Работал в издательстве «Паскаль». Секретарь редакции младоросской газеты «Бодрость», печатался в «Вестнике Союза технических сил». Член Союза русских патриотов, затем член руководящего комитета Союза советских граждан во Франции. Председатель редакционного отдела и редактор «Информационного бюллетеня» (1945) и «Вестника Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления» (1946–1947), исполнял обязанности казначея. В 1947 г. получил советское гражданство. Выслан из Франции в марте 1948 г. В СССР был определен на жительство в Кемерово, работал в городской администрации. В 1949 г. переехал в Казань; Варягин Кирилл Юльевич (1904 – не ранее 1949) — инженер. С 1946 г. секретарь, позже генеральный секретарь СРДПУС, с 1947 г. член правления СУСРП. Осенью 1947 г. выехал в СССР. Работал техником проектно-сметного бюро горжилуправления в г. Саратове. Арестован 15 октября 1949 г., осужден особым совещанием при МГБ СССР 1 июля 1950 г. на 25 лет ИТЛ за участие в фашистско-монархической организации и антисоветскую деятельность. Реабилитирован 10 апреля 1956 г. военным трибуналом Приволжского военного округа; Васильев Андрей Иванович — член Союза младороссов, член-учредитель Союза советских патриотов. После окончания войны репатриировался в СССР; Полторацкий Николай Алексеевич (1906/09–1991) — церковный деятель, преподаватель, переводчик. С 1925 г. в эмиграции во Франции. Один из основателей Трехсвятительского подворья в Париже (1930). Ответственный секретарь Благочинного совета Русской Православной Церкви во Франции (Московского патриархата) в 1942–1946 гг. В 1946 г. принял советское гражданство. В 1948 г. вернулся в СССР и был направлен в Одесскую семинарию, где преподавал сравнительное богословие, совмещая это с работой переводчика в иностранном отделе

В интересах Сопротивления с группой А.А. Угримова активно взаимодействовали В.Н. Лосский и Э.Н. Бакунина<sup>29</sup>.

В самом Дурдане группа Угримова расширяла свои связи с местным Сопротивлением. В 1943 г. количество авианалетов союзников на Францию резко возросло, увеличилось и количество сбитых союзных самолетов. Нередко сбитые летчики попадали к французским респондентам. Несколько сбитых союзных пилотов были переданы французами группе Угримова. Первый из них, раненый американец Р. Монгенаст<sup>30</sup> месяц скрывался на мельнице у Угримова и лечился у Э.Н. Бакуниной.

Ужесточение оккупационного режима привело к размещению в Дурдане небольшого немецкого гарнизона, в состав которого входила рота Восточных войск<sup>31</sup>, укомплектованная русскими и украинскими добровольцами. В один из дней Угримов обнаружил появление бывших советских граждан в Дурдане и вступил с ними в контакт. В ходе общения Александр Александрович убедился в антинемецких

---

Московской патриархии; Снарский Станислав (Владислав) Аполлонович — общественный деятель, член Союза младороссов. Член СРП. После окончания войны репатриировался в СССР; Тарасенков Дмитрий Макеевич (Мокиевич, Моисеевич) (1898–1957) — общественный деятель, член Союза младороссов. В эмиграции во Франции с 1924 г. Активист Парижского очага Союза младороссов. Член ССП (1945), ССГ (1947). В сентябре 1947 г. вернулся в СССР.

<sup>29</sup> Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) — богослов, историк, церковно-общественный деятель, сын философа Н.О. Лосского, с которым покинул Советскую Россию в 1922 г. Один из основателей Трехсвятительского подворья в Париже. С 1942 г. научный сотрудник Национального центра научных исследований (Франция); Бакунина (ур. Лопатина) Эмилия Николаевна (1875–1960) — врач-хирург, общественный деятель. С 1926 г. в эмиграции во Франции. Более 20 лет работала врачом в Русском доме в Сен-Женевьев-де-Буа. В годы Второй мировой войны оказывала медицинскую помощь участникам Сопротивления. Награждена французским Военным крестом в 1944 г.

<sup>30</sup> Монгенаст Р. (R. Mungenast) — сержант американских ВВС, личный номер (жетон) 32592169. Сбит в 1943 г. над Францией. Спасен группой А.А. Угримова.

<sup>31</sup> Восточные войска (Osttruppen) — вспомогательные военные формирования из перебежчиков и военнопленных, организовывавшиеся на оккупированной территории СССР с конца 1941 г. Кроме того, ряд военнопленных, готовых к сотрудничеству с врагом, включался в немецкие части в качестве «добровольных помощников» — «Хиви» (Hilfswillige). Из-за недоверия Гитлера в 1943 г. Восточные войска стали массово перебрасываться на Западный фронт.

настроениях этих военнослужащих, но от прямой вербовки их для антифашистской борьбы отказался из-за опасений быть разоблаченным (ниже мы убедимся, что опасения были вполне обоснованными — *примеч. К.С.*). На следующий день он вызвал в Дурдан В.Ф. Шашелева и рассказал ему об этой встрече. Товарищи решили действовать и привлечь «быших» к антинемецкой борьбе. А.А. Угримов вспоминал после войны: «Дня два Шашелев бродил по городу, ища подходящей встречи. Наконец, на главной улице он увидел двоих из этих солдат. Обогнав, остановился, как бы поправляя шнурок на ботинке, а когда те поравнялись — громко и вполне натурально выругался по-русски. Эффект был полный. После двух-трех перекрестных слов они сказали: “Иди за нами”. Зашли в глухую улочку. Повезло Васе: напал он как раз на Жорку Шкарбанова<sup>32</sup>, который впоследствии доказал, что мы не ошиблись, доверившись ему» [Угримов 2004. С. 562]. С не меньшим воодушевлением о работе с бывшими красноармейцами вспоминал и Шашелев: «Удалось наладить связь с советской молодежью, вывезенной с Родины 16-17-ти лет и <против воли> (зачеркнуто карандашом — *примеч. К.С.*) вкрапленн<ой> (исправлено карандашом — *примеч. К.С.*) в части Дурданского немецкого гарнизона»<sup>33</sup>. Шашелев убедил новых знакомых оставаться у немцев и собирать информацию, а в назначенный день присоединиться к Сопротивлению. Договорившись с Шкарбановым, вербовщик передал его на связь Волынцеву и отбыл в Париж.

Парижское отделение группы установило тесную связь с другими русскими группами Сопротивления в Париже — Союзом русских патриотов и группой Ю.С. Монтуляка<sup>34</sup>. Налаженное

<sup>32</sup> Шкарбанов Григорий Николаевич (1918 – не позднее 1945) – в 1941 г. красноармеец 942-го отдельного батальона связи. Пленен 28 июля 1941 г. под Минском. С 3 декабря 1941 г. в лагере военнопленных № 308, личный номер (жетон) 15356. Вступил в коллаборационистское формирование и вместе с ним был отправлен на Западный фронт. В августе 1944 г. перешел на сторону Сопротивления. Отказался репатрироваться в СССР. Убит в Париже при попытке грабежа.

<sup>33</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1 Д. 88. Л. 1.

<sup>34</sup> Монтуляк Юрий (Жорж) Сергеевич (1898 – после 1948) – химик-технолог. С 1922 г. проживал в Варне, преподавал в Русской гимназии. В 1926 г. переехал во Францию, проживал в Париже, учился на заочном отделении Школы радиоэлектроники. Член Французской коммунистической партии. В конце 1942 г. организовал подпольную русскую группу, вошедшую во французскую организацию «JAD Amical». Генеральный

сотрудничество стало залогом для объединения независимых организаций в Союз советских патриотов в 1945 г.

К весне 1944 г. вся Франция ждала высадки союзников. Контакты генерала де Голля с Сопротивлением стали более интенсивными. Из-за слабости немецкой авиации союзники увеличили количество вылетов во Францию, выброска оружия для сопротивленцев приняла угрожающий для немцев масштаб. Все это стимулировало рост Сопротивления во Франции: «... Наша настоящая работа началась только весной 1944 года. Мы уже вступали в последний период борьбы за освобождение Франции, когда Сопротивление стало готовиться к вооруженному восстанию, во многих местах начали формироваться и действовать партизанские отряды, в которых огромную роль сыграли советские люди»<sup>35</sup>.

1 февраля 1944 г. основные сопротивленческие организации образовали Внутренние французские силы (Forces françaises de l'intérieur), в состав которых вошла и дурданская группа А.А. Угримова. FFI стали основным координирующим органом Сопротивления, поддерживающим постоянный контакт с военным командованием Великобритании и генералом де Голлем. Имевшийся у А.А. Угримов аудиоприемник использовался для принятия сигналов о готовящейся выброске оружия, а сам он принимал участие в большинстве встреч грузов.

О первом приеме оружия Александр Александрович оставил яркие воспоминания: «Ни у кого опыта не было, только инструкция (о радиолокации тогда ничего почти не знали). В лесу ночью заблудились, не сразу вышли, куда надо. Бежали по свежей бороне поля (следы отчетливые). Расставили посты, но мало нас было... а недалеко шоссе, по которому изредка проезжали немецкие машины. В точно назначенное время послышался гул моторов и

---

секретарь Объединенного союз русских дипломированных инженеров. Гражданин СССР (1946). Заместитель председателя СРДПУС. Член ССП, ССГ и член правления СУСРП (1947). Выслан в СССР (1947), проживал в Твери.

<sup>35</sup> Здесь А.А. Угримов заметно преувеличивает влияние советских граждан на развитие движения Сопротивления во Франции. Вместе с тем во Франции существовали целые партизанские отряды, созданные из советских военнопленных, восточных рабочих и бывших коллаборационистов, непосредственно участвовавшие в вооруженной антифашистской борьбе (АДРЗ ф. 25. Оп. 1 Д. 85. Л. 36).

из-за леса появился силуэт самолета. Зажгли опознавательные огни. Он сделал три круга, потом пошел на снижение. Раздался страшный треск – почти все контейнеры (двенадцать) и ящики загнало на деревья. (Оказывается, по неопытности мы ошиблись в расчетах ветра). Пришлось все посты снять, лезть на деревья, обрезать шнуры, сдирать парашюты с ветвей. Должен был прибыть фермер из деревни с телегой и лошадьми, но в последнюю минуту испугался и не приехал. Контейнеры прятали в ямах и в кустах. Последний парашют сняли с дуба в поле уже часам к восьми утра! Его хорошо было видно издали. Одно легкое ящик не досчитались, его загнало далеко; дружественный нам лесник нашел его через несколько дней» [Угримов 2004. С. 563–564].

В то же время силы Сопротивления готовили восстание в Париже, для чего город был разделен на сектора Восток, Запад, Север и Юг. Ближайшие к городу департаменты были также разделены на сектора. Дурдан, входивший в департамент Сена и Уаза, стал частью района Сена – Уаза – Юг. Часть оружия, поступившего в Дурдан, направлялась в Париж. С августа 1943 г. по май 1944 г. союзники восемнадцать раз вызывали дурданских подпольщиков для встречи грузов, но только семь раз антифашисты смогли получить груз, 60 % грузов попали в руки немцам [Угримов 2004. С. 565].

В день высадки союзников в Нормандии, 6 июня 1944 г., Угримов вернулся из Парижа в приподнятом настроении. В гараже ему были переданы для спасения два канадских летчика – унтер-офицеры К.Е. Виллис и К.Г. Шеперд<sup>36</sup>. Вместе с летчиками Угримов отбыл на мельницу. Накормив и расположив канадцев на ночлег, Александр Александрович по телефону был проинформирован начальником местной французской жандармерии о том, что в районе Дурдана беспокойно и для охраны мельницы к нему направляются жандармы. Канадцы были срочно выведены в парк, где и спрятались в кустах. После прибытия жандармов и легкого ужина они были определены на ночлег, а канадцы вернулись в дом через окно. Один из канадцев простудился и заболел ангиной. Для лечения была вновь приглашена Э.Н. Бакунина. Больной

---

<sup>36</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 19. Виллис К.Е. (Willis C.E.), личный номер J 25541, и Шеперд К.Г. (Shepherd C.G.), личный номер J 23363 – унтер-офицеры Королевских ВВС (RAF).

скоро вылечился и канадцы, пересидев две недели на мельнице, были переданы французам. За помощь в спасении канадских пилотов А.А. Угримов был награжден грамотой главного маршала Королевских ВВС<sup>37</sup>.

Несмотря на успешное продвижение войск союзников вглубь Франции немцы не сдавали своих позиций и продолжали активно бороться с Сопротивлением. В конце июля 1944 г. немецкая полиция безопасности разгромила дурданское подполье. Были арестованы его руководители, лишь Блюто удалось уйти. Оккупанты захватили большое количество спрятанного оружия. Угримова спасло от ареста то, что у французских подпольщиков он проходил как Андре Жиру и немцы искали француза с этим именем. Позже из-за опасности ареста Угримов отправил Блюто в Париж, где тот скрывался у Р. Кальвеля.

В начале августа 1944 г. американские части приближались к Дурдану, а командир дурданского сектора Блюто вернулся из Парижа в сопровождении нескольких соратников. Чуть позже в Дурдан прибыли Кальвель, Шашелев, В.А. Попандопуло и молодые члены парижской секции, планировавшие вернуться в город с наступающими американцами. На сторону Сопротивления перешло около двадцати власовцев<sup>38</sup> из местного гарнизона во главе со Шкарбановым.

19 августа 1944 г. Сопротивление подняло восстание в Париже, начались уличные бои с немцами. Утром 20 августа к Дурдану начали подходить американские танки. Александр Угримов встречал передовые танки на окраине города, а затем въехал на броне танков в Дурдан. Участники дурданской группы участвовали в стычках с остатками немецкого гарнизона, в одной из них был тяжело ранен в голову Борис Волынцев. За помощь американским войскам А.А. Угримов и двое членов дурданской группы были награждены орденами «За боевые заслуги» [Лебедеко 2011. С. 130].

После полного освобождения города русские и французские участники подпольной борьбы собрались вместе. А.А. Угримов вспоминал: «Отпраздновали освобождение в гараже бурно и весело. Всюду были расставлены столы, все сопротивленцы

<sup>37</sup> АДРЗ Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 18.

<sup>38</sup> Там же. Д. 88. Л. 2.

присутствовали с семьями. Много было выпито вина, пели песни, и громче и лучше всего прозвучало “Не смеют крылья черные над родиной летать”» [Угримов 2004. С. 574].

Такова история дурданской группы. За годы войны в ее рядах состояло около 20 белоэмигрантов в Дурдане и Париже, еще около 20 наших соотечественников из коллаборационистской части примкнуло к Сопrotивлению накануне освобождения города. При этом, общая численность вооруженных сопrotивленцев в Дурдане накануне выступления составляла около 40 человек<sup>39</sup> (без учета бывших коллаборационистов). Таким образом, на местном уровне вклад русской дурданской группы в Сопrotивление был заметным как в численном, так и в организационном плане.

Участвовать в боевых столкновениях группе Угримова довелось лишь в заключительный момент освобождения Дурдана. Вместе с тем, несколько лет группа вела опасную подпольную деятельность, в ходе которой участники группы принимали участие в благотворительной продовольственной помощи нуждающимся антифашистам и эмигрантам; в спасении около 40 советских военнопленных [Кривошеин 1972. С. 279], обеспечении беглецов из немецких лагерей и военнопленных документами, антифашистской пропаганде среди советских коллаборационистов, спасении и сокрытии англо-американских летчиков, сбитых над Францией, получении военных грузов с союзных самолетов.

Подводя черту под своим участием в ресистансе Угримов указывал: «Российскому читателю, несомненно, покажутся несколько странными условия, при которых протекали с 1939 по 1944 год война и оккупация во Франции, настолько это непохоже на то, что имело место в СССР. Для понимания есть только один путь: вдумчивое всестороннее изучение всего богатого и разнообразного материала, который имеется по этому вопросу» [Угримов 2004. С. 575].

После освобождения Франции Александр Александрович Угримов и члены дурданской группы внесли значительный вклад в дело сохранения памяти о русских участниках антифашистского Сопrotивления. В октябре 1944 г. по инициативе группы было проведено общее собрание представителей русских участников

---

<sup>39</sup> Там же. Л. 1.



Сопrotивления по созданию «инициативной группы по собиpанию архива участия русских в Сопrotивлении» [Варягин 1946. С. 51–52]. В начале 1945 г. к ней присоедиpились и другие группы. За несколько месяцев образовался организационный комитет и 23 октября 1945 г. было образовано Содpужество русских добpовольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции во главе с И.А. Кривошеиным. Одним из товарищей председателя стал А.А. Угpимов, а казначеем – С.А. Булацель. Были образованы редакционная (С.А. Булацель) и архивная (А.И. Угpимов)<sup>40</sup> комиссии Содpужества.

В декабре 1945 г. трудами редакционной комиссии и ее главы С.А. Булацеля свет увидел первый выпуск «Информационного бюллетеня» Содpужества. Открывала номер статья А.А. Угpимова «Два слова о возникновении Содpужества», в которой он описал создание Содpужества: «Мысль о создании объединения участников борьбы против немцев, зародилась сразу же после освобождения. Собственно говоря объединение было необходимостью именно тогда, в первые дни после оккупации, и только относительная малочисленность этого типа людей и их разбросанность по разным фронтам регулярных и нерегулярных армий, а также и отсутствие многих еще не вернувшихся из концлагерей – помешало его осуществить» [Угpимов 1945. С. 1]. Помимо участия в издании бюллетеня А.А. Угpимов и другие лидеры групп выступали с докладами о своей деятельности на собраниях Содpужества.

В июне 1946 г. три члена дурданской группы были награждены Военным крестом – А.А. Угpимов, Б.И. Волынцев и врач Э.Н. Бакунина [Урицкая 2010. С. 202].

В июле 1946 г. в Париже был выпущен первый номер «Вестника русских добpовольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции». Перед «Вестником» стояли те же задачи, что и перед «Информационном бюллетенем» – сплотить

---

<sup>40</sup> Угpимов Александр Иванович (1874–1974) – агроном, преподаватель, общественный деятель, отец А.А. Угpимова. В 1922 г. выслан из Советской России на «философском пароходе». В эмиграции в Германии, с 1936 г. проживал во Франции, сотрудничал с младороссами. Гражданин СССР. В ноябре 1947 г. выслан из Франции. В СССР проживал в Ульяновской, затем в Калужской областях, работал на опытных сельскохозяйственных станциях. Позже проживал в Москве.

русских участников Сопротивления и сохранить память об их борьбе. Осенью 1946 г. некоторые члены Содружества, получившие советские паспорта, вернулись в Советский Союз. В феврале 1947 г. вышел второй номер «Вестника», а 15 февраля 1947 г. СРДПУС и Содружество подпольщиков «Русский патриот»<sup>41</sup> образовали единую организацию — Содружество участников Сопротивления русского происхождения во Франции во главе с И.А. Кривошеиным [Российская эмиграция 2007. С. 507].

Активная просоветская деятельность Содружества и других организаций внушала подозрения французским властям, которые постоянно ужесточали контроль над советскими патриотами в эмиграции. 25 ноября 1947 г. А.И. и А.А. Угримовы и еще 22 эмигранта с советскими паспортами были высланы из Франции [Российская эмиграция 2007. С. 474]. Основаниями для высылки стали тесные контакты с ФКП и подозрения в членстве в новых интербригадах — подпольных коммунистических формированиях. В марте 1948 г. последовала новая высылка известных резистантов русского происхождения — С.А. Булацель и другие члены Содружества покинули Францию. Высылка серьезно осложнила существование СУСРП и оставила его практически без руководящего звена, несмотря на это, Содружество продолжало свою деятельность до 1952 г.

В Советском Союзе вернувшихся сопротивленцев и совпатриотов ждала иная реальность: А.А. Угримов, А.И. Кривошеин и многие другие были незаслуженно репрессированы. После смерти И.В. Сталина большинство из них были освобождены, а некоторым удалось добиться и реабилитации.

В канун 20-летнего юбилея дурданской группы А.А. Угримов подготовил на французском языке «Записку об участии русских в дурданском Сопротивлении» (*Memoire sur la participation des Russes a la Resistance de Dourdan*), которая и легла в основу его воспоминаний «О дурданском подполье» и главу «О дурданском Сопротивлении» его воспоминаний [Угримов 2004].

---

<sup>41</sup> Речь идет о ветеранской организации Группы русских патриотов Сопротивления, организованной в 1941 г. в Ницце Иваном Германом.

## **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

АДРЗ – Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына  
ВВС – Военно-воздушные силы  
ВКП(б) – Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)  
ВСЮР – Вооруженные силы Юга России  
ГДР – Германская демократическая республика  
ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь  
МГБ – Министерство государственной безопасности  
ООН – Организация Объединенных Наций  
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия  
РСХД – Русское студенческое христианское движение  
РЭОД – Русское эмигрантское оборонческое движение  
СВНР – Союз возвращения на Родину  
СРДПУС – Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции  
СРП – Союз русских патриотов во Франции  
ССГ – Союз советских граждан  
ССП – Союз советских патриотов  
СССР – Союз Советских Социалистических Республик  
СУСРП – Содружество участников Сопrotивления русского происхождения  
США – Соединенные штаты Америки  
ФКП – Французская коммунистическая партия  
ЦК – Центральный комитет  
FFI (Forces françaises de l'intérieur) – Внутренние французские силы  
RAF (Royal Air Force) – Королевские Военно-воздушные силы

## **ЛИТЕРАТУРА**

Базанов 2015 – *Базанов П.Н.* А.Л. Казем-Бек – лидер движения младороссов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 4.

Варягин 1946 – *Варягин К.* Несколько слов о нашем Содружестве // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления во Франции. Париж, 1946. № 1.

Вырубов 1991 – *Вырубов Н.В.* В память павших воинов. Париж, 1991.

Гладкий 1997 — *Гладкий С.П.* Русские патриоты в движении Сопротивления европейских стран (1939–1945): (по материалам Франции, Италии, Польши). СПб., 1997.

Ковалев 2006 — *Ковалев М.* Русская эмиграция во Франции в годы войны // Новый журнал. № 245. Нью-Йорк, 2006.

Кривошеин 1972 — *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага: Советские люди во Французском движении Сопротивления. М., 1972.

Лебеденко 2011 — *Лебеденко Р.В.* Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны (1939–1945). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 2011.

Массип 2010 — *Массип М.* Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М., 2010.

Попандопуло 1938 — *Попандопуло С.* О пораженчестве // Русский временник. Орган революционной монархической мысли. Париж, 1938. № 2.

Российская эмиграция 2007 — Российская эмиграция во Франции в 1940-е. Полицейский отчет 1948 года «La colonie russe de Paris» («Русская колония в Париже») / публ. Д. Гузевича, Е. Макаренко, при участии И. Гузевич // Диаспора: Новые материалы. Т. 8. СПб.; Париж, 2007.

Российская эмиграция 2015 — Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 года / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015.

Семиряга 2000 — *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Угримов 1945 — *Угримов А.А.* Два слова о возникновении нашего содружества // Информационный бюллетень Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления в Западной Европе. Париж. Декабрь 1945. № 1.

Угримов 2004 — *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Боркуну. М., 2004.

Урицкая 2010 – *Урицкая Р.Л.* Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010.

Finnemore 2013 – *Finnemore S.A.* Hidden From View: Foreigners in the French Resistance. Master of Philosophy. University of Birmingham. 2013.

Jurado 1995 – *Jurado C.C.* Resistance Warfare 1940–1945. L., 1995.

## **Елена СОЛОМИНСКИ**

*Независимый исследователь,*

*Дюссельдорф, Германия*

*E-mail: esolominski@mail.ru*

### **НЕМЕЦКИЕ БЕСЧИНСТВА В НИЦЦЕ**

*Светлой памяти М.А. Пархомовского (1928–2015),  
замечательного человека и ученого*

С 27 марта 1942 по 12 августа 1944 г. нацисты депортировали из Франции 75 721 евреев, т.е. почти четверть еврейского населения Франции (330 000), которое проживало в 1940 г., а также 130 000 евреев – подданных других стран и лиц без гражданства, через лагеря Дранси, Компьен и др. в лагерь уничтожения, преимущественно в Освенцим [Cohen, 1993]. Только 2560 депортированных евреев выжили. Французская полиция участвовала в акциях депортации 25 000 французских евреев. Точное число жертв – русских эмигрантов, которые из Германии и Австрии прибыли во Францию в 1933–1940 гг., неизвестно. В любом случае именно лица без гражданства, которые приехали в Виши после 1927 г. (а таких было большинство из Германии) оказались в незащищенном положении и были депортированы в лагеря на территории Франции. Требование немцев о выводе из французского гражданства тех в прошлом еврейских эмигрантов, которые получили гражданство после 1927 г., и об их выдаче полиции, удалось остановить письмом представителей верхов католической церкви. Несколько облав, начиная с лета 1942 г., стали подлинной трагедией еврейства.

Одним из свидетелей этой старшей трагедии стал Александр Яковлевич Тейтель (1878–1956), сын известного общественного деятеля русской и еврейской эмиграции Якова Львовича Тейтеля (1850–1939), председателя Союза русских евреев в Германии (1921–1935). Присяжный поверенный в Российской империи, в 1918 г. он вместе с отцом, матерью и женой

уехал на Украину, а затем в 1919 г. семья эмигрировала в Берлин, откуда годом спустя – в Ниццу, где проживали родители жены Надежды (урожд. Розенталь). В эмиграции Александр Яковлевич служил коммерческим советником в ряде компаний, занимался общественной деятельностью. В послевоенной Ницце он возглавил Тейтелевский комитет помощи русским евреям (преемник Комитета памяти его отца, основанный в 1940 г. в Париже<sup>1</sup>, а при жизни Я.Л. Тейтеля известный как Тейтелевский комитет помощи русским евреям из Германии (действовал в Париже и Ницце в 1935–1939 гг.).

Вместе с женой Александр Яковлевич Тейтель пережил месяцы немецко-фашистской оккупации в Ницце в подвале дома. Проживая в доме № 54, rue Rossini, он мог из подвала своего дома наблюдать за происходящим на перекрестке бульвара Гамбетта и улицы Россини. Архитектура зданий, кафе, небольшая площадка и даже скамейка, на которой сидели упоминаемые ниже персонажи, остались неизменными.

Письмо врача Людвиг Григорьевич Герба<sup>2</sup>, озаглавленное «Немецкие бесчинства в Ницце» и впервые публикуемое ниже, было направлено в Тейтелевский комитет помощи в Нью-Йорке, который состоял при Союзе русских евреев в США. Оно и содержало фрагменты письма свидетеля из Ниццы – А.Я. Тейтеля.

---

<sup>1</sup> Организация вошла в сообщество из восьмидесяти еврейских общественных организаций, которые действовали по линии Общества распространения здравоохранения среди евреев (ОЗЕ) Франции нелегально в годы нацистской оккупации. Комитет получал также средства от американской благотворительной организации «Джойнт» через свое женевское отделение. Деньги распределялись по спискам среди представителей русско-еврейской интеллигенции по всей Франции, о чем свидетельствует письмо писательницы Августы Даманской от 5 мая 1944 г. Она сообщала в в Тейтелевский комитет в США, что А.Я. Тейтель получал пособие в 1943-1944 гг. (BAR. Ms Coll/Goldenweiser. Box 104. Folder «Teitel Committee»).

<sup>2</sup> Герб Людвиг (Луис) Григорьевич – врач, близкий друг Я.Л. и А.Я. Тейтелей. Жил недалеко от дома, где проживала семья Тейтелей в Ницце (54, rue Rossini). Эмигрировал в 1940 г. в США. В ГА РФ хранится его статья, посвященная последним годам жизни Я.Л. Тейтеля «Еврей-христианин у себя дома», предназначенная для публикации в газете «Последние новости» (Париж) с сопроводительным письмом П.Н. Милюкову (ГА РФ. Ф. Р-6845. Оп. 1. Д. 71. Л. 2-5).

## Немецкие бесчинства в Ницце

Комитет им. Я. Тейтеля получил от А. Тейтеля, сына покойного Я. Тейтеля, возглавляющего в Ницце комитет, подробное на 20-ти страницах письмо, описывающее в ярких красках тот кошмарный ужас, который в течение 13-ти месяцев пережили многочисленные русские евреи на Ривьере. Они вели жизнь затравленных, ожидая ежеминутно конца... «Никакое воображение, никакая самая жуткая фантазия не в состоянии изобразить вкратце все то, что мы пережили за последние годы. Самые ужасные материальные лишения, хронические недоедание, – все это пустяки в сравнении с пыткой страхом. С дьявольской системой немецких преследователей... Десятки друзей, в том числе близкие, сотни знакомых, схвачены и отправлены на убой. Особенно свирепствовали немецкие гангстеры именно в Ницце, откуда депортировали несколько тысяч мужчин, женщин, детей, стариков и грудных младенцев. От них нет вестей и холодный рассудок велит считать их погибшими, но сердце отказывается верить в этот ужас. Трудно передать в рамках статьи то, что описано красочно и угнетающим образом на двадцати страницах. Вот выдержки: «Первые две недели после ухода итальянцев из Ниццы (при них жилось спокойно) все притаились, ждали. Одни потихоньку уезжали, не говоря куда. Взаимное недоверие тихим сапом подкрадывалось и отравляло все мысли, другие днями и ночами прислушивались к слухам, не спали по ночам, обсуждая способы и возможности спрятаться куда-нибудь. Но все, буквально все, запаслись самыми достоверными «арийскими» бумагами. В этом отношении подпольная организация, всецело поддерживаемая префектурой, начиная с 1943 г., оказалась на высоте. Но через две недели приехал Бруннер<sup>3</sup>, гроза немецкой гестапо в Ницце,

<sup>3</sup> Бруннер (Brunner) Алоис (1912–2001/9?/10?) – шеф гестапо Ниццы, руководил акциями по уничтожению евреев в городе, продолжил деятельность в гестапо в 1944 г. по уничтожению венгерских и словацких евреев. До 1943 г. руководил депортациями евреев из Вены и Берлина. После 1945 г. его след был потерян. До 1954 г. проживал под чужим именем в ФРГ. Многочисленные обращения о его выдаче и привлечении к ответственности за его злодеяния были безуспешными. В 1982 г. был идентифицирован в Дамаске (Сирия). В 1984 г. правительство Сирии отклонило обращение о выдаче, направленное ФРГ. Позже это коснулось обращения Франции.



основавший свою штаб-квартиру в отеле «Эксельсиор», начал бушевать. Префектура уничтожила списки евреев гестапо и прибегла к помощи провокаторов, объявив цену: 500 франков за каждого еврея! Увы, пишет А. Тейтель, приходится с горечью признаться, что среди белой эмиграции нашлись охотники. На углу бульвара Гамбетта и улицы Россини они открыли в кафе «Идеал» свою штаб-квартиру. Их два агента, две женщины, старуха Эш, зловещая ведьма, сидевшая целый день на скамейке бульвара Гамбетта, и некая М. Зейдлиц, орудовали вовсю. По их указаниям немцы хватили евреев, не доверяя больше никаким арийским бумагам. Так были схвачены муж и жена, врачи Лейбовичи, Хаскины, Лунц, Щупак, Звездич, Абельманы и сотни, тысячи других. Техника была простая. По городу разъезжал зловещий черный автомобиль, наглухо закрытый, разъезжал сначала ночью. Во всех квартирах, откуда русские евреи еще не успели скрыться, кто-нибудь всегда дежурил. Подъезжал автомобиль, дежурный немедленно будил спавших, все моментально спасались к соседям французским христианам. Французы оказались особенно на высоте, помогали во всем, рискуя жизнью. Особенно в этом отличились священники. Но об этом потом. Черный автомобиль являлся по заранее составленным спискам, по указаниям кафе «Идеал» или Зейдлиц. Так были схвачены внезапно среди бела дня Лейбовичи, поверившие, что черный автомобиль выезжает на охоту лишь ночью. Во время обеда тихонько подкрались и схватили так зубного врача Крубича, крещеного и женатого на Абрикосовой, доктора Пуритца, женщину-врача Маргулис. Эмма Лунц<sup>4</sup>, глухая

---

Поиск, идентификация и доказательство вины А. Бреннера, как и ряда других нацистских преступников, был инициирован французским адвокатом румынско-еврейского происхождения Сержем Кларсфельдом (Serge Klarsfeld), который в 8-летнем возрасте был свидетелем событий в Ницце. 30 сентября 1943 г. он видел, как схватили его отца Арно Кларсфельда, которого отправили в отель «Эксельсиор». Кларсфельд-старший погиб в Освенциме. Благодаря ходатайствам Сержа Кларсфельда в 1950-е годы Бруннер был заочно приговорен французской юстицией к смертной казни. В 2001 г. заочно приговорен во Франции к пожизненному заключению. Точная дата и место смерти неизвестны.

<sup>4</sup> Лунц (урожд. Соловейчик) Эмма Альбертовна (1879–1944), жена Максима Лунца, члена правления Сибирского торгового банка; мать Екатерины Лунц (в зам. Португалова) и профессора Альберта Лунца (1901–1977). Эмма Лунц и ее дочь Екатерина Португалова были депортированы в 1942 г. из Ниццы в Освенцим, где погибли в 1944 г. Альберт Лунц покинул Германию

старушка-вдова, у которой в 1942 г. угнали дочь, скрывалась в пригороде Сан Морис. При выходе из булочной ее заметила Зейдлиц и тут же ее увели. Снова 500 франков. Гнусная ведьма Эш высматривала со своего места на бульваре, не идет ли еврей. Рядом была лавочка антикварных изделий, существовавшая много лет и известная всем русским, и принадлежавшая безобидному на вид русскому, имевшему друзей даже среди евреев. Там оказалось было филиальное отделение доносчиков. Эш делала свое дело при помощи этого друга доносчиков. Он поплатился: в один прекрасный день лавочка была взорвана. Также был уничтожен за городом глава штаба доносчиков.

Травля продолжалась 13 месяцев. Тейтели скрывались в сыром подвале, сданном им алчным поляком, которому они заплатили за семь дней по 1500 франков в день. Через два дня им пришлось уйти: владелец отеля «Гарден», расположенного рядом, скрывался в том же доме, в отдельной комнате гарсоньерки. Ночью, когда немцы пришли, она дала ключ и два старых человек, Иохведзон и его жена, пошли на закланье. Тогда, пишут Тейтели, мы без всяких вещей скрывались в течение двух месяцев у одной нашей близкой знакомой, крещеной еврейки, замужем за

---

в 1932 г., переехав вместе с женой Е.Г. Старковой и сыном в СССР. С 1918 г. семья Эммы Лунц проживала в Берлине, позже – во Франции. Альберт Лунц закончил медицинский факультет Берлинского университета им. Гумбольдта. Работал в Москве, позже в Саратове. В 1936 г. без защиты кандидатской диссертации получил степень доктора наук по совокупности работ. Бывший студент А.М. Лунца, врач Михаил Пархомовский, издатель серии «Русские евреи в культуре зарубежья» в Иерусалиме, годы спустя благодарно вспоминал своего учителя (см.: [Пархомовский 2008]). Именно Пархомовский в 1995 г. рассказал автору настоящей публикации об архиве А.А. Гольденвейзера в Колумбийском университете и вместе с Юлией Гаухман, племянницей С.Ю. Прегель, подсказал, что там могут находиться материалы, связанные с жизнью и деятельностью Я.Л. Тейтеля и А.Я. Тейтеля в военный и послевоенный периоды, что стало началом работы над исследованием по истории русского еврейства в архивах США, России, Франции и Израиля. В 1995 г. было трудно предположить, что история сделает круг (с размахом в 80 лет!), чтобы описать события военного времени и трагедии двух семей, которые окажутся связаны между собой не только географически (Берлин, Ницца и Саратов / Тейтели и Лунц), преемственностью знаний (Лунц и Пархомовский), но и традицией памяти о русской эмиграции (в сборнике М. Пархомовского в Иерусалиме была опубликована первая статья на русском языке о Я.Л. Тейтеле, см.: [Капитайкин 1992]).

немецким арийцем (Вислицеус), на пятом этаже. Немцы приходили ночью в первый и шестой этаж. Уводили свои жертвы. Напротив по доносу схватили Смесосу, жену христианина, крещеную, схватили семью Хаскиных, мать, отца и дочь 20 лет. Отца и мать французы из подполья сумели вырвать, а дочери с ними не было, погибла... Профессора Фельдмана, 75 лет схватили, держали в тюрьме, но он твердо стоял на том, что ариец, и ему поверили. Зато, когда они приехали в Монте-Карло и его дочь Элькан с его внучкой, девушкой 19 лет, решили ехать вдвоем в Париж, в полученном ими спальном вагоне, на вокзале в Ницце на них указала М. Зейдельман, знавшая их в лицо, и их отправили в товарном вагоне в Дранси, откуда чудом, благодаря арийским бумагам, им удалось выскочить. Охота на людей продолжалась без перерыва. Разгромив какой-либо отель, немцы оставляли засаду. Так, например, разгромив отель «Борис», где они схватили Клебановых, Блох и многих других, они не удовлетворились. И когда молодой Фрумкин, спасшийся чудом со своей матерью из этого отеля, вспомнив о драгоценной бутылке с оливковым маслом, решил забрать ее, он был схвачен. Встретивший его знакомый, умолял туда не ходить, но он думал о своей матери, ее нужно было кормить, ей было 73 года. Немцы допытывались у него, где она, и только получив обещание, что они ее не тронут, он пошел с ними домой забрать вещи. Немцы слово свое сдержали. Но на следующий день она сама пришла к ним и сказала: «Вы взяли моего сына, возьмите и меня». Они исполнили ее желание. Вообще, они стариков не гнушались. Так, на горе Симис был дом престарелых евреев – 10 женщин и двое стариков. Старшему 87 лет, младшему – 73. Вилла Жакоб. Кому они нужны? И в один прекрасный день их всех погрузили в вагон.

Писать можно без конца. Довольно. О том, как вели себя белые русские нечего и говорить. Огромное большинство имело рыльце в пушку. Если не все занимались доносами, то мало, кто помогал, тогда как французы рисковали всем, даже жизнью. Особенно отличились в этом отношении католический клир с монсиньером Раймонд<sup>5</sup> во главе. Они прятали кого только

---

<sup>5</sup> Монсиньор Раймонд (Remond) Поль (1873–1963) – епископ римско-католической церкви Ниццы, ученый, удостоен звания Праведник Мира в 1991 г. (№ 5061) за спасение еврейских детей на юге Франции. С ноября 1942 г. – начала оккупации Ниццы Италией и позже, начиная с сентября

могли. И каждый еврей знал, что здесь ему помогут. Особенно сердечно католические священники спасали еврейских детей. Во всех монастырях, окружающих Ниццу, а их довольно много, многие евреи и бесчисленное количество детей нашли приют, хотя это было сопряжено с опасностью расстрела. Монсиньер Раймонд в крайних случаях скрывал детей в своей собственной вилле. Был такой случай, что места больше не было, и он лично ночью привез прибежавших к нему несчастных в отдаленную виллу в парке, а немцы гнались за беглецами и могли поймать их у него же. Русские священники, увы, не были так отзывчивы. Зато в подпольной организации отличился Роговский<sup>6</sup>, социал-революционер, занимавший пост в Петрограде при Керенском. Он организовал команду подпольщиков с несколькими женщинами, беззаветно рисковавшими жизнью. Именно эта организация прикончила и антиквара, и главаря шайки кафе «Идеал». Старуху Эш арестовали, но скоро выпустили. У многих русских после ухода

---

1943 г. – во время оккупации Ниццы немцами, епископ Ремонд помогал группе участников Сопrotивления во главе с доктором Муссой Абади (Abadi, 1907–1997) и Одеттой Розеншток (Rosenstock, 1914–1999), благодаря действиям которой было спасено 500 еврейских детей. Дети были помещены в монастыри, а также в крестьянские семьи в горах. Группа детей была нелегально переправлена в Швейцарию. Памятник Абади-Розеншток установлен в 2018 г. в Ницце на средства семей спасенных. В период оккупации Франции действовало несколько интернациональных групп по спасению еврейских детей. Инициаторами создания крупнейшей региональной сети по спасению евреев, в т.ч. детей, были выходцы из Российской империи Давид Раппопорт (1883–1944), Давид Окс, Абрам Альперин – основатели в Париже организации «Rue Amelot», которая проводила акции спасения детских домов с еврейскими детьми в Париже, Марселе, Тулузе и др. городах. Раппопорт и Окс были арестованы и отправлены в пересылочный лагерь Дранси; они погибли в 1944 г. в Освенциме. Альперин арестован в 1943 г. и освобожден в 1944 г. Он возглавил после войны Тейтелевский комитет в Париже. В организации было задействовано несколько десятков человек, в т.ч. русских, польских и французских евреев. Организации удалось спасти 5000 детей, в основном, переправляя их в Швейцарию. Подробнее см.: [Baldaran, Vochurbeg 2007].

<sup>6</sup> Роговский Евгений Францевич (1888–1950), юрист, эсер-боевик, делегат Всероссийского Учредительного собрания, градоначальник Петрограда (1917), товарищ министра внутренних дел Временного Всероссийского правительства (1918), общественный деятель в эмиграции во Франции, возглавлял в 1923 г. Лигу по борьбе с антисемитизмом, входил в состав Общественного комитета помощи голодающим в России, в 1945 г. был руководителем русского дома в Жуан-Ле-Пэн на Лазурном берегу.

немцев жуткое чувство страха, дрожат руки, походка неуверенная. Родители проклинают свое спасение, не имея вестей о погибших взрослых дочерях и молодых сыновьях. Все голодают и не видят просвета. «Мы все время голодали. Было время, когда мы имели 50 граммов хлеба на 2 дня, а потом оставались пять дней без хлеба. Мы теряли вес, с 70 кг до 39 кг и с 85 до 55-ти. Но это было не так важно, когда месяцами не подходили к окну и каждую минуту ждали гибели в течении 13 месяцев. Теперь мы свободны. Какое это счастье. И потом мы начали получать по 200 гр<амм> в день после освобождения, да еще и белого хлеба... Американцы дают нам два раза в месяц мясо и овощи по 250 и 300 гр<амм>. Яйцо можно получить одно в 6–8 недель. На черном рынке оно стоит 30 франков за штуку. Нет ни молока, ни масла, ни жиров. Можно иметь морковь за 14 франков, пучок салата – за 50 фр<анков>. Это нормальные цены. А вот цены черного рынка: масло 1200 фр<анков> за кило, чай – 7000 фр<анков> кило, сахар – 350 фр<анков> кило. Все мы страдаем опухолью рук. Теперь летом у многих выпадают ногти, многие теряют память, страдают анемией. Но мы так много выдержали, что и это преодолеем. Преодолеем и отсутствие одежды. Вышеприведенное лишь краткие выдержки из письма А. Тейтеля. Неужели мы, спасшиеся в Америке, дадим умереть им той же смертью, хотя бы на свободе, хотя бы не под глумлением палачей? Для этого и был создан Комитет Якова Тейтеля<sup>7</sup>. Жертвуйте!

*BAR. Ms Coll/Goldenweiser. Box 1. Folder 2  
(Машинописная копия).*

---

<sup>7</sup> Комитет Якова Тейтеля – благотворительная организация при Союзе русских евреев в США, созданная в 1945 г. соратниками Я.Л. Тейтеля, русскими евреями-эмигрантами из Берлина в США. Организация осуществляла адресную помощь нуждающимся в США, Палестине, Франции и др. странах. На собранные в США деньги осуществлялась отправка посылок с продуктами питания, медикаментами, одеждой во Францию партнерским организациям – Очаг помощи русским эмигрантам, а также Тейтелевским комитетам помощи русским евреям в Париже и Ницце. Помощь оказывалась не только русским евреям, но и перемещенным лицам, выходцам из лагерей Ди-Пи. Поддержку благотворительным акциям Тейтелевского комитета и Союза русских евреев в США осуществляли Вера Набокова, супруга В.В. Набокова, Маша Калеко, известная поэтесса, многие представители творческой и научной интеллигенции.

## **СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации  
BAR – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York).

## **ЛИТЕРАТУРА**

Капитайкин 1992 – *Капитайкин Э.С.* «Веселый праведник» Яков Львович Тейтель // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. 1919–1939. Иерусалим, 1992. С. 465–475.

Пархомовский 2008 – *Пархомовский М.А.* Из жизни врача. Иерусалим, 2008.

Baldaran, Bochurberg 2007 – *Baldaran J., Bochurberg C.* David Rapoport. La Mere et l'Enfant, 36 Rue Amelot. Memorial Shoa, 2007.

Cohen 1993 – *Cohen A.* Persécutions et sauvetages juifs et français sous l'occupation et sous vichy. P., 1993.

## **Наталья ЛИКВИНЦЕВА**

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,  
Москва, Россия  
E-mail: natalia.likvintseva@gmail.com*

### **БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ: ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ В ОКУПИРОВАННОМ ПАРИЖЕ**

28 июня 1940 г., ровно через две недели после того, как немецкие войска вошли в Париж, митрополит Евлогий (Георгиевский) в оккупированном городе проводит совещание с настоятелями парижских приходов. Владыка признается, что у него было искушение уехать, но он его победил: «Нельзя покидать духовенству своих пасомых»<sup>1</sup>. Главная забота владыки о пастве касается предстоящего голода, угрожающего людям. Чтобы его предотвратить, нужно организовать всеми доступными способами максимально широкую помощь голодающим: «Помощь должна оказываться всем без исключения, не считаясь ни с вероисповедным признаком: православный или католик нуждается, ни с национальным: русский это или француз, а исключительно по признаку нужды»<sup>2</sup>. Война лишь усугубляет нужду, и церковь должна делать то же, что делала всегда: осуществлять дела милосердия, помогать нуждающимся. Традиции церковной благотворительности играли огромную роль в русском Париже, в котором церковные приходы зачастую становились сразу не только религиозными, но и социальными центрами, вокруг которых выстраивались различные формы самоорганизации выброшенных в эмиграцию людей, от сбора средств на общие нужды до целевой помощи самым

---

<sup>1</sup> <Протокол совещания митрополита Евлогия (Георгиевского) с настоятелями парижских приходов (Париж, 28 июня 1940)>. Маш., 10 л. // Архивный центр Русского дома, Сент-Женевьев-де-Буа, Франция. Л. 2. см. этот документ в Приложении к данной статье.

<sup>2</sup> Там же. Л. 10.

незащищенным слоям эмиграции. Интересно, что с началом оккупации митрополит Евлогий настаивает не просто на продолжении такой работы, но на ее еще более системном, чем прежде характере: он хвалит признанные в эмиграции центры благотворительности, общество «Православное Дело» и аньерский приход, не просто за проявленную ими активность, а за то, что им удалось «установить связь с органами городского управления»<sup>3</sup>, с французскими мэриями, что может позволить делать дела милосердия в более широком масштабе и спасти от голода большее количество людей. Так, уже к концу лета 1940 г. столовая, уже довольно давно созданная матерью Марией (Скобцовой) при ее общежитии на улице Лурмель, становится муниципальной, а значит может кормить при поддержке парижской мэрии еще большее количество людей, чем прежде. Участник «Православного Дела» К.В. Мочульский записывает в это время в своем дневнике: «Кантина на Лурмель признана муниципальной. В сарае мать устроила дешевый рынок. На заседании “Православного Дела” разговоры о ценах, запасах, картошке и капусте. “Сейчас не до идеологии. Зимой будет голод. Нужно спасать погибающих”» [Мочульский 1946. С. 75]. Стоит особенно отметить ту помощь, которую оказывал приходам и благотворителям в их попытке организовать системную борьбу с голодом в оккупированном Париже Эмигрантский комитет В.А. Маклакова: в уже упомянутом Протоколе июньского совещания речь идет о помощи, которую этот комитет оказывает матери Марии<sup>4</sup>; а И.А. Кривошеин в своем обзоре «Русские участники Сопротивления» замечает, что работу этого комитета на протяжении всего военного времени можно «с радостью противопоставить “комитету” Жеребкова...» [Кривошеин 1947. С. 93].

Именно деятельность по борьбе с голодом, необходимость обеспечить продуктами всех нуждающихся в оккупации, а также тех преследуемых, кого приходилось скрывать от оккупационных властей, и стала связующим звеном между объединением «Православное Дело» и Дурданской группой французского

---

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. Л. 7.



Сопrotивления. Один из активных эмигрантских членов этой группы, Александр Угримов, занимавший должность технического директора на мельнице, вспоминал, как приезжала к нему мать Мария (Скобцова) договариваться «о доставке в больших размерах, чем раньше, продуктов для питания всех тех людей, о которых она заботилась, скрывала от преследования немцев» [Угримов 2005. С. 347]. А. Угримов же свидетельствовал о том, что постоянную связь с Дурданской группой «Православное Дело» держало и через его близкого друга Николая Веревкина, входившего в группу и жившего при общежитии матери Марии: «Через него я и снабжал, главным образом, мать Марию хлебными карточками, мукой, крупой и прочими продуктами, иной раз и на грузовиках мельницы» [Там же. С. 348].

Важным этапом вращаяния мирной благотворительной работы «Православного Дела» в начавшуюся в оккупированной Франции подпольную деятельность Сопrotивления стало создание Комитета помощи заключенным лагеря Компьень, «организации, хотя и не причислявшей себя к настоящему Сопrotивлению, но осуществившей весьма ответственную работу в области социальной помощи. Организация зародилась в июле 1941 г. и обосновалась в помещении русской церкви на рю Лурмель; душой дела стала мать Мария Скобцова» [Кривошеин 1947. С. 95]. Инициатором создания Комитета стал известный участник Сопrotивления, инженер, мемуарист, Игорь Александрович Кривошеин (1899–1987): он был арестован, как и множество русских, 22 июня 1941 г., помещен в пересыльный лагерь Компьень, но вскоре отпущен. Увидев своими глазами реальные нужды заключенных, Игорь Александрович постарался наладить помощь и обратился для этого к своему знакомому Сергею Федоровичу Штерну, который и связал его с «Православным Делом». Жена И.А. Кривошеина, Нина Алексеевна Кривошеина (урожд. Мещерская), в своих воспоминаниях «Четыре трети нашей жизни» пишет, что продуктовые посылки для заключенных участники Комитета собирали при помощи русских магазинов и еврейских ресторанов; «...некоторые люди помогали просто деньгами; все эти посылки (а их бывало порой 80–90) возила в Компьень Ольга Александровна Игнатьева на машине французского Красного Креста, которую выхлопотала

Мать Мария. Словом, это была целая организация, которая жила и работала под носом Жеребкова, назначенного в Париж для управления русской колонией» [Кривошеина 1984. С.135].

Хотя лагерь в Компьень (Фронт-Сталаг № 122), являясь лагерем для интернированных и пересыльных, был гораздо мягче нацистских лагерей смерти, но и в нем продуктовые посылки были огромною помощью узникам. Особенно это относилось к одной категории заключенных, отделенных от всех остальных и лишенных права на посылки — евреев. Заключенные Компьень наладили внутреннюю систему, позволявшую подпольно делиться полученными продуктовыми посылками с закрытой зоной, и основой для такой внутренней помощи самым гонимым стали именно посылки, переданные от Комитета помощи заключенным лагеря Компьень. Узник еврейского сектора Георгий Веллер свидетельствует о первых тяжелых месяцах пребывания в лагере в 1941 г.: «Такая помощь для нашего лагеря была жизненно необходимой. Несомненно, именно благодаря этой помощи смертность в нашем лагере за три месяца составила сто человек, а не сто процентов» [Веллер 2005. С. 242]. Он пишет о том, как был потрясен, когда сорок лет спустя узнал, что те спасительные посылки, благодаря которым выжили сотни его товарищей-евреев, собирал и паковал Лурмельский комитет, возглавляемый двумя православными, монахиней Марией (Скобцовой) и священником Дмитрием Клепининым, «и как они рисковали, и как отдали за это собственные жизни» [Там же. С. 243].

Хотелось бы особенно отметить важную роль в самом факте создания Комитета помощи заключенным лагеря Компьень и в его дальнейшем функционировании Сергея Федоровича Штерна (1891–1947), потому что его деятельность известно гораздо меньше, чем подвиг участников «Православного Дела». С.Ф. Штерн был журналистом, общественным деятелем и активным благотворителем. Он окончил юридический факультет Новороссийского университета в Одессе и работал корреспондентом одесских газет; в 1991 эмигрировал, жил в Париже, участвовал в организации Российского комитета помощи голодающим в России, в работе Земгора и Русского народного университета, после войны работал в обществе «Быстрая

помощь». Во время оккупации он, помимо деятельности Комитета, сотрудничал с Сопротивлением и активно участвовал в помощи евреям, в частности, переправлял еврейских детей в провинцию. Хотя Сергей Федорович и сам был евреем и вынужден был носить желтую звезду, но ему удалось избежать ареста и депортации. Хотя его смерть все же была связана с оккупацией: однажды в его бюро ворвался эсесовец и избил его, бил по лицу; после войны от этих побоев у него развился рак губы, от которого Сергей Федорович и скончался. Н.А. Кривошина писала, что «он был благотворителем по призванию, причем без малейшего ханжества или особой позы, которую, увы, часто приходилось мне видеть у многих “благотворителей”» [Кривошеина 1984. С.135].

Еще одной группой людей, нуждающихся в помощи, стали советские военнопленные или угнанные на принудительные работы советские граждане: с прибытием этой категории людей во Францию в начале 1943 г. И.А. Кривошеин связывает начало «Второго периода Сопротивления» [Кривошеин 1947. С. 96]. Многие эмигранты старались помочь пленным соотечественникам продуктами или одеждой, оказать им посильную поддержку и помощь. Священнослужители ставили перед собой еще и задачу духовной помощи таким людям. Особенно активно в организации такой помощи участвовал игумен (с 1953 епископ) Мефодий (Кульман, 1902–1974), настоятель прихода храма Христа Спасителя в пригороде Парижа Аньере. Аньерский приход с самого момента своего основания в 1932 г. славился, по воспоминаниям митрополита Евлогия, «широкой благотворительной деятельностью» [Евлогий (Георгиевский), митр. 1994. С. 442], что связано было именно с личностью его настоятеля, «аскетически настроенного монаха, чуткого к человеческой совести, вложившего в приход всю свою душу» [Там же. С. 441]. Владимир Николаевич Кульман был сыном известного профессора-слависта Н.К. Кульмана. По стопам отца он окончил историко-филологический факультет в Праге и стал сотрудником Пражского Славянского института, но, неожиданно для многих, вдруг сменил академическую карьеру на духовную: в 1931 окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, а в 1930 принял монашеский постриг с именем Мефодий. Вверенному ему аньерскому приходу игумен (с 1938) Мефодий

посвятил всю свою жизнь: там была и школа, и библиотека, и трапезная для нуждающихся, и амбулатория, и дом отдыха; после войны приход издавал прекрасный журнал «Вечное». В военное время отец Мефодий не мог не откликнуться на нужды пленных: в конце 1943 г. совместно с псаломщиком прихода П.А. Поповым он совершил поездку в Шербург и его окрестности и на остров в Нормандии Альдерней «для обслуживания духовных нужд пленных русских рабочих». А П.Е. Ковалевский записал в дневнике 2 января 1943 г., что аньерский приход собрал 3000 мешочков с рождественскими подарками для русских пленных, именно благодаря призыву отца Мефодия, получившему горячий отклик в русском Париже: «несли тикетики для хлеба, сухари, мыло, печенья. Приход превратился на две недели в фабрику мешочков. Все русские получают подарок к Рождеству. И здесь русская эмиграция показала себя на высоте» [Ковалевский 2014. С. 292].

Помощь пленным становилась особенно опасной и особенно тесно связанной с Соппротивлением в ситуации предоставления укрытия бежавшим из плена военнопленным. Так, например, С.М. Зернова вспоминает, как во время войны ее близкая подруга Татьяна Сергеевна Конюс, дочь С.В. Рахманинова, «прятала у себя спасавшегося из немецкого плена Мишу, которого я послала к ней. Мы доставали также одежду, чтобы переодевать других советских мальчиков, бежавших из немецкой армии. Мы брали себе “крестников”, советских раненых в немецких госпиталях, относили им еду. Они радовались, рассказывали свою жизнь. Встречая их, мы прикасались к Русской земле» [За рубежом 1973. С. 281]. Особенно хотелось бы отметить и деятельность самой Софьи Михайловны Зерновой (1899–1972), всю свою жизнь посвятившей разным формам благотворительности и делам милосердия: до войны она возглавляла Бюро по приисканию труда для русских эмигрантов и занималась организацией бесплатных летних каникул для неимущих русских детей. С началом Второй мировой войны, после приказа мэрии Парижа эвакуировать детей из оккупированной зоны, С.М. Зернова взяла на себя ответственность за детские приюты Земгора и Красного Креста, которыми некому было заниматься. Старческий дом кн. Екатерины Мещерской потеснился и освободил для детей один дом в Вильмуасоне.

Всю войну С.М. Зернова поддерживал связь со своими «подопечными» детьми, навещала их по мере возможности, а после войны взяла на себя руководство этим детским домом, переехавшим в Монжерон. Во время оккупации Софья Михайловна пыталась продолжать работу своего Бюро по приисканию труда, т.к. безработица была по русским эмигрантам еще сильнее, чем прежде, но Бюро было закрыто немецкими властями.

Наибольшему риску подвергались те, кто принял участие в организации помощи самой гонимой при нацистской оккупации группе людей — евреям. Хорошо известны слова матери Марии (Скобцовой), произнесенные, когда вышел приказ евреям носить на одежде желтую звезду: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. ... Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды» [Мочульский 1946. С. 75]. Важнейшей формой помощи стала выдача евреям свидетельств о крещении, пока это еще могло помочь. Священник Дмитрий Клепинин выдавал такие свидетельства всем обращающимся, при этом на самом деле крестил лишь тех, кто действительно этого хотел, остальных помечал в своей картотеке буквой Т — т.к. «“липа” по-французски будет tilleul» [Клепинина 2012. С. 111]. В этой деятельности ему активно помогала мать Мария. В июле 1942, во время первого массового ареста евреев в Париже, матери Марии удалось проникнуть на велодром, куда согнали узников, и вынести оттуда в мусорных баках четверых детей [Десанти 2011. С. 157–161]. Центр «Православного Дела», дом на улице Лурмель и курируемый объединением дом отдыха в Нуази-ле-Гран становятся «звеньями» в цепочках Сопrotивления по укрытию евреев и переправке их в свободную зону [Гаккель 1992. С. 215]. За такую помощь гонимым трое участников «Православного Дела» отдали свои жизни: мать Мария (Скобцова) погибла 31 марта 1945 г. в газовой камере нацистского лагеря Равенсбрюк, до последней минуты даже в условиях лагеря продолжая утешать и поддерживать своих соузниц; ее сын Юрий Скобцов (1921–1944) и отец Дмитрий Клепинин (1904–1944) погибли в концлагере Дора. В 1942 в Освенциме погиб Илья Исидорович Фондаминский (1880–1942), близкий друг матери Марии, активно помогавший «Православному Делу», издатель и благотворитель: будучи евреем, он отказался уехать из Парижа, а после ареста отказался

от подготовленного друзьями побега, чтобы разделить участь своего народа; принял крещение в лагере Компьень. Все четверо были в 2004 г. причислены к лику святых Православной Церкви Священным Синодом Константинопольского Патриархата как мученики. Еще двое арестованных тогда же участников «Православного Дела», Ф.Т. Пьянов и Ю.П. Казачкин, тоже прошли через нацистские лагеря, но выжили и вернулись к концу войны в Париж.

Еще до отправки в Германию, в том самом пересыльном лагере Компьень, которому помогал Лурмельский комитет, отец Дмитрий Клепинин сослужил с самодельной, устроенной в лагерном бараке часовне вместе с еще одним священником, арестованным за помощь евреям, – в письме жене от 2 июня 1943 г. он писал: «К нам приехал о. Андрей Врасский, который оживил нашу жизнь» [Клепинина 2012. С. 150]. Протопресвитер Андрей Врасский (1894–1944) принадлежал к юрисдикции РПЦЗ, он был настоятелем Воскресенской церкви в г. Виши и епархиальным миссионером; в 1942 он был уполномоченным митрополита Серафима (Лукиянова) в неоккупированной зоне Франции. Отец Андрей участвовал в Сопротивлении во Франции, крестил и прятал евреев и именно за это был арестован Гестапо 25 января 1943 г. После Компьеня его отправили в концлагерь Бухенвальд, где он и «погиб (оказался замучен) в феврале 1944 г. Позднее отец Андрей Врасский был признан “умершим за Францию”» [Шкаровский 2016].

Активно участвовал в спасении евреев и священник, принадлежавший к юрисдикции Московского Патриархата, настоятель Трехсвятительского подворья в Париже архимандрит Афанасий (Нечаев Анатолий Иванович) (1886–1943). Он был духовным отцом Андрея Блума, будущего митрополита Антония Сурожского, который потом вспоминал его всю оставшуюся жизнь, как подлинного духовного наставника и как самого свободного из всех встреченных им в жизни людей. Он был из крестьянской семьи, в 1923 выехал из советской России в Финляндию и подвизался трудником в Валаамском монастыре; в 1925 уехал учиться в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, где в 1926 принял монашеский

постриг; с 1932 архимандрит. Служил в Трехсвятителском подворье с момента его образования, сначала как помощник настоятеля, а с 1933 как настоятель. Во время оккупации сразу включился в дело помощи евреям: выдавал справки о крещении всем желающим и крестил только тех, кто действительно этого хотел. Чтобы не смущать прихожан и не подвергать их опасности, он снял небольшой особняк на окраине Парижа, где шла активная работа по укрытию евреев, их переправке в свободную зону, организации посильной помощи: «Из особняка каждый день уходили женщины, которые на вокзалах Парижа передавали адреса условленных мест, где преследуемые могли надежно укрыться» [Геновефа (Лаврова), мон. 2011. С. 217]. Свидетельствующая об этом монахиня Геновефа (Лаврова), пишет, что из тех, кто нашел приют в этом особняке, была и ее семья [Там же. С. 217]. Отца Афанасия арестовали прямо в церкви, во время молебна 31 сентября 1942 г. Его отпустили на свободу, но после допросов в Гестапо он прожил совсем недолго и умер в 1943 г. от истощения и обострившихся болезней.

Прошли через арест еще двое священников Московского патриархата, помогавшие преследуемым евреям. Протоиерей Димитрий Соболев (1890–1961), помощник настоятеля Трехсвятительского подворья, прошел через концлагерь Дора (1943–1944), но выжил и вернулся в Париж. Протоиерей Михаил Бельский (1884–1963), настоятель франкоязычного прихода Скорбященской церкви в Париже, был арестован в храме, прямо перед началом литургии 26 августа 1942 именно за помощь евреям, приговорен к девятимесячному заключению в форте Роменвиль, откуда вышел в апреле 1943. С 1946 отец Михаил был членом правления Содружества русского Сопротивления во Франции.

Удалось избежать ареста еще одному укрывавшему евреев священнику из юрисдикции митрополита Евлогия – протоиерею Андрею Сергеенко (1902–1973). Выпускник Свято-Сергиевского православного богословского института, с 1930 г. он был настоятелем церкви св. Иоанна Воина в пригороде Парижа Медоне; в 1939 г. ушел добровольцем во французскую армию, служил санитаром, после поражения Франции вернулся в оккупированный Париж. Он укрывал всю войну, большей частью

в подвале своего дома в Медоне, еврейскую семью: свою прихожанку и духовную дочь Елену Яковлевну Браславскую, ее маму и двоих детей, по ночам выводил детей «гулять в свой садик» перед домом [Попова 2014. С. 88]. Периодически семью переводили с одной конспиративной квартиры на другую, потом снова укрывали в доме. Отец Андрей выдавал также нуждающимся справки о крещении; одно время скрывал нескольких евреев в своем скиту. После войны отец Андрей перешел в юрисдикцию Московского Патриархата и в 1948 уехал в СССР, преподавал в Ленинградской и Московской духовных академиях, в последние годы жизни жил в г. Александрове.

Еще одной формой «пассивного», ненасильственного Сопrotивления стало так называемое «медицинское Сопrotивление» [Антоний Сурожский, митр. 2002. С. 266]: о своей принадлежности к нему в оккупированном Париже подробно вспоминал митрополит Антоний Сурожский. К началу войны Андрей Борисович Блум (1914–2003), будущий митрополит Антоний, сын русского дипломата и племянник композитора А.Н. Скрябина, окончил биологический и медицинский факультеты Парижского университета и успел тайно принести монашеские обеты; он думал о монашестве в миру, о возможности совместить работу врача с монашеским путем полного посвящения своей жизни служению Богу и ближним. В 1939 г. он уходит на фронт военным хирургом: как отмечает его биограф Аврил Пайман, Андрей был награжден почетной медалью за «самоотверженность в лечении раненых» под вражескими бомбардировками [Puman 2016. P. 33]. После поражения Франции Андрей возвращается в оккупированный Париж и через своего старшего знакомого, французского врача, вступает в ряды французского медицинского Сопrotивления: сеть врачей, к которым посылали раненых сопrotивленцев, у кого можно было достать лекарства, кого можно было вызвать к больным, скрывавшимся от нацистского режима. Была также разработана специальная схема медицинских ячеек на случай боев при освобождении Парижа. Одно время, когда Андрей работал на машине скорой помощи, он использовал эту машину и для перевозки людей и грузов, принадлежавших к Сопrotивлению. Одной из форм работы была подпольная «хирургия



в подвальном помещении госпиталя Отель-Дьё» [Антоний Сурожский, митр. 2002. С. 266]. Часть периода оккупации Андрей Блум проработал в парижской больнице Брока, где сотрудниками была разработана целая система для спасения людей, которых хотели отправить на принудительную работу в Германию: к их рентгеновским снимкам пририсовывали признаки туберкулеза или находили другие признаки инфекционной болезни, препятствующей отправке людей. Все это требовало изобретательности, врачебного профессионализма и мужества.

Такое ненасильственное сопротивление, выражавшееся в осуществлении дел милосердия в оккупированном Париже представителями русского зарубежья, стало еще одной страницей, вписанной не только в историю Сопротивления во Франции во время Второй мировой войны, но и историю благотворительности и церковной жизни русской эмиграции. Четверо парижских мучеников – преподобномученица Мария, священномученик Димитрий, мученики Георгий и Илия, отдавшие свои жизни «за други своя», прославлены в лике святых; кто-то еще ждет своего прославления, и каждое доброе дело, и каждый его участник достойны благодарной памяти потомков.

## **ПРИЛОЖЕНИЕ**

***<Протокол совещания митрополита Евлогия (Георгиевского) с  
настоятелями парижских приходов (Париж, 28 июня 1940)><sup>5</sup>***

### **ЗАПИСЬ**

совещания, состоявшегося 28-го июня 1940 года, в Париже, под председательством Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия<sup>1</sup>, в составе: преосвященнейшего епископа Иоанна, наместника Сергиевского подворья<sup>2</sup>, и церковного старосты сего храма С.Ф. Ефремова<sup>3</sup>, протоиерея Н. Сахарова, наместника кафедрального Александро-Невского храма<sup>4</sup>, и церковного старосты А.С. Матвеева<sup>5</sup>, членов Епархиального совета протоиерея И. Ктитарева<sup>6</sup> и архимандрита Никона<sup>7</sup>, настоятеля Аньерского храма Христа Спасителя игумена Мефодия<sup>8</sup> и церковного старосты

---

<sup>5</sup> Публикуется впервые. Приносим глубочайшую благодарность Архивному центру Русского Дома в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция) за разрешение на публикацию этого документа.

графини М.Н. Толстой<sup>9</sup>, настоятеля Серафимовской церкви протоиерея И. Лелюхина<sup>10</sup> и церковного старосты В.А. Нераслева<sup>11</sup>, и<сполняющего> д<олжность> настоятеля Николаевской церкви в Биллянкуре иеромонаха Саввы<sup>12</sup>, церковного старосты Г.А. Гончарова<sup>13</sup> и псаломщика П.В. Спасского<sup>14</sup>, настоятеля Покровской церкви священника Д. Клепинина<sup>15</sup> и председательницы объединения «Православное Дело» монахини Марии<sup>16</sup>, и<сполняющего> д<олжность> настоятеля церкви Св. Воина в Медоне священника В. Кеппа<sup>17</sup> и церковного старосты Свято-Троицкой церкви в Клиши В.Л. Гамрекели<sup>18</sup>.

Собирающиеся перед началом поют «Царю Небесный».

Владыка митрополит приветствует собравшихся и выражает свое глубокое удовлетворение, во-первых, тем, что видит вокруг себя все наше духовенство, оставшееся на своем посту и не покинувшее свою паству в эти исключительно трудные дни. Во-вторых, его Высокопреосвященство приветствует и себя с тем, что он остался при своем кафедральном храме, при центре Епархиального Управления и разделил с духовенством и паствою, которых в Париже около половины, их общую судьбу. Благодарит владыка Господа, что Он помог ему победить искушение уехать. Нельзя покидать духовенству своих пасомых. «Да не будет бегство ваше зимою или в субботу»<sup>19</sup>. Хотя нынче и не зима, но картина, нами переживаемая, была полна неопикуемых страданий людей, кои под влиянием паники покидали Париж, уходя, куда глаза глядят. Духовенство, оставшись на местах, обеспечило непрерывность правильного течения приходской жизни, из которой, прежде всего, нужна сейчас усиленная молитва, а затем пастырское слово. Потребна энергичная пастырская работа о душе и о теле. Уже одно то, что пастырь вместе со своею паствою – облегчает их душу.

С этим чувством радости, внутреннего удовлетворения и благодарности к духовенству за их твердость, владыка митрополит переходит к деловой части, повторив свой призыв стоять всем на своем посту, исполнять пастырский долг и помнить, что в таком случает и Господь не оставит нас и поможет нам.

Преосвященнейший епископ Иоанн от лица всех

собравшихся благодарит владыку митрополита за его самоотвержение и любовь, давшую ему силу преодолеть искушение покинуть Париж, и желает его Высокопреосвященству многих лет.

Владыка митрополит говорит, что он чувствовал потребность личного общения с духовенством и желал бы знать, что именно сделано на приходах в предотвращение надвигающегося призрака голода.

Общественные русские учреждения, вероятно, уже заботятся о разрешении этого вопроса. Этим занимаются как французские, так и русские общества. Но от имени церкви мы должны сделать максимум усилий, и собирание такой лепты должно производиться по всем приходам. Надлежит совершить об этом общественное моление, сделать пастырский призыв о необходимости делиться даже нашими последними скудными средствами. За каждым богослужением постоянно должна ходить особая тарелка «на бедных», а именно «на голодающих», так как именно спасти от этой страшной возможности мы желаем наших прихожан и попавших в бедствие наших соседей — французов. Такая надпись «на голодающих» будет обращать на себя внимание и на такую тарелку будут класть больше и чаще, зная кому она предназначена.

Во всех приходах должны быть специальные небольшие организации для этого дела помощи голодающим, а если где такие организации есть, они должны быть усилены. Не забудьте, что не только поддавшиеся панике беженцы нуждаются в помощи, но и все, кому грозит безработица от вероятного сокращения заводов.

Питание должно быть организовано или бесплатно, или за самую скромную сумму, которая только покрывала бы расходы по изготовлению пищи, и по уплате на труд, с этим связанный. Может быть, удастся войти в соглашение с местными дешевыми русскими столовками, которые, в часы свободные от своей обычной клиентуры, могут держать особый котел для таких дешевых обедов.

В некоторых местах, где такое дело начинается, оно встречает сочувствие мэрий. Может быть, богатая Америка даст что-нибудь со своей стороны.

Следует также обдумать вопрос о ночлегах. Пока еще лето, это не составляет особо острой нужды. Но ведь начнется холодная осень. С топливом должно ожидать величайших затруднений. Бедствие будет грозное. Подумаем и о ночлегах.

Помогать нужно и своим русским, и чужим – французам. Если нужно, созовите небольшие совещания, обсудите вопрос в приходских советах, если нужно, соберите общее собрание. Но помните, что непозволительно одно – это оставаться бездеятельными в столь грозное время.

Затем владыка предлагает присутствующим высказаться и поделиться постановкой дела на приходах.

П.В. Спасский, псаломщик Биллянкурского прихода, сообщает, что им удалось получить пожертвование на 500 фр<анков>, на что создан продуктовый фонд из сухих овощей, риса, макарон. Фонд этот уже почти исчерпан. Покупать консервы слишком дорого. Приход остановился на организации дешевых обедов. Два местных русских ресторана, а также О.Е. Головина<sup>20</sup> заявили о возможности давать за 4 фр<анка> два блюда. Хлеб пока дается к обедам, но если будет сокращение отпуска хлеба, то довольствующиеся должны будут приносить хлеб сами. Мэрия выдает всем нуждающимся, как французам, так и русским, только по два франка на обед, талоны эти бесплатные. Таким образом приходской организации надо изыскать еще только два франка, собрать которые будет возможно, как надеется П.В. Спасский.

При Биллянкурском приходе работает Женское содружество, которое имеет картотеку всех нуждающихся, в случае необходимости производит поверку нужд и дважды в неделю раздает пособия и талоны. За каждым богослужением ходит тарелка на бедных.

Владыка митрополит вновь подчеркивает, что для новых нужд должна быть особая тарелка, независимо от тарелки на бедных, а, как он и указывал, тарелка «на голодающих».

Игумен Мефодий, настоятель Аньерского прихода, сообщает, что благотворительные ячейки были налажены еще раньше. Недавно приход получил довольно значительные отпуска от Верховного комиссара о беженцах из Лондона и от Координационного комитета в Париже на покупку продовольствия и обеспечен средствами примерно еще на две недели, т.е. до

середины июля.

В церковном здании имеется питательный пункт. За три франка 50 сантимов даются два блюда с хлебом. Однако большинство питается бесплатно. Питающихся сейчас 20 человек, а через неделю ожидается 40. Обеды выдаются по очередям. Сейчас трудно находить продукты. Для семейных выдаются сухие продукты в неделю на 65 человек франков на 600. Приходу удалось получить связь с французскими учреждениями, и он скоро будет получать овощи из городских складов по дешевой цене.

Убежище в Розе-ан-Бри<sup>21</sup> почти обеспечено только еще на две недели. Надежда на американский Красный Крест, с которым установлено сношение. Мэрия в Курбеуа помогает русским и просьб оттуда не поступало. Мэрия в Аньере, в Шату и Рюэле относится недоброжелательно, и некоторые из них не выдали даже пособия семействам призванных.

Монахиня Мария (Покровская церковь – «Православное Дело») сообщает, что у них все дело стоит в зависимости от добывания продуктов, что затруднительно. Монахиня Мария и ее сотрудники рано утром ездят на центральный рынок (Халль), покупают там те продукты, которые в данный день имеются на рынке, и затем, нагрузивши мешки, кило по 30, на плечах несут до станции метро, везут продукты по метро, чему нет препятствий, и затем опять тащат их на своих плечах до общежития.

Таким образом, привозится каждый раз по 250–300 кило, три раза в неделю.

Работа продовольствия основана на быстром обороте тех незначительных средств, которые нужны для единовременной покупки продуктов на рынке.

Мэрия 15-го округа собрала представителей французских организаций. На этом собрании была и монахиня Мария. Присутствовало около 10 мирян французов, 15 священников и 25 монахинь. Мэрия организовала 10–12 питательных пунктов. В их число вошел и пункт при «Православном Деле». Французская мэрия выдает всем нуждающимся, как французам, так и русским, бесплатные бонусы<sup>22</sup> по 2 франка. Обед должен стоить именно эту сумму. Нуждающийся приходит в питательный пункт, отдает бон и получает обед. Питательный пункт собирает бонусы, сдает их в мэрию и получает там за них деньги. Так как продуктов на

центральном рынке всегда удастся закупить довольно много, то монахиня Мария устроила при «Православном Деле» небольшой базар, на котором продает продукты уже не по цене центрального рынка, а по розничной, что дает некоторые остатки, идущие на ту же помощь голодающим.

Существующий при «Православном Деле» Союз мобилизованных дал на дело помощи 1000 франков, чем обеспечил 500 обедов.

Монахине Марии удалось получить от мэрии аванс на уголь и право получить этот уголь из городского склада. Также получено право на дешевый картофель при условии, что монахиня Мария предоставляет мешки для перевозки этого картофеля.

Весь расход на продукты, на оплату труда по изготовлению пищи, мытье посуды и уборку, составляет приблизительно 150 фр<анков> на 150 тарелок мясного супа с хлебом. Примерно — половина, 75 человек — оплачивают (по 2 фр<анка> за обед) этот расход, а 75 человек — вторая половина — получает довольствие бесплатно.

Монахиня Мария, через своего помощника Ф.Т. Пьянова<sup>23</sup>, вошла в связь с В.А. Маклаковым<sup>24</sup> и имеет уже обещание нового префекта Маршана<sup>25</sup> — оказывать ей содействие и в нужных случаях пресекать всякого рода чиновническую медлительность и бездействие, если бы о таких ему было сообщено.

Вытекающею из дела довольствия задачей представляется цель — занять работою при этом деле максимум русских и тем дать им известный заработок.

Конечно, в выдаче довольствия недопустимо делать какое-либо различие между русскими и французами.

Отдельно должно разработать организацию детского питательного пункта, так как для детей надо давать другие продукты, в частности — молоко и рис. Монахиня Мария надеется, кормя французов, войти в цепь французских учреждений и добиться получения продуктов, необходимых для детского питания.

Протоиерей Н. Сахаров (кафедральный Александро-Невский храм) докладывает, что попечение о голодающих и нуждающихся в ночлеге в небольших размерах, в меру финансовой возможности, организовано при церкви очень давно, почти с самого начала эмиграции.

По местным условиям устроить близ церкви столовую для голодающих – невозможно. Прежде всего, наш район не тот, в котором живут бедные люди, нуждающиеся буквально в насущном куске хлеба. Затем, приезжать за обедом в наш район с окраин, где живут нуждающиеся, стоило бы метро туда и обратно – т.е. 2 фр<анка> 60 с<антимов>, т.е. дороже обеда. Поэтому благотворительные организации Ал<ександро>-Невского храма осуществляют помощь голодающим путем выдачи талонов, которые покупает церковь и выдает их на столовые, действующие близ района, где живет данный нуждающийся.

Владыка митрополит говорит, что он понимает те особые условия, которые затрудняют деятелям нашего храма в достаточной степени проявить непосредственную работу в деле помощи голодающим, и полагает, что попытки к этому тем не менее надо сделать.

Протоиерей И. Лелюхин (Серафимовская церковь) сообщает, что их приход выдает нуждающимся деньги. У Сестричества имеется для помощи 1500 фр<анков>.

В.Л. Гамрекели (приход в Клиши) заявляет, что в данное время пока еще не чувствуется острой нужды и признака голода. Однако, по приказу владыки митрополита, в Троицкой церкви в Клиши делался сбор, прихожане показали свою отзывчивость, давши 1000 фр<анков>. Питательного пункта при приходе нету, нету в нем нужды, так как прихожане все работают и работы не потеряли. Самый церковный дом занимает удобное положение и достаточное пространство, где можно устроить и столовую, и кухню. Можно рассчитывать, что среди прихожан найдутся люди, которые помогут такому делу своим личным трудом.

Если заводы откроются, то, может быть, Бог помилует от голода.

Священник В. Кепп (Медонский приход) сообщил, что у них в настоящее время имеются некоторые запасы и острой нужды не чувствуется.

С.Ф. Ефремов, церковный староста Сергиевского подворья, сообщил, что в приходе на нужду для голодающих собираются деньги и на эти деньги покупаются боны на обеды. Главная трудность – это малое количество прихожан, в связи с чем и сборы на голодающих на могут быть сколько-нибудь значительными.

Владыка митрополит указывает, что надлежит, приняв к сведению данные различных приходов о положении дел помощи голодающим, надо это дело, где оно уже существует – расширить, а где его нет – начать. Помощь должна оказываться в виде денег, обедов, бонов и т.д. Настоятели и органы приходского управления должны внимательно ознакомиться с данными, сообщенными сегодня от приходов, постараться сделать у себя тоже самое и через две недели, т.е. не позднее 12-го июля, предоставить в Епархиальное Управление по каждому приходу сведения, что делается в какие имеются предположения.

Владыка митрополит предлагает в каждом приходе установить связь с органами городского управления, подобно тому, как это сделано в Аньере и при Покровской церкви на рю Лурмель. Помощь должна оказываться всем без исключения, не считаясь ни с вероисповедным признаком: православный или католик нуждается, ни с национальным: русский это или француз, а исключительно по признаку нужды.

Через две недели владыка митрополит имеет в виду созвать вновь всех настоятелей приходов.

В заключение, его Высокопреосвященство призывает духовенство к горячей молитве об утишении бури житейского моря. «Совершайте чаще богослужения», заканчивает владыка.

Собравшиеся поют *Достойно есть и Испола эти Деспота*<sup>26</sup>.

## ЛИТЕРАТУРА

Антоний Сурожский, митр. 2002 – *Антоний Сурожский*, митрополит. Без записок // Антоний Сурожский, митрополит. Труды. Т. 1. М., 2002. С. 237–276.

Веллер 2016 – *Веллер Г.* <Свидетельство> // Вестник Русского Христианского Движения. 2016. № 205. С. 240–245.

Геновефа (Лаврова), мон. 2011 – *Геновефа (Лаврова)*, монахиня. Воспоминания об архимандрите Афанасии (Нечаеве) // Афанасий (Нечаев), архим. От Валаама до Парижа. М., 2011. С. 213–220.

Гаккель 1992 – *Гаккель С.*, прот. Мать Мария. Париж, 1992.

Десанти 2011 – *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией: неверующая о святой / пер. с фр. СПб., 2011.



Евлогий (Георгиевский), митр. 1994 — *Евлогий (Георгиевский)*, митрополит. *Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной.* М., 1994.

За рубежом 1973 — *За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921–1973).* Париж, 1973.

Клепинина 2012 — *Клепинина Е.* «Руки священника ему не принадлежат...»: Жизнь о. Дмитрия Клепинина. М., 2012.

Ковалевский 2014 — *Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов.* Нижний Новгород, 2014.

Кривошеин 1947 — *Кривошеин И.А.* Русские участники Соппротивления // *Новоселье.* Нью-Йорк, 1947. № 35–36. С. 91–101.

Кривошеина 1984 — *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Paris, 1984.

Мочульский 1946 — *Мочульский К.В.* Монахиня Мария (Скобцова): Воспоминания // *Третий час.* Нью-Йорк, 1946. Вып. 1. С. 64–78.

Попова 2014 — *Попова Б.Б.* Священник Андрей Сергеенко (1903–1973). Россия – Франция – СССР. М., 2014.

Приход 1957 — *Приход храма Христа Спасителя в Аньере. 1932–1957. Юбилейный сборник / сост. П.А. Беклемишев.* Аньер, 1957.

Угримов 2005 — *Угримов А.А.* Воспоминания о матери Марии // *Вестник Русского Христианского Движения.* 2005. № 189. С. 347–349.

Шкаровский 2016 — *Шкаровский М.* Холокост и Православная Церковь. М., 2016. Глава «Русская Православная Церковь Заграницей и Холокост», цит. по: [https://bogoslav.ru/article/6024224#\\_ftnref59](https://bogoslav.ru/article/6024224#_ftnref59) (дата обращения 10.05.20).

Pyman 2016 — *Pyman A.* Metropolitan Anthony of Sourozh: A Life. Cambridge: The Lutterworth Press, 2016.

---

<sup>1</sup> Митрополит Евлогий (Георгиевский) Василий Семенович, 1868–1946), управляющий русскими церквами в Западной Европе, с 1931 управляющий временным Экзархатом русских церквей в Западной Европе в

юрисдикции Константинопольского патриархата, ректор парижского Свято-Сергиевского православного богословского института.

<sup>2</sup> Епископа Иоанн (Леончуков Гавриил Иаковлевич, 1866–1947), наместник Сергиевского подворья в Париже с 1925, епископ Херсонесский, викарий митрополита Евлогия.

<sup>3</sup> Ефремов Степан (Стефан) Федорович (1878–1942), лейб-казак Донского войска, художник, участник Гражданской войны; в эмиграции с 1920 во Франции, с 1930 староста Сергиевского подворья в Париже.

<sup>4</sup> Протоиерей Николай Сахаров (Николай Николаевич, 1869–1951), в 1913–1936 помощник настоятеля Александро-Невского собора в Париже с 1936 его настоятель, с 1936 председатель епархиального совета при митрополите Евлогии, с 1943 протопресвитер.

<sup>5</sup> Матвеев Алексей Сергеевич (1871–1952), юрист, общественный деятель, в 1932–1949 староста Александро-Невского собора в Париже.

<sup>6</sup> Протоиерей Иаков Ктитарев (Иаков Николаевич, 1878–1953), в 1936–1942 второй священник Александро-Невского собора в Париже, в 1934–1946 член епархиального совета, в 1942–1944 преподавал гомиетику в Свято-Сергиевском православном богословском институте, с 1945 протопресвитер.

<sup>7</sup> Архимандрит Никон (Греве Алексей Иванович, 1895–1983), участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1928 окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, с 1928 иеромонах, с 1936 архимандрит, в 1935–1946 третий священник Александро-Невского собора в Париже, член епархиального совета, с 1946 епископ, с 1947 жил в США.

<sup>8</sup> Архимандрит Мефодий (Кульман Владимир Николаевич, 1902–1974), с 1931 иеромонах, с 1932 настоятель храма Христа Спасителя в Аньере (под Парижем), с 1938 игумен, с 1940 архимандрит, с 1953 епископ.

<sup>9</sup> Толстая Мария Николаевна (урожд. Мещерская, инокиня Мария, 1866–1948), графиня, фрейлина императрицы Марии Федоровны; после потери детей и мужа приняла тайный постриг, с 1922 в эмиграции, во Франции; с 1936 по 1947 староста Аньерского храма.

<sup>10</sup> Протоиерей Иоанн Лелюхин (Иоанн Захарьевич, 1883–1945), в эмиграции с 1920, сначала в Великобритании, в 1923–1926 настоятель Успенской церкви в Лондоне; в 1926–1935 настоятель Рождественского храма во

Флоренции, в 1936–1939 настоятель церкви Иверской иконы Божией Матери в Плесси-Робенсон под Парижем, в 1939–1942 настоятель Свято-Серафимовской церкви в Париже.

<sup>11</sup> В документе, видимо, опечатка, и речь идет о Нерослеве Владимире Алексеевиче (1878–1973), церковном деятеле, работавшем в Париже бухгалтером, церковном старосте и почетном попечителе Свято-Серафимовской церкви.

<sup>12</sup> Иеромонах Савва (Шимкевич Сергей Александрович, 1899–1961), участник Гражданской войны, в 1927 окончил русское отделение юридического факультета Пражского университета, а в 1932 – парижский Свято-Сергиевский православный богословский институт, с 1935 священник, с 1937 иеромонах, служил в Праге, Дрездене, Берлине, в 1938–1942 законоучитель в детском приюте в Веррьер-ле-Бюиссон под Парижем и временно исполняющий должности настоятеля церквей в Булонь-Бийянкуре и в Клиши, разъездной священник Александро-Невского собора, с 1942 епархиальный секретарь, с 1946 архимандрит, настоятель Знаменской церкви в Париже, с 1955 настоятель Рождественского храма во Флоренции.

<sup>13</sup> Гончаров Григорий Андреевич (1884–1973), капитан, церковный деятель, с 1932 староста прихода в Пти-Кламаре, с 1936 староста Свято-Николаевской церкви в Булонь-Бийянкуре под Парижем.

<sup>14</sup> Спасский Петр Васильевич (1896–1968), участник Первой мировой и Гражданской войн, эвакуирован на о. Лемнос, затем жил в Болгарии и Италии, где учился в Католическом университете в Милане и прошел школу оперного пения, с 1928 во Франции, в 1929–1945 псаломщик и регент Свято-Николаевской церкви в Булонь-Бийянкуре, в 1945–1968 псаломщик Александро-невского собора в Париже, с 1949 регент митрополичьего хора.

<sup>15</sup> Священник Димитрий Клепинин (Дмитрий Андреевич, 1904–1944), в 1929 окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт, в 1929–1930 стипендиат в Нью-Йоркской протестантской богословской семинарии, в 1930–1937 псаломщик Введенской церкви в Париже, член РСХД, с 1937 священник, в 1937–1938 помощник настоятеля Введенской церкви, в 1938–1939 настоятель Троицкой церкви в Озуар-ля-Ферьер, с 1939 настоятель Покровской церкви при общежитии матери Марии на улице Лурмель, участник «Православного Дела»; в 1943 за помощь

евреям арестован гестапо, погиб в нацистском концлагере Дора; в 2004 г. прославлен в лике святых Священным Синодом Константинопольского патриархата как священномученик.

<sup>16</sup> Мать Мария (Скобцова Елизавета Юрьевна, урожд. Пиленко, в первом замужестве Кузьмина-Караваева, 1891–1945), поэт, художник, богослов, в 1932 в Париже приняла монашеский постриг, основательница и председатель социально-миссионерского объединения «Православное Дело»; за помощь евреям была арестована Гестапо в 1943, погибла в газовой камере нацистского концлагеря Равенсбрюк, в 2004 причислена к лику святых Священным синодом Константинопольского патриархата как мученица.

<sup>17</sup> Кепп Виктор Карлович (1912–1985), окончил русскую гимназию в Кишиневе и парижский Свято-Сергиевский православный богословский институт, с 1938 дьякон, с 1940 священник, в 1940–1943 помощник настоятеля, а в 1940 временно исполняющий должность настоятеля церкви Св. Иоанна Воина в Медоне, под Парижем, в 1941–1942 исполняющий должность настоятеля Троицкой церкви в Клиши, в 1943–1947 настоятель церкви Рождества Богородицы в Пти-Кламаре; после смерти митрополита Евлогия выбрал юрисдикцию Московского патриархата, но потом снял с себя сан.

<sup>18</sup> Гамрекели Владимир Лукич (1876–1960), полковник, церковный деятель, бывший градоначальник Баку, в эмиграции в Париже, работал на фабрике, многолетний староста и псаломщик Свято-Троицкой церкви в Клиши под Парижем, член инициативной группы Союза помощи престарелым инвалидам; в 1950 уехал в Аргентину.

<sup>19</sup> См. Мф 24: 20.

<sup>20</sup> Головина Ольга Евгеньевна (1873–1956), медсестра, педагог, церковный деятель, в эмиграции во Франции, в 1925 основала в Брюнуа под Парижем приют для девочек; была директором русской школы княгини Ирины Павловны в Кенси-сюр-Сенар, активно участвовала в деятельности Сестричества при Александро-Невском соборе, руководила хором для девочек, после Второй мировой войны заведовала четверговой школой при Александро-Невском соборе.

<sup>21</sup> В Розе-ан-Бри, в полутора часах езды от Парижа, прихожане Аньерского прихода арендовали усадьбу с огородом, в которой устроили общежитие для нуждающихся и дом отдыха для приезжающих прихожан

с полумонастырским образом жизни (ежедневные литургии, совместные трапезы, молитва).

<sup>22</sup> От французского *bon* – талон.

<sup>23</sup> Пьянов Федор Тимофеевич (1889–1969), в эмиграции сначала в Югославии, Германии, с 1927 во Франции. Один из руководителей и секретарей РСХД, с 1935 участник «Православного Дела» и один из ближайших помощников матери Марии; в 1943 был арестован Гестапо за помощь евреям, содержался в Бухенвальде, в 1945 вернулся в Париж, перешел в юрисдикцию Московского патриархата.

<sup>24</sup> Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), посол Временного правительства во Франции, на положении посла до 1924, затем возглавил Офис по делам русских беженцев при французском Министерстве иностранных дел, председатель Русского эмигрантского комитета во Франции.

<sup>25</sup> Маршан Камиль (Marchand Camille, 1873–1972), с 1936 генеральный директор муниципальной полиции парижской префектуры, в 1941 префект полиции Парижа.

<sup>26</sup> «Ис полла эти деспота», т.е. «На многая лета, владыко» (греч.), песнопение православного архиерейского богослужения.

## **Анна РОБЕРТИ**

*Независимый исследователь,*

*Турин, Италия*

*E-mail: roberti.anna@tiscali.it*

### **ТУРИНСКИЙ МЕМОРИАЛ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН И УЧАСТНИКОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ПЬЕМОНТЕ**

Уже несколько лет Культурная ассоциация «Русский мир» города Турина, которой я руководила двадцать лет и почётным президентом которой ныне являюсь, занимается вопросом сохранения памяти советских партизан, воевавших в Италии, в частности, на северных территориях Пьемонта и в Долине Аосты.

Этому вопросу мы первоначально посвятили документальный фильм «Рука об руку» (2006 г., режиссёр Марчелло Варальди), который даёт широкую панораму участия советских партизан в Соппротивлении на территории Пьемонта. Немало места мы уделили двум широко известным советским партизанам, героически погибшим за свободу Италии – русскому Фёдору Полетаеву и грузину Форе Мусолишвили. Вместе с другими солдатами Красной Армии они были награждены высшей наградой Италии за подвиг на поле боя – золотой медалью «За воинскую доблесть». Фёдор Полетаев похоронен на Партизанском поле Монументального кладбища в Генуе, а Форе Мусолишвили – в Ароне (Новара).



*Никола Гроза*

Anna Roberti

## DAL RECUPERO DEI CORPI AL RECUPERO DELLA MEMORIA

NICOLA GROSA E I PARTIGIANI SOVIETICI  
NEL SACRARIO DELLA RESISTENZA DI TORINO



*Исследование А. Роберти*

В процессе работы над фильмом мы столкнулись с уникальной фигурой Николы Гроза: родившийся в 1909 г., социалист и потом коммунист, партизан, после Второй мировой войны он долгие годы занимался розыском останков участников Сопrotивления, павших на территориях Пьемонта и Долины Аосты. Не используя никаких антибактериальных средств («Останки наших павших собираются голыми руками», – говорил он), Гроза собрал около 900 останков партизан, находившихся в лесах, в полях, в горах или на маленьких заброшенных кладбищах.

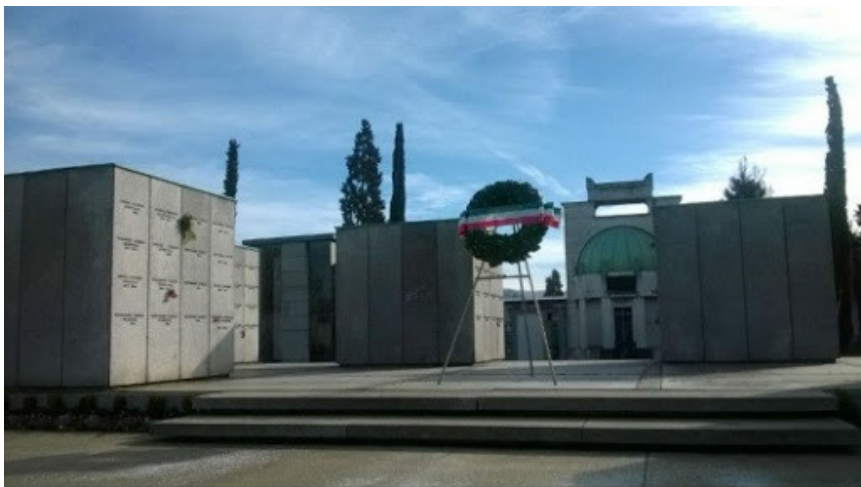
Оказалось, что среди них было немало иностранных партизан, в том числе и советских.

Поэтому мы решили снимать второй документальный фильм – «Никола Гроза – Антигона нашего времени» (режиссёр Марио Гарофало). В апреле 2012 г. он стал одним из двух победителей конкурса «Историческая память» на XVI кинофестивале долины Сузы, организованном вместе с Национальной ассоциацией итальянских партизан. В мотивировке премии говорилось: «Историческое исследование, посвящённое советским партизанам, которые сражались вместе с итальянскими партизанами, представляет собой значительную работу: мысль о возможности воссоздать – через много лет – имена и истории людей, пришедших во время войны из мест очень далеких, действительно, действие храброе и достойное восхищения. Все рассказанные истории интересны и прекрасна линия Николы Гроза, позволяющая соединить в одну нить разных героев более, чем соответствует этой цели».

Пока мы снимали первые сцены о жизни и деятельности Николы Гроза, к нам обращались родственники советских партизан, погибших в Пьемонте, которые искали их могилы. В конце концов мы обнаружили, что именно Никола Гроза нашел и перезахоронил останки этих солдат Красной Армии; поэтому в нашем фильме мы рассказываем также об этом, о попытках воссоздать истории этих людей, а также реконструировать обстоятельства их гибели и перезахоронение их праха.

Поскольку в процессе работы над этими фильмами мы собрали много нового исторического материала о советских партизанах, захороненных на туринском Мемориале, у меня возникла идея издать книгу по этой теме в сотрудничестве с Муниципалитетом города Турина. И в конце 2014 г. вышла на итальянском языке книга «Dal recupero dei corpi al recupero della memoria», что в переводе на русский приблизительно звучит как «От поиска праха советских партизан к сохранению их памяти». Основной целью моей работы являлась попытка установить настоящие имена и фамилии этих людей, чтобы их правильно указать на мраморных досках Мемориала.

В данном исследовании сначала я привожу биографию Николы Гроза и рассказываю о том, как была организована его добровольная деятельность по розыску останков и их



*Туринский мемориал Сопrotивления*





*Советские партизаны на Туринском мемориале*

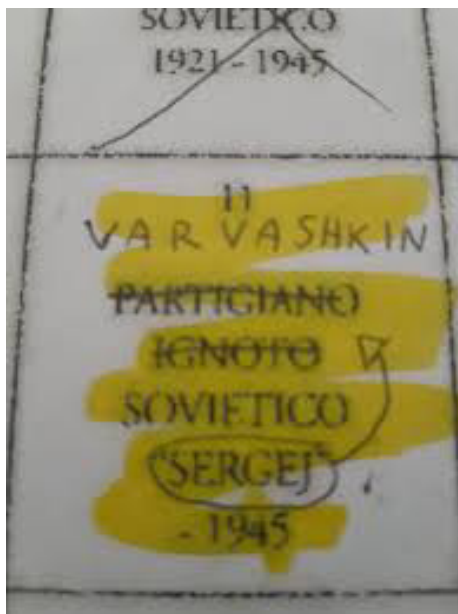
перезахоронения на туринском Монументальном кладбище.

Немало места я посвящаю также этому историческому памятнику и тому, как здесь уже в 1945 г. было организовано так называемое «Поле славы», которое в 1965 г. было заменено современным Мемориалом Сопrotивления. В настоящий момент здесь указаны фамилии около 1 300 партизан: среди них около 90 – советские. Не всегда их имена являются подлинными, есть много искажений, иногда их помнят только по прозвищам, которые они использовали в бою («Грузия», «Кри-Кри» ...) или по уменьшительным именам («Миша», «Саша» ...). Кроме того, многие партизаны остались неизвестными и на туринском Мемориале немало мест, где на мраморных досках просто написано «Неизвестный советский партизан».

С помощью данных и документов, имеющихс я в российских базах данных и в итальянских архивах, я воссоздала историю многих из партизан: где они жили до войны, когда были призваны, где и когда были взяты в плен нацистами и оказались «пропавшими без вести», когда и как приехали в Италию, бежали из плена и присоединились к отрядам итальянского Сопrotивления, где, когда и как они погибли в бою, когда Никола Гроза перезахоронил их прах. В некоторых случаях мне удалось восстановить имя и

фамилию неизвестных; я также выяснила, что один партизан, указанный на Мемориале как «югославец», на самом деле был русским. С другой стороны, я с большим удивлением обнаружила, что на Мемориале указаны фамилии пяти советских солдат, не имеющих на это никакого права. Первый действительно воевал в рядах итальянского Сопротивления но после того, как был взят в плен фашистами, стал сотрудничать с ними и был расстрелян партизанами как шпион. Второй работал для Организации Тодта и погиб во время англо-американской бомбёжки. Третий умер военнопленным. Кроме этого, на двух досках указаны фамилии двух советских, а рядом написано слово «хиви»: видимо, это так называемые «добровольные помощники» Вермахта и даже если эти двое не участвовали в военных операциях против партизан и в карательных акциях, всё-таки я считаю, что Мемориал Сопротивления – неподходящее место для их вечного покоя. Эта недопустимая ситуация связана не с деятельностью Николая Гроза, а с непонятной инициативой итальянского Министерства обороны, которое после

его смерти решило перезахоронить на туринском Монументальном кладбище останки некоторых советских солдат, не погибших в Пьемонте и в Долине Аосты, а в других итальянских регионах. Это было сделано непрофессионально и без необходимых проверок: в результате, кроме вышеуказанных случаев, я выяснила, что на туринском Мемориале «похоронены», так сказать, советские партизаны, останки которых, на самом деле, еще находятся на месте их гибели или были перезахоронены на Родину, уже не говоря о тех, фамилии



*Пример исправления фамилий  
на Мемориале*

которых указаны на туринском Мемориале, а прах находится на немецком кладбище Костермано на берегу озера Гарда...

На основании моих исследований туринский Муниципалитет уже начал работу по исправлению неправильных фамилий советских партизан на Мемориале. А мы, как Культурная ассоциация «Русский мир» продолжаем собираться 9-го мая на Мемориале и уже несколько лет организуем там свой «Бессмертный полк» с портретами тех советских солдат Красной Армии, которые присоединились к нашим партизанам и в значительной мере способствовали разрушению нацифашизма в нашей стране и, следовательно, во всей Европе.

Кроме того, ко мне все чаще обращаются внуки советских партизан, воевавших в Пьемонте и на Долине Аосты, и мы вместе посещаем те места, где их деды воевали вместе с итальянскими партизанами. Эта последняя деятельность является для меня особенно важной и эмоциональной и надеюсь, что в будущем смогу помогать все больше и больше людям, которые не забыли о подвиге своих дедов.



*9 мая на Туринском мемориале*



*Бессмертный полк в Турине*



*Внук грузинского партизана на Долине Сузы*



*Бессмертный полк в Турине*



*Внук сибирского партизана на Долине Аосты*



Научное издание  
**Русская эмиграция и движение Сопротивления  
в годы Второй мировой войны**

Составитель Сорокина Марина Юрьевна  
Макет Львовой Марии Львовны